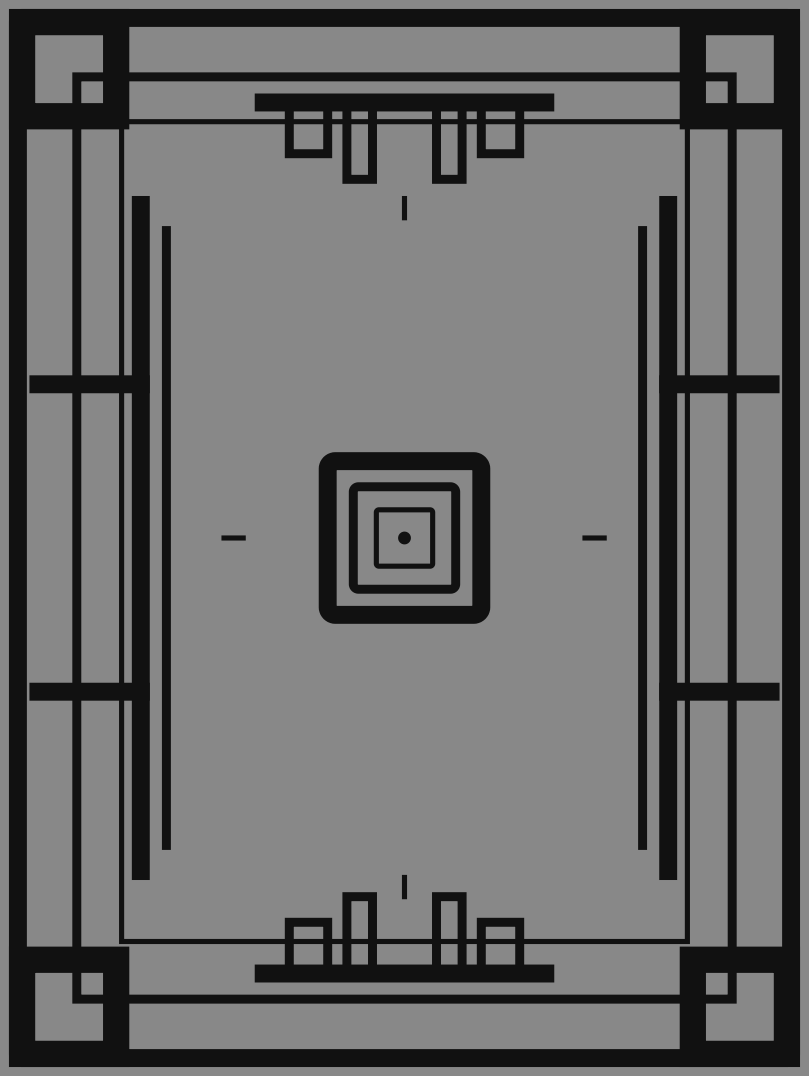

Затворник из горной твердыни [= Человек в высоком замке]

Филип Кинред Дик

Аннотация
Филип К. Дик. ЗАТВОРНИК ИЗ ГОРНОЙ ТВЕРДЫНИ. [= Человек в высоком замке]
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
Приложение

Аннотация

Белое или черное — европейская модель; белое станет черным — китайская модель; белое и есть черное — индийская модель. Эту книгу нужно обязательно прочитать, как «Основание» А. Азимова. В ней рассказывается о том, какая ситуация сложилась в мире после победы Германии и Японии во второй мировой войне. Шесть сюжетных линий пересекаются между собой, образуя увлекательный клубок событий. Хотя в основе «Человека в высоком замке» лежит символика «Книги перемен», хотя он насыщен духом, философией и терминологией Востока, это очень американский роман, где учение о Дао, образы «Ицзина» и «Бардо Тходол» вплетены в жизнь Америки шестидесятых, в ее прошлое и настоящее (пусть альтернативное).

© *SeaBreeze*

Филип К. Дик
ЗАТВОРНИК ИЗ ГОРНОЙ ТВЕРДЫНИ
[= Человек в высоком замке]

1

В течение всей недели мистер Роберт Чилдэн просматривал почту со все нарастающим беспокойством, а ценная посылка из Штатов Скалистых Гор все не приходила. Когда в пятницу утром, отперев двери своего магазина, он увидел на полу у прорези для почты только несколько писем, то уже окончательно понял, что дальнейшая задержка заставит заказчика гневаться.

Выпив чашку дешевого растворимого кофе из настенного автомата, он достал веник и стал подметать. Еще немного времени — и магазин «Художественные промыслы Америки» будет готов принять первых посетителей: все в нем буквально сияет, касса полна мелочи для сдачи, в вазе для цветов — едва распустившаяся календула, из скрытых динамиков льется негромкая, приятная музыка. Улица уже начала заполняться деловыми людьми, спешащими в свои многочисленные конторы, расположенные на Монтгомери-стрит. Вдали проплыл вагончик фуникулера. Появились женщины в длинных шелковых платьях яркой раскраски. Чилдэн

провожал их благосклонным взглядом. Но тут зазвонил телефон. Он повернулся и снял трубку. Послышался хорошо знакомый ему голос, от которого сердце его упало.

— Это мистер Тагоми. Уже прибыл заказанный мною плакат с объявлением о призыве в армию времен гражданской войны, сэр? Пожалуйста, припомните, вы обещали мне его еще на прошлой неделе. — Голос звучал нервно, отрывисто, говоривший, видимо, прилагал немалые усилия, чтобы не взорваться и оставаться в рамках приличий. — Разве я не оставил вам задаток, мистер Чилдэн, и не разъяснил всю важность этого заказа? Поймите, это подарок, я еще раз повторяю это, одному из моих клиентов.

— Я навел за свой собственный счет, мистер Тагоми, — начал объяснение Чилдэн, — многочисленные справки в отношении посылки, которая, как вы сами понимаете, сэр, должна быть отправлена из-за пределов нашей страны и поэтому…

Но Тагоми не дал ему договорить.

— Значит, она не прибыла.

— Нет, мистер Тагоми, еще не прибыла. Нет, сэр.

Последовала тягостная пауза.

— Я больше не могу ждать, — произнес Тагоми ледяным тоном.

— Понимаю, сэр.

Чилдэн угрюмо смотрел неподвижным взглядом сквозь стекло витрины на залитую солнцем улицу, на многочисленные здания деловой части Сан-Франциско.

— Придется чем-то заменить заказ. Что бы вы порекомендовали, мистер Чилдаан?

Тагоми явно умышленно исказил фамилию. От этого оскорбления, внешне не нарушившего приличий, у Чилдэна запылали уши. Удар был нанесен в самое уязвимое место, он подчеркнул всю глубину его унижения, сразу же ставил его на соответствующее место. Он всколыхнул все его тщательно скрываемые страхи и боли, обнажил их, и они, поднявшись из самой глубины души Роберта Чилдэна, встали комом у него в горле, гирями повисли на языке. Он стал заикаться, трубка в его ладони сделалась липкой. И хотя магазин был наполнен ароматом календулы и звуками приятной музыки, он чувствовал себя так, будто тонул где-то посреди океана.

— Ну… — едва выдавил он из себя наконец, — пожалуй, вам может подойти миксер. Ручной миксер для приготовления мороженого, где-то

года тысяча девятисотого.

Мысли его путались. Надо же такому случиться как раз тогда, когда он в свои тридцать восемь лет только-только начал обретать успокоение. Когда ему, казалось, уже удалось обмануть самого себя и начать забывать те довоенные годы, совсем иную эпоху. Франклина Делано Рузвельта и всемирную выставку. Тот прежний, лучший мир.

— Разрешите доставить к вам в контору несколько интересных образцов? — с трудом подвел он к завершению разговор.

Встреча была назначена на два часа. Придется закрыть магазин, решил он, повесив трубку. Другого выхода не было. Нельзя терять благорасположение клиентов — именно на нем держался его бизнес.

Все еще дрожа, он обнаружил, что кто-то вошел в магазин. Молодые мужчина и женщина, японцы, оба красивые, хорошо одетые. Идеальная пара. Он успокоился, движения его снова приобрели профессиональную раскованность. Улыбаясь, он направился к посетителям. Низко наклонившись, они рассматривали вещи, выставленные на прилавке, затем выбрали прелестную пепельницу. Муж и жена, догадался Чилдэн. Живут в новом районе с романтичным

названием «Город клубящихся туманов», известном своими изысканными квартирами с видом на дальние горные цепи.

— Добро пожаловать, — приветливо произнес он, уже вполне оправившись.

Они улыбнулись ему в ответ чистосердечно, без малейшей тени превосходства. Выбор антикварных товаров — самый богатый на всем Побережье — несколько ошарашил их. Это не ускользнуло от его внимания, и он почувствовал благодарность к ним. Они знали толк в хороших вещах!

— У вас великолепные образцы, — сказал молодой человек.

Чилдэн непроизвольно поклонился.

В их глазах отражалась не только доброжелательность, но и восхищение произведениями искусства, которыми он торговал. Они как бы благодарили его за возможность наслаждаться лицезрением таких высоких образцов искусства, прикасаться к ним руками, внимательно изучить их, перекладывать с места на место, даже ничего не покупая. Да, подумалось ему, они ясно себе представляют, в какой магазин попали. Это не какая-нибудь халтура для заезжих туристов, не дощечки из красного дерева с надписью «Мьюрвудс, Приморский округ, ТША», не потеш-

ные рекламные надписи или девичьи кольца, не почтовые открытки с видами мостов… Какие у нее глаза! Большие, темные. Я мог бы легко влюбиться в такую девушку, — подумал Чилдэн. И какой трагичной стала бы тогда вся моя жизнь — будто она и без того еще недостаточно тяжела! Черные волосы, прибранные в модную прическу, покрытые лаком ногти, мочки ушей, чуть оттянутые длинными медными сережками ручной работы.

— Ваши серьги, — пробормотал он. — Вы их, наверное, здесь приобрели?

— Нет, — ответила девушка. — Дома.

Чилдэн понимающе кивнул. Здесь не было места современному американскому искусству. В таком магазине, как у него, могло быть представлено только прошлое.

— Вы здесь давно? — спросил он. — У нас, в Сан-Франциско?

— Даже потерял счет времени, — ответил парень. — Работаю в комиссии по планированию жизненного уровня экономически неблагополучных районов.

Лицо его сияло гордостью. Он не имел никакого отношения к военным. Не был одним из жующих жвачку плохо воспитанных призывников с ха-

рактерными жадными крестьянскими лицами, одним из тех, что шатаются по Маркет-стрит, с отвисшими челюстями, глазея на непристойные рекламы, афиши секс-кинотеатров, на стрелковые тиры, на дешевые ночные клубы с фотографиями блондинок не первой молодости, зажимающих морщинистыми пальцами голые соски и зазывно глядящих на прохожих; на грязные трущобы, из которых доносятся душераздирающие вопли джаза; на покосившиеся бараки из жести и фанеры, выросшие повсюду как грибы, еще до того, как на город упала последняя авиабомба. Нет — этот человек принадлежал к элите. Культурный, образованный, пожалуй даже в большей степени, чем мистер Тагоми, который был высокопоставленным чиновником одной из главных торговых миссий на тихоокеанском побережье. Тагоми был уже немолодым человеком — его взгляды и вкусы сформировались еще во времена военного правительства.

— Вы хотите приобрести произведения американского народного искусства в качестве подарка? — спросил Чилдэн. — Или чтобы украсить свою новую квартиру?

Если бы только оказалось верным его последнее предположение… Сердце его екнуло.

— Вы совершенно правы, — подтвердила девушка. — Мы начинаем обставлять квартиру. Вы могли бы помочь нам?

— Несомненно. Мы можем встретиться у вас дома, — предложил Чилдэн. — Я захвачу с собой несколько баулов с образцами. В любое удобное для вас время. В этом ведь и заключается моя работа.

Он потупил глаза, чтобы не выдать свое страстное желание побывать у них в доме. Здесь, пожалуй, пахло не одной тысячей долларов.

— Вот сейчас, — продолжил он, — я как раз ожидаю обеденный стол из Новой Англии, кленовый, без единого гвоздя — весь на деревянных шпунтах. Невообразимой красоты и эстетической ценности. И зеркало времен войны 1812 года. А еще предметы художественных промыслов аборигенов, например, целый комплект ковровых дорожек из козьей шерсти, выкрашенных растительными красителями.

— Мне лично, — вступил в разговор мужчина, — больше по вкусу городское искусство.

— Да, сэр, — с жаром подхватил Чилдэн, — послушайте, есть у меня одна роспись на досках, состоящая из четырех секций, — оригинальное произведение времен освоения Запада, изоб-

ражающее Горация Грили. Предмет мечтаний коллекционеров.

— О… — протянул мужчина, его черные глаза загорелись.

— И музыкальный автомат 1920 года, переделанный под бар.

— О!

— И кое-что еще, например, подписанная картина кисти Джина Харлоу.

Мужчина был в восторге.

— Значит, договорились? — налегал Чилдэн, стараясь не упустить подходящий психологический момент. Из внутреннего кармана пиджака он извлек авторучку и блокнот. — Я запишу вашу фамилию и адрес.

Молодая чета уже покинула магазин, а Чилдэн еще долго стоял, заложив руки за спину и глядя на улицу. Радость переполняла его. Если бы такими же удачными были все остальные дни работы магазина! Для него это была не просто удачная сделка. Ему предоставлялась возможность побывать в гостях у четы японцев, у них дома, к тому же принимать его они будут как интересного человека, а не просто как янки или как торгаша. Да, это уже совершенно другие, новые люди, принадлежащие к поколению, которое не помнит

ни довоенных дней, ни самой войны — именно они-то и являются надеждой мира. Различие в положении для них не имеет никакого значения.

Оно исчезнет вообще, подумал Чилдэн. Когда-нибудь. Само понятие положения, статуса. И все станут не господами и слугами, а просто людьми.

И все же он был очень не уверен в себе, мысленно представляя, как будет стучаться в их дверь. Он еще раз проверил свои записи. Казоура. Они непременно предложат ему чай. Как ему вести себя в этом случае? Что надлежит делать в каждый отдельный момент чаепития? Он может опозориться, как дикарь, совершив какой-нибудь ложный шаг, который покажется им неприятным.

Девушку зовут Бетти. У него не выходило из головы выражение ее лица. Нежные, полные сочувствия глаза. Даже за то небольшое время, что она провела в магазине, ей, казалось, с большой проницательностью удалось разглядеть и надежды его, и разочарования.

Надежды… Он вдруг почувствовал легкое головокружение. Ну что за мечты, граничащие с безумием, если не самоубийством, позволил он себе? Да, такое случалось, определенные отно-

шения между японцами и янки, хотя, большей частью, между японцами-мужчинами и янки-женщинами. Но здесь… Он ужаснулся от самой мысли об этом. Да к тому же она замужем. Он отогнал от себя невольные праздные мысли и начал деловито вскрывать утреннюю почту.

Руки его, как он вскоре обнаружил, все еще продолжали дрожать. А затем он вспомнил, что на два часа у него назначена встреча с мистером Тагоми. Он постарался успокоиться, нервозность переросла в озабоченность. Мне нужно подобрать для него что-нибудь подходящее, твердо решил он. Только вот где? Как? Что? Надо звонить поставщикам. Мобилизовать все свои связи, всю свою деловую хватку. Сорвать, как в покере, большой шлем, чтобы навсегда сохранить покровительство такого высокопоставленного лица. Подцепить полностью отреставрированный «форд» модели 1929 года, включая матерчатый верх (обязательно черный). Может даже не распакованный, абсолютно новый трехмоторный почтовый самолет, обнаруженный в каком-то сарае в Алабаме или еще что-нибудь в таком же духе. Изготовить мумифицированную голову мистера Буффало Билла с развивающимися светлыми волосами, — непревзойденный шедевр

подлинно американского искусства. Все это поднимет мою репутацию на недосягаемую высоту среди знатоков по всему Тихому океану, включая и острова метрополии.

Он закурил сигарету с примесью марихуаны, отличную сигарету марки «Земля Улыбок», чтобы собраться с духом.

* * *

Лежа в постели у себя в комнате на Хэйес-стрит, Фрэнк Фринк никак не решался подняться. Лучи солнца, пробивавшиеся сквозь шторы, падали на груду сваленной на пол одежды. И на его очки. А не наступит ли он на них? Надо попытаться, подумал он, добраться до ванной комнаты другим путем. Проползти, что ли, перекатываясь с боку на бок? Голова страшно болела, но особой печали он не испытывал. Никогда не оглядываться назад, уж такое решение он принял раз и навсегда. Который час? Часы должны стоять на комоде. Полдвенадцатого! С ума сойти. А он все еще валяется.

Я уволен, подумал он.

Вчера на заводе он поступил опрометчиво. Не стоило в таком тоне разговаривать с мистером Уиндем-Мэтсоном, у которого вогнутое, словно

тарелка, лицо, а нос, как у Сократа, на пальце — кольцо с бриллиантом, и одежда на золотых застежках-молниях. Другими словами, он олицетворял само всемогущество. Настоящий монарх. Путаные мысли Фринка совсем смешались.

Вот так, подумал он, еще и занесут меня в черный список. Что толку в моей квалификации — у меня нет профессии. Пятнадцать лет стажа? Насмарку.

Придется теперь предстать перед Комиссией по разрешению трудовых споров, где будут пересматривать его рабочую квалификацию. Поскольку ему так и не удалось выяснить, каковы отношения Уиндем-Мэтсона с «пиноками» — белым марионеточным правительством в Сакраменто, он не мог ясно представить себе реальные возможности хозяина влиять на власть предержащих — японцев. В Комиссии по спорам заправляли «пиноки». По распоряжению Уиндем-Мэтсона ему придется оправдываться перед четырьмя-пятью толстомордыми белыми средних лет. Если же там ему не удастся добиться оправдания, то придется отправиться в одну из экспортно-импортных торговых миссий, управляемых из Токио, конторы которых наводнили Калифорнию, Орегон, Вашингтон и ту часть Не-

вады, которая включена в Тихоокеанские Штаты. Но уж если и там его объяснения оставят без внимания…

Планы, один нелепее другого, возникали и угасали у него в голове, пока он продолжал валяться в кровати, тупо уставясь взглядом на игру света и тени на потолке комнаты. Он мог бы, к примеру, перебраться тайком в Штаты Скалистых Гор. Но они были тесно связаны с ТША, и его могли выдворить оттуда назад. А что, если податься на Юг? По его телу пробежала дрожь. Нет. Только не туда. Для белого человека работы там хоть отбавляй, устроиться на работу гораздо легче, чем в ТША, только… Ему не хотелось отправляться в такого рода места.

И, что хуже всего, Юг был самым тесным образом связан экономически, идеологически и одному Богу известно как еще с Рейхом. А Фрэнк Фринк был евреем.

По-настоящему звали его Фрэнк Финк. Он родился на Восточном побережье, в Нью-Йорке и был призван в армию Соединенных Штатов Америки в 1941 году, сразу же после поражения России. Когда японцы захватили Гавайи, его перевели на Западное побережье. Вот здесь он и застрял после войны на японской стороне от

линии размежевания между союзниками по Оси. Здесь находится он и сегодня, пятнадцатью годами позже. В 1947 году, в день капитуляции, он едва не сошел с ума. Ненавидя японцев до глубины души, он поклялся отомстить. Закопал свое оружие в подвале, предварительно смазав и тщательно упаковав его до того дня, когда он вместе со своими друзьями-однополчанами поднимет восстание. Однако время оказалось великим целителем, а тогда он не принял в расчет этот факт. Сейчас он уже не возвращался к первоначальному замыслу — идее грандиозной кровавой бани, очищения от «пиноков» и их хозяев, а вспоминая об этом, испытывал такие же чувства, как при перелистывании засаленных календарей-ежегодников своих школьных лет. Тогда Фрэнк Финк, по прозвищу «Золотая рыбка», собирался стать палеонтологом и поклялся жениться на Норме Праут. Норма Праут была первой красавицей в его классе, и он бесповоротно решил на ней жениться. Теперь это было настолько же невозвратно, как песни Фреда Аллена и киноленты Филдса. С 1947 года он перезнакомился, наверное, с добрым полумиллионом японцев, но его желание расправиться с любым из них или всеми разом так и не осуществилось ни в первые

месяцы оккупации, ни позже. Оно стало просто абсолютно неуместным.

Погоди. Был один японец, некто мистер Омуро, скупивший арендные права на большое количество кварталов в центральной части Сан-Франциско, который какое-то время был владельцем района, где проживал Фрэнк. Мерзкая личность, подумал он. Прожорливый хищник, он никогда не ремонтировал дома, перегораживал комнаты, делая из них клетушки все меньше и меньше, непрерывно повышал квартплату… Омуро беззастенчиво обирал бедняков, в особенности почти нищих безработных — бывших военнослужащих, во время депрессии в начале пятидесятых годов. Но именно одна из японских торговых миссий и приговорила Омуро к смертной казни посредством отсечения головы за ненасытную алчность. Теперь подобное нарушение суровых, даже жестоких, но справедливых японских гражданских законов было делом неслыханным. Такое стало возможным благодаря неподкупности японских государственных чиновников, особенно тех, что пришли сюда после падения Военного правительства.

Вспомнив о суровой честности торговых миссий, Фринк несколько приободрился. Даже

Уиндем-Мэтсона могут прогнать как назойливую муху. И это невзирая на то, что он — владелец «У-М корпорейшн». Фринк, во всяком случае, надеялся на это «Похоже, я начинаю верить в болтовню о Тихоокеанском Содружестве Сопроцветания. Странно. Ведь когда-то все это казалось мне ложью. Пустой пропагандой. А теперь…»

Он поднялся с кровати и нетвердой походкой прошел в ванную. Пока он брился и мылся, по радио передавали дневной выпуск последних известий.

«Давайте не будем высмеивать эту попытку», — сообщило радио, когда он прикрыл кран горячей воды.

«Нет, не станем», — с горечью подумал Фринк. Он догадывался о какой именно попытке говорилось по радио. И все же было во всем этом что-то смешное, в этом зрелище бесчувственных, унылых тевтонов, марширующих по поверхности Марса, по красному песку, на который еще не ступала нога человека. Намыливая щеки, он стал гнусавить себе под нос прибаутки-экспромты.

— Gott, Herr Kreisleiter. Ist dies vielleicht der Ort wo man das Konzentrationslager bilden kann? Das

Wetter ist so schon. Heiss, aber doch schon...[1]

Тем временем радио продолжало: «Цивилизация Сопроцветания должна приостановиться и поразмыслить вот над чем: в своих попытках обеспечить сбалансированное справедливое распределение взаимных обязательств и ответственности вкупе с соответствующим вознаграждением...» — типичный жаргон правящей иерархии, отметил про себя Фринк, — «...не потерпели ли мы неудачу в своевременном определении той будущей арены, на которой будут разворачиваться деяния народов, будь то нордики, японцы, негроиды...» И так далее все в том же духе.

Одеваясь, он все еще с удовольствием продолжал напевать себе под нос строчки собственного сочинения, мешая английские слова с немецкими: «А погода просто очень хороша. Только нечем, только нечем нам дышать...»

Тем не менее факт остается фактом: Пацифида и пальцем не пошевелила в деле колонизации других планет. Она была поглощена — вернее, ее засосало, как в трясину — освоением Южной

---

[1] Примечания: 1

О Боже, герр Крайслейтер. Есть ли место, где человек не построил концлагерь? А погода так прекрасна... Черт побери, все еще прекрасна... (*нем.*).

Америки. В то время как германцы торопливо запускали в космос один за другим огромные ракетные корабли-роботы, японцы все еще жгли джунгли во внутренних районах Бразилии и возводили девятиэтажные жилые дома для недавних охотников за головами. К тому времени, когда у японцев оторвется от земной поверхности их первый космический корабль, немцы установят полный контроль над всей Солнечной системой. Ситуация, прямо противоположная той, что описывалась в старых учебниках истории — немцы все еще улаживали свои внутренние дела, когда остальные европейские державы наносили последние мазки на карты своих колониальных империй. Однако на сей раз, продолжал размышлять Фринк, они совсем не намерены остаться последними. Они многому научились за это время.

И тогда мысли его обратились к Африке и к тому эксперименту, который там проводили наци. И кровь застыла у него в жилах, но он все-таки преодолел охватившую его робость и снова дал ход воображению.

Вся Африка представляла из себя картину полнейшего опустошения.

Голос диктора продолжал: «...мы должны с

гордостью отметить, что какое бы ударение мы ни делали на основополагающие нужды всех проживающих на Земле народов, их духовные устремления, которые должны…»

Фрэнк выключил радио. Затем несколько успокоившись, снова включил его.

«Как Христос на кресте, — подумал он. — Африка. Лишь призраки мертвых племен. Истребленных ради жизненного пространства… Только вот для кого? Кто знает? Возможно, даже самые главные вдохновители из Берлина не знают этого. Банда роботов, то ли что-то строящих, то ли старательно притворяющихся, что строят. А скорее всего, перемалывающих все, что попадется под руку. Чудовища из палеонтологического музея, для которых самая главная цель — это изготовить чашу из черепа врага, целая свора таких чудовищ, энергично выскребающих содержимое этих черепов — сырые мозги. Прежде всего для того, чтобы насытиться. Затем приспособить человеческие кости в качестве кухонной утвари. Какая бережливость во всем — додуматься не только до того, чтобы пожирать людей, которые пришлись не по нраву, но и пожирать их из их же собственных черепов! Непревзойденные специалисты! Первобытный человек в стерильном медицин-

ском халате в одной из лабораторий Берлинского университета, опытным путем определяющий, для чего могут сгодиться черепа других людей, их кожа, уши, жир… Да, герр доктор. Вот новое применение большого пальца ноги. Смотрите, сустав его можно приспособить в быстродействующем механизме зажигалки для сигарет. Весь вопрос теперь состоит только в том, сумеет ли герр Крупп наладить их массовое производство…»

Эти мысли привели его в ужас. Снова преуспевает древний огромный получеловек-людоед, он еще раз подчинил себе весь мир. Мы целый миллион лет потратили на то, подумал Фринк, чтобы уйти от него как можно дальше, и вот теперь он вернулся. И вернулся не просто как наш противник — как повелитель.

«…мы можем только сожалеть…» — продолжал сладко литься голос желтолицего краснобая из Токио. «Боже праведный, — подумал Фринк. — А ведь мы называли их обезьянами, но эти колченогие цивилизованные карлики не возводят газовых печей и не опускают своих жен в расплавленный сургуч.»

«…и мы часто сожалели в прошлом относительно ужасной растраты человеческого материала в этой фанатичной борьбе, которая выталкивает

огромные массы людей за пределы соблюдающего законность сообщества.» Да, эти японцы очень уважительно относятся к законам. …Достаточно вспомнить слова одного всем известного святого Западного мира: какая польза человеку, если он покорит весь мир, но при этом потеряет душу?

Радио примолкло. Фринк, завязывая шнурок ботинка, тоже замер. Это была обычная утренняя промывка мозгов.

«Я должен постараться договориться с ними, — со всей отчетливостью понял он. — Пусть даже я попаду в черный список, но уж лучше это, чем неминуемая смерть, которая меня ждет, если я покину контролируемую японцами территорию и покажусь на Юге или в Европе — в любом уголке Рейха.

Мне обязательно надо помириться со стариком Уиндем-Мэтсоном.»

Усевшись на кровати и поставив рядом чашку остывшего чая, Фринк достал свой экземпляр «Книги Перемен». Из кожаного футляра-трубки извлек 49 стебельков тысячелистника. Погрузился в раздумье, чтобы привести в порядок свои мысли и надлежащим образом сформулировать вопросы.

Вслух он произнес:

— Как мне следует повести себя с Уиндем-Мэтсоном, чтобы все уладилось по-хорошему? — Он записал вопрос в блокноте, затем стал перебрасывать палочки из руки в руку, пока не получилась первая линия, начало. Номер восемь. Половина из 64 гексаграмм тут же отпала. Он разделил палочки и получил вторую линию. Вскоре, поскольку у него уже был немалый опыт манипулирования палочками, определились все шесть линий, необходимых для получения гексаграммы в целом. Даже не обращаясь к таблице, он распознал ее как пятнадцатую. «Чи-ен». Скромность. Вот как! Слабые воспрянут, сильные падут, могущественные будут приведены к покорности. Ему не было необходимости сверяться с текстом — он его знал наизусть. Добрый знак. Оракул предсказывал ему благоприятный исход.

И все же он был слегка разочарован. Что-то нелепое было в этой гексаграмме пятнадцать. Слишком уж ладненько все получалось. Естественно, ему надо быть скромным. Ведь он абсолютно бессилен перед стариком Уиндем-Мэтсоном. Он никоим образом не в состоянии заставить старика отменить распоряжение об увольнении. Все, что он в состоянии сделать, это прислушаться к совету, который дает гекса-

грамма 15. Он в таком положении, когда нужно просить, надеяться, ждать, не теряя веры. А уж небеса в свое время вознесут его на прежнюю работу или даже предложат что-нибудь получше.

От этой гексаграммы линий, ведущих к другим гексаграммам, не было, ответ был окончательным. Значит, гаданье на этом закончилось.

И, следовательно, нужно формулировать новый вопрос. Выпрямившись, он произнес громко:

— Увижусь ли я еще когда-нибудь с Джулией?

Это была его жена. Или, вернее, его бывшая жена. Джулия ушла от него год назад, и они не встречались уже несколько месяцев. Он даже не знал, где она сейчас живет. Очевидно, покинула Сан-Франциско. Возможно, даже ТША. Их общие друзья ничего не слышали о ее судьбе, а если и слышали, то ничего ему об этом не говорили.

Он стал энергично перебрасывать черенки, не сводя глаз с цифр, куда они падали. Сколько раз он спрашивал о Джулии, по-всякому формулируя свои вопросы? И гексаграммы с ответами на его вопросы определялись совершенно случайными комбинациями падения травяных черенков, номера их выпадали наобум, и тем не менее глубинный смысл их определялся тем моментом времени, в котором он тогда существовал, в ко-

тором жизнь его была связана с жизнями всех других людей, обитавших во Вселенной, со всеми ее самыми мельчайшими частицами материи.

Необходимая гексаграмма изображала своим вычурным рисунком из непрерывных и прерывистых линий ситуацию, сложившуюся в этот момент, во всей ее полноте. Он сам, Джулия, завод на Гой-стрит, торговые миссии, заправлявшие всеми делами в ТША, исследование планет, миллиард наборов химических соединений в Африке, в которые сейчас превратились трупы ее обитателей, устремления тысяч людей, живущих вместе с ним в перенаселенных трущобах Сан-Франциско, потерявшие всякий разум чудовища в Берлине с их невозмутимыми лицами и бредовыми планами — все это самым тесным образом сцепилось между собой в этот короткий момент выбрасывания черенков тысячелистника и давало соответствующий точный и мудрый ответ в книге, начатой в тридцатом столетии до Рождества Христова. В книге, создаваемой мудрецами Китая почти пять тысяч лет, содержание которой непрерывно просеивалось и совершенствовалось, превратившись в цельную и прекрасную космологию, приведенную в систему и зашифрованную еще до того, как европейцы научились

операции деления.

Вот и гексаграмма. Сердце его екнуло. Номер 44. «Коу». Держись. Ее суждение может отрезвить. «Девица имеет большую власть. Не следует жениться на такой девице.» Вновь он получил ответ, имеющий прямое отношение к Джулии.

«Ну вот, — подумал он, откидываясь назад. — Значит, я не подхожу ей. Я это и сам знаю. И не об этом спрашивал. Почему же оракул не преминул лишний раз напомнить об этом? Такая вот несчастная у меня доля — повстречаться с нею, влюбиться, страстно любить...»

Джулия... Самая красивая женщина из всех, кого он знал. Черные, как смоль, волосы и брови. Небольшая примесь испанской крови проявлялась в чистоте цвета не только лица и кожи, но даже губ. Пружинистая, легкая походка. Она все еще ходила в туфлях с перепонкой, как старшеклассница. Ее одежда имела несколько неряшливый вид, было видно, что все было старым и застиранным. Они бедствовали так долго, что ей, с ее внешностью, приходилось ходить в дешевом хлопчатобумажном свитере, холщовой куртке на молниях, коричневой твидовой юбке и коротеньких носках. Она ненавидела его за то, что выглядела, по ее словам, как женщина,

играющая в теннис или (что в ее глазах было еще хуже) собирающая грибы в лесу.

Но больше всего, с самого начала, его сводило с ума загадочное выражение ее лица. Без всякой на то причины Джулия одаривала любого, даже незнакомого, мужчину необыкновенной, ничего не выражающей и этим еще более привлекательной улыбкой Монны Лизы, независимо от того, здоровалась она с этим мужчиной или нет. Сама же она была настолько обворожительной, что почти всегда мужчины действительно здоровались всякий раз, когда Джулия проходила мимо. Сначала он было посчитал, что в этом обнаруживалось и тщательно ею скрываемое глубинное простодушие. И потому, в конце концов, эти граничащие с неприличием мимолетные заигрывающие взгляды в сторону незнакомцев стали изрядно ему досаждать, так же, как и вечное невозмутимо-кроткое выражение лица человека, поглощенного выполнением какого-то таинственного поручения. Но даже тогда, когда они уже были на грани разрыва, когда стали слишком часто ссориться, она все еще оставалась для него даром господним, вошедшим в его жизнь по причинам, которые ему никогда не узнать. И именно поэтому — из-за почти религиозного

чувства — он никак не мог смириться с тем, что потерял ее.

Как раз сейчас она казалась ему столь близкой… будто все еще была с ним. Дух женщины, занимавшей столь большое место в его жизни, казалось, все еще витает в комнате в поисках… в поисках того, что искала бы сама Джулия. И присутствует в его сердце всякий раз, когда приходится брать в руки тома оракула.

Сидя на кровати среди типичного холостяцкого беспорядка и готовясь выйти из дому и начать очередной день, Фрэнк Фринк вдруг задумался: а кто еще в огромном Сан-Франциско в это же самое мгновение обращается за советом к оракулу? И неужели все они получают такие же унылые советы, что и он? Неужели суть Настоящего к ним столь же враждебна?

2

Мистер Нобусуке Тагоми решил обратиться за советом к божественной Пятой Книге мудрости Конфуция, даоистскому Оракулу, который вот уже много столетий называют «Ицзин, или Книга Перемен». Где-то в середине дня у него возникли тревожные предчувствия в отношении встречи с Чилдэном, которая должна состояться через два часа.

Анфилада его кабинетов на двенадцатом этаже здания «Ниппон Таймс Билдинг» на Тэйлор-стрит окнами выходила к Заливу. Сквозь стеклянную стену он мог наблюдать за тем, как в него заходили корабли, проплывая под мостом «Золотые Ворота». Как раз в этот момент за Алькатрасом виднелся сухогруз. Но мистера тагоми совсем не интересовал морской пейзаж. Подойдя к стене, он отстегнул шнур и опустил бамбуковые шторы так, чтобы не было видно бухты. В просторном центральном кабинете стало темнее — теперь ему уже не нужно было щуриться от яркого света. Теперь он мог мыслить более ясно.

Не в его власти, видимо, решил он, доставить

удовольствие клиенту. Что бы не принес теперь Чилдэн, на клиента это не произведет особого впечатления. Тут уж ничего не поделаешь, с этим надо смириться. Но, по крайней мере, можно еще сделать так, чтобы он не испытывал и особого недовольства.

Главное, чтобы он не оскорбился неподходящим подарком.

Клиент скоро прибудет в Сан-Франциско на борту новой высокоорбитальной немецкой ракеты «Мессершмидт-9Е». Тагоми еще ни разу не доводилось летать в такой ракете. Когда он будет встречать мистера Бейнса, надо будет особо позаботиться, чтобы оставаться совершенно невозмутимым независимо от того, какое впечатление на него произведут огромные размеры ракеты.

Попрактиковаться не мешало бы прямо сейчас. Он подошел к зеркалу, висевшему на одной из стен кабинета, и, придав лицу хладнокровное, даже несколько скучающее выражение, стал присматриваться к отражению, пытаясь выяснить, не выдает ли хоть что-нибудь его истинное душевное состояние. Да, мистер Бейнс, в салоне очень шумно. Невозможно читать. Зато полет из Стокгольма в Сан-Франциско длится всего лишь

сорок пять минут. Неплохо бы еще вставить словечко о технических неполадках, случающихся с немецкими ракетами. Я полагаю, вы слышали об этом по радио. Об аварии над Мадагаскаром. Должен заметить, то же самое можно сказать и о старых самолетах с поршневыми двигателями.

Важно постараться избежать разговоров о политике. Потому что ему неизвестны взгляды мистера Бейнса в отношении важнейших аспектов современного международного положения. Однако такой разговор не исключен. Бейнс, как швед, будет придерживаться нейтральной точки зрения. Однако кампании САС он предпочел «Люфтганзу». Ловкая предосторожность… Мистер Бейнс, говорят, что теперь герр Борман тяжело болен. Что этой осенью партия изберет нового рейхсканцлера. Это всего лишь слухи? Увы, такая секретность между Пацифидой и Рейхом…

В папке на его письменном столе вырезка из «Нью-Йорк Таймс» с недавним выступлением Бейнса. Сейчас Тагоми критически изучал его, чуть подавшись вперед из-за плохо подобранных контактных линз. Выступление касалось необходимости провести в очередной — девяносто восьмой, что ли, раз поиски воды на Луне.

«Мы наверняка разрешим эту сложнейшую

проблему», цитировались слова мистера Бейнса. «Наша ближайшая соседка, столь мало подходящая для чего-либо, кроме чисто военных целей». Ого! Вот и ключ к мистеру Бейнсу. Относится с подозрением к военным. Тагоми взял себе это на заметку.

Притронувшись к кнопке интеркома, Тагоми произнес:

— Мисс Эфрикян, будьте добры, принесите, пожалуйста, диктофон.

Соскользнула в сторону дверь, ведущая в приемную, и на пороге появилась мисс Эфрикян. Сегодня она со вкусом украсила свою прическу синими цветами.

— Еще бы немного сирени, — заметил Тагоми. Когда-то, у себя на родине, на Хоккайдо, он выращивал цветы на продажу.

Мисс Эфрикян, высокая шатенка-армянка, покорно склонила голову.

— Записывающая аппаратура готова? — спросил Тагоми.

— Да, мистер Тагоми. — Мисс Эфрикян села и включила портативный диктофон с питанием от батарей.

— Я справился у Оракула, — начал Тагоми, — принесет ли мне счастье встреча с мистером

Чилдэном и получил зловещую гексаграмму, которая привела в трепет: «Победит сильнейший. Подпорка прогнулась. Слишком велик вес на середине. Равновесие нарушено». Все это совсем не в духе даоизма. — Диктофон продолжал жужжать.

Тагоми задумался.

Мисс Эфрикян вопросительно посмотрела на него. Жужжание прекратилось.

— Попросите, пожалуйста, на минутку мистера Рамсэя.

— Слушаюсь, мистер Тагоми. — Поднявшись, она отложила в сторону диктофон. В приемной громко застучали ее каблуки.

В кабинет с толстой папкой под мышкой вошел Рамсэй. Молодой, улыбающийся. На нем были клетчатая рубашка с аккуратно повязанным галстуком — плетеным шнурком в стиле, характерном для среднезападных равнин бывших США, и туго облегавшие синие джинсы без пояса, что считалось высшим шиком среди современных щеголей.

— Добрый день, мистер Тагоми, — сказал он. — Ведь правда, прекрасный сегодня день?

Тагоми ответил поклон.

Рамсэй в ответ подтянулся и тоже поклонился.

— Я тут спрашивал совета у Оракула, — пояснил Тагоми. В это время мисс Эфрикян заняла прежнее место и взяла в руки диктофон. — Для вас не секрет, что мистер Бейнс, который, как вам известно, скоро сюда прибудет собственной персоной, придерживаясь характерной для представителей нордической расы точки зрения в отношении так называемой Культуры Востока. Я мог бы сделать попытку помочь ему в более глубоком ее постижении, поразив его подлинниками древнекитайских манускриптов или керамикой эпохи Токугава нашей собственной истории… Но не наше это дело — обращать его в свою веру.

— Ясненько, — сказал Рамсэй. Его лицо типичного представителя «белой расы» мучительно исказилось в попытке сосредоточиться.

— Поэтому мы попробуем ублажить его, подарив вместо этого какой-нибудь бесценный американский артефакт.

— Понятно.

— Вы по происхождению американец. Хотя и немало потрудились над тем, чтобы сделать более светлым цвет вашей кожи. — Он внимательно посмотрел на Рамсэя.

— Это загар от кварцевой лампы, — промямлил

Рамсэй. — С единственной целью — повысить в организме содержание витамина Д. — Его выдало пристыженное выражение лица. — Уверяю вас, я не утратил характерных для моей нации… — Рамсэй стал заикаться. — Я не оборвал связи с… этнической почвой.

— Пожалуйста, продолжайте, — произнес Тагоми, обращаясь к мисс Эфрикян. Снова зажужжал диктофон. — Обратившись к Оракулу и получив гексаграмму 28, «Та Куо», я затем вышел на неблагоприятную строку Девять на Пятой позиции. Она гласит: «Высохший тополь сбрасывает цветы. Пожилая женщина выходит замуж. Ни порицания. Ни хвалы». — Это ясно указывает на то, что в два часа дня мистер Чилдэн ничего не предложит нам ценного. — Здесь Тагоми сделал паузу. — Буду откровенен… Не могу полагаться на свои собственные суждения в отношении произведений искусства американского происхождения. Вот поэтому… — Он замешкался, подбирая наиболее подходящие слова, — поэтому-то и требуется, мистер Рамсэй, ваша помощь — вы же коренной уроженец этой страны. Мы безусловно должны сделать все, что в наших силах.

Рамсэй ничего не ответил. Однако, несмотря на все попытки скрыть свои истинные чув-

ства, у него на лице были написаны боль, гнев, ощущение собственного бессилия и немое сопротивление.

— Затем, — продолжал Тагоми, — я еще кое о чем справился у Оракула. С моей стороны было бы неблагоразумно, мистер Рамсэй, разглашать содержание следующего заданного мной вопроса, — тон его означал: «Вам и вам подобным „пинокам“ не дано права посвящения в те высокие материи, которые нас интересуют». — Тем не менее, достаточно сказать, что я получил в высшей степени провоцирующий ответ. Он заставил меня серьезно задуматься.

Мистер Рамсэй и мисс Эфрикян продолжали есть его глазами.

— Он относится к мистеру Бейнсу, — произнес Тагоми.

Оба кивнули.

— Ответ на мой вопрос в отношении мистера Бейнса получен в гексаграмме Сорок Шесть, «Шенг», в результате даоистского священнодействия. Это очень хорошее заключение. И от него еще шла линия Девять на Вторую позицию.

— Он так сформулировал свой вопрос: «Удастся ли мне успешно поладить с мистером Бейнсом?» А строка Девять на Второй позиции давала ему

дополнительное подтверждение правильности первого суждения. Она гласила: «Кто искренен, тому в помощь даже самое малое приношение. Не надо стыдиться этого».

Очевидно, Бейнс будет удовлетворен любым подарком, который получит от могущественной торговой миссии в благожелательной обстановке кабинета мистера Тагоми. Однако, у самого Тагоми, когда он задавал свой вопрос Оракулу, на уме был более глубокий интерес, который он едва осознавал полностью и сам. И, как это часто бывает, Оракул уловил этот более глубинный вопрос и, отвечая на первый, не стал утаивать ответ и на тот, что только подразумевался.

— Насколько нам известно, — продолжал Тагоми, — мистер Бейнс везет с собою подробный отчет о разработанных в Швеции новых способах изготовления изделий из пластмасс. Если нам удастся заключить соглашение с его фирмой, мы обязательно применим пластмассы во многих случаях, где сейчас приходится использовать весьма дефицитные металлы.

Уже в течение многих лет, размышлял Тагоми, Пацифида пытается добиться от Рейха осязаемой помощи в области применения синтетических материалов. Однако крупные немецкие корпора-

ции, в особенности «И. Г. Фарбен», засекретили свои патенты, тем самым став монополистами в применении пластмасс, и в частности полиэстера, во всемирном масштабе. Благодаря такой практике Рейху удается удерживать определенный перевес во внешней торговле над Пацифидой, а в области технологии он ушел вперед по меньшей мере на десять лет. Межпланетные ракеты, которые запускала Процветающая Европа, делались большей частью из жаропрочных пластмасс, очень легких и таких прочных, что выдерживали даже удары крупных метеоритов. Ничего подобного в Пацифиде не было; все еще продолжали применяться такие натуральные волокнистые материалы, как древесина и, естественно, широко распространенное металлическое литье Тагоми весь съежился, когда подумал об этом. Ему доводилось видеть на промышленных ярмарках достижения немецкой технологии, включая изготовленный целиком из синтетических материалов легковой автомобиль, который стоил около шестисот долларов в валюте ТША.

Однако вопрос, о котором он только упомянул, но ни за что не открыл бы его содержание всем этим «пинокам», ошивавшимся под конторами

торговых миссий, касался того аспекта приезда Бейнса, о котором весьма туманно намекалось в первоначальной шифровке из Токио. Кодированные сообщения были весьма редки и касались обычно вопросов, так или иначе связанных с соображениями государственной безопасности, а не с торговлей или предпринимательством. Да и сам шифр был метафорического свойства, поскольку использовал поэтические строчки с целью сбить с толка радиоперехватчиков Рейха — они умели расшифровывать любой прямой, недвусмысленный код, каким бы сложным он ни казался. Было совершенно ясно, что именно Рейх имел в виду власти в Токио, а не квазиоппозиционные группировки на островах метрополии. Ключевая фраза «Снятое молоко — единственная его пища» была взята из детской песенки «Фартучек», где говорилось о разных чудесах и диковинах и где были такие строки:

> И кому же хочется стать простой наживкой!
> Потому-то пенка выдает себя за сливки.

А «Книга Перемен», куда обратился мистер Тагоми за советом, подкрепила его проницатель-

ную догадку вот таким комментарием: «Здесь предполагается человек сильный. Правда, он не совсем в ладу со своим окружением, так как слишком резок и слишком мало внимания уделяет соблюдению этикета. Но поскольку он честен, то отвечает за свои действия...»

Догадка Тагоми заключалась в том, что Бейнс вовсе не тот, за кого себя выдает, что настоящей целью его прибытия в Сан-Франциско является вовсе не подписание соглашения о сотрудничестве в области производства пластических масс. Что на самом деле мистер Бейнс является шпионом.

Однако по тем скупым сведениям о нем, которыми располагал Тагоми, он не в состоянии был определить, какого рода шпионом является Бейнс, на кого он работает и что его интересует.

* * *

В час тридцать пополудни Роберт Чилдэн с большим нетерпением запер входную дверь магазина «Художественные промыслы Америки». Подтащив тяжеленные баулы к краю тротуара, он подозвал велокэб и велел «китаезе» отвезти его к «Ниппон Таймс Билдинг».

«Китаеза», изможденный, сгорбленный, весь

покрытый потом, хмыкнул в знак того, что место это ему известно, и закрепил багаж мистера Чилдэна на задке. Затем, подсобив ему самому разместиться на укрытом ковриком сиденьи, щелкнул выключателем счетчика, взгромоздился на свое собственное сиденье и, налегая на педали, влился в общий поток машин и автобусов, следовавших по Монтгомери-Стрит.

Всю первую половину дня он потратил на то, чтобы найти что-нибудь подходящее для мистера Тагоми. Горечь и тревога настолько переполняли его, что он едва замечал проплывающие мимо здания. И тем не менее, его поиски увенчались полным триумфом! Проявив особую прыть, превзойдя самого себя, он нашел нужное произведение искусства. Мистер Тагоми смягчится, а его клиент, кто бы он ни был, будет очень доволен. Я все-таки умею угодить, отметил про себя Чилдэн, своим покупателям.

Ему чудом удалось раздобыть почти что новый экземпляр первого выпуска первого тома «Тип-Топ Комикса». Изданный еще в тридцатые годы, это был настоящий шедевр Американы. Одна из первых книжек со смешными картинками, приз, за которым так неустанно гоняются коллекционеры. Разумеется, он взял с собою и другие

предметы, которые станет показывать вначале. Он постепенно подведет заказчика к этой забавной книжице, которая сейчас, аккуратно обернутая в прочную материю, лежала в центре самого большого из его баулов.

Радиоприемник велокэба наигрывал популярные мелодии, соперничая в громкости с приемниками других кэбов, автомашин и автобусов. Чилдэн его не слышал — он привык к этому. Так же, как и не замечал огромные неоновые табло, которые закрыли фасады практически всех крупных зданий. И у него самого был свой собственный рекламный щит; по вечерам он то загорался, то потухал вместе со всеми рекламами в этом городе. А каким еще способом можно заявить о своем бизнесе? Тут приходится быть реалистом.

Рев радио, грохот уличного транспорта, рекламы, многолюдье убаюкивали его. Они рассеивали его внутреннюю настороженность. А как приятно было сознавать, что тебя везет, усердно налегая на педали, другое человеческое существо, физически ощущать утомленность мышц «китаезы», которая проявлялась в покачивании коляски кэба. Он был, размышлял Чилдэн, чем-то вроде машины, способствующей расслаблению пасса-

жира. Лучше, когда тебя тянут, чем когда ты сам тянешь. Да еще занимать при этом, пусть всего на какие-то непродолжительные мгновения, более высокое положение.

Но тут он виновато прервал ход своих полусонных размышлений. Слишком многое еще надо тщательно продумать — сейчас не время для послеобеденной дремы. Надлежащим ли образом он одет, чтобы войти в «Ниппон Таймс Билдинг»? Вполне возможно, что ему станет дурно в скоростном лифте. На этот случай он припас специальные таблетки немецкого производства от морской болезни. Как к кому обращаться… Это он знал. С кем вести себя с подобострастной вежливостью, с кем — подчеркнуто грубо. Обходиться бесцеремонно со швейцаром, лифтером, секретарем в приемной, проводником, со всякими там вахтерами, уборщиками и тому подобными. Низко раскланиваться с любым японцем, разумеется, даже если придется это проделывать многие сотни раз. А вот как быть с «пиноками»… Тут не было полной ясности. Сделать легкий поклон, но смотреть при этом как бы сквозь них, будто из и не существует вовсе. Все ли возможные ситуации рассмотрены? А что, если попадется посетитель-иностранец? Немцев часто можно встретить в

торговых миссиях, да и нейтралов тоже.

Еще на глаза ему может попасться и раб.

Суда немецкие или с Юга все время швартуются в порту Сан-Франциско, и черным иногда дают краткосрочные увольнительные. Всегда не больше, чем троим кряду. И они не имеют права задерживаться на берегу после полуночи. Даже по законам Пацифиды они должны соблюдать комендантский час. Но рабов еще используют в качестве грузчиков, и такие живут постоянно на берегу, в бараках под причалами, над самым уровнем воды. В конторы торговых миссий их не допускают, но вдруг, например, будет происходить разгрузка прямо перед входом в здание миссии — может ли он на глазах у них позволить себе нести свои собственные сумки в контору мистера Тагоми? Безусловно, нет. Нужно непременно отыскать раба, даже если для этого придется простоять у входа целый час. Даже если из-за этого сорвется встреча с заказчиком. Даже мысли нельзя допускать о том, чтобы хоть один раб видел, что он тащит какой-то груз. Нужно быть очень осторожным, чтобы не вляпаться. Такого рода небрежность может недешево ему обойтись. Он уже никогда не сможет занять достойное место среди тех, кто заметит такую

оплошность с его стороны.

А между прочим, подумалось Чилдэну, я бы мог получить немалое удовольствие, занося в открытую свои собственные баулы в здание «Ниппон Таймс Билдинг». Какой вызывающий жест! И нет здесь какого-либо нарушения законов — за такое в тюрьму меня не посадят. Зато я бы высказал действительные свои чувства, ту сторону характера, которая никогда не заявляет о себе в повседневном быту. Вот только…

Я бы мог это сделать, подумал он, если б не ошивались здесь эти проклятые черные невольники. Я могу стерпеть насмешки, даже презрение тех, кто это увидит, если они стоят выше меня — ведь они и без того презирают меня и стараются унизить, как могут ежедневно и ежечасно. Но вот допустить, чтобы такое видели те, кто ниже, ощутить их презрение… Как, например, этот «китаеза», что вертит педали впереди меня. Если бы я не нанял велокэб, если бы он увидел, как я делаю попытку пройти ПЕШКОМ к месту деловой встречи…

Это немцы виноваты в том, что сложилось такое положение. С их неуемным стремлением откусить больше, чем они в состоянии прожевать. Ведь в конце-то концов, им едва-едва

удалось победить в войне, а они сразу же приступили к покорению Солнечной системы, а у себя дома понаиздавали указов, по которым… Ну, по крайней мере, задумано очень неплохо. Ведь преуспели они все-таки с евреями, цыганами и церковниками. Да и славяне отброшены на две тысячи лет назад, к их изначальному местообитанию в Азии. Вон из Европы, ко всеобщему облегчению. Назад туда, где им только и остается, что ездить верхом на яках и охотиться с луком и стрелами. Стоит только пролистать эти крупноформатные журналы, которые печатаются на глянцевой бумаге в Мюнхене и рассылаются по всем библиотекам и газетным киоскам… Каждый может воочию убедиться, рассматривая цветные фотографии во всю страницу, как голубоглазые и светловолосые арийские поселенцы усердно пашут, сеют, собирают урожай на просторах зерновой житницы планеты — на Украине. Эти ребята определенно выглядят очень счастливыми. А какие ухоженные у них фермы и коттеджи! Давно уже исчезли со страниц фотоснимки отупевших от пьянства, ссутулившихся поляков, праздно сидящих на покосившихся крылечках или торгующих пораженной болячками жалкой на вид репой на деревенских базарах. Все это

уже в прошлом, как и глубокие борозды грязных дорог, превращающихся орт дождя в раскисшее болото, в котором вязнут телеги.

А вот Африка… Тут уж они дали полную волю своему энтузиазму, ярко проявили свои самые лучшие качества, и остается только восхищаться их достижениями, хотя и предостерегали их более осторожные голоса, чтобы они еще немного подождали, пока не будет завершен, например, «Проект Пашня». Именно там немцы проявили свой творческий гений, присущий им артистизм. Средиземное море закупорено, осушено, превращено в распаханные сельскохозяйственные угодья — и все это осуществлено с помощью, подумать страшно, атомной энергии!

Как были поставлены на место всякие там злопыхатели, например, некоторые насмешники-торговцы с Монтгомери-Стрит. Да, по сути, африканская эпопея завершилась почти полным успехом… Только вот в начинаниях такого рода «почти» было весьма опасным словом. Зловеще прозвучало в широко известной, ярко написанной брошюре Розенберга, изданной в 1958 году. Именно там впервые появилось это слово. «Что касается окончательного решения африканской проблемы, то мы почти достигли поставленных

целей. Однако, к несчастью…»

Но ведь на то, чтобы избавиться от американских аборигенов, ушло две сотни лет, а немцы почти то же самое проделали в Африке всего лишь за пятнадцать. Поэтому здесь было бы неправильно впадать в огульное критиканство. Чилдэн недавно поспорил за обедом с некоторыми торговцами, которые совершали именно такую ошибку. Они ждали, очевидно, чуда, наивно полагая, будто наци способны магическим образом переустроить планету. Нет, немцы добивались успеха, опираясь на науку, технологию и просто сказочную способность не чураться тяжелой работы. Если уж они начнут что-нибудь, то потом не останавливаются. А когда берутся за решение задачи, то решают ее верно Но как бы то ни было, полеты на Марс отвлекли внимание мировой общественности от возникших в Африке трудностей. Так что не зря он доказывал своим коллегам-лавочникам: у нацистов есть то, чего нам так не достает — величие. Можно восхищаться их трудолюбием или деловитостью, но всколыхнуть душу может только мечта. Космические полеты на Луну, затем на Марс. Разве это не извечное страстное устремление человечества ввысь? А возьмем, с другой стороны, японцев. Я

их весьма неплохо изучил. Я ведь имею с ними деловые контакты, притом изо дня в день. Они — надо смело это признать — люди Востока. Желтая раса. Нам, белым, приходится им низко кланяться только потому, что мы оказались у них под пятой. Но мы внимательно следим за Германией. Мы видим, чего можно достичь там, где главенствуют белые. И это выглядит иначе.

— Подъезжаем к «Ниппон Таймс Билдинг», сэр, — произнес «китаеза»; грудь его тяжело поднималась и опускалась, после изнурительного затяжного подъема. Теперь он вертел педали гораздо медленнее.

Чилдэн попытался представить себе клиента мистера Тагоми. Ясно, что это необыкновенно важное лицо. Тон Тагоми при разговоре по телефону, его волнение говорили сами за себя. У Чилдэна в памяти всплыл образ одного из своих очень важных клиентов, или, вернее, заказчиков, человека, который сделал очень много для создания Чилдэну хорошей репутации среди высокопоставленных лиц, проживающих в районе Залива.

Четыре года тому назад Чилдэн не был дельцом в сфере продажи американского антиквариата, столь желаемого ныне. Он заведовал маленькой,

скудно освещенной букинистической лавкой в одном из пригородов. Магазины по соседству торговали подержанной мебелью и скобяными товарами, здесь же размещались и дешевые прачечные. Такое соседство не сулило ничего хорошего. По вечерам на улице случались вооруженные ограбления и изнасилования, несмотря на все попытки Полицейского управления Сан-Франциско и даже Кемпейтай, стоявшего еще выше, навести порядок. Все витрины магазинов были оборудованы стальными складными решетками, которые закрывались на замок по окончании работы магазинов, дабы оградить их от взломщиков.

И вот в этом районе появился пожилой отставник-японец, майор Ито Хумо. Высокий, подтянутый, седоволосый, майор Хумо впервые натолкнул Чилдэна на мысль о том, что можно сделать в его сфере торговли.

— Я — коллекционер, — пояснил майор Хумо. Он провел в лавке почти полдня, роясь в грудах старых журналов. Ровным, тихим голосом он разъяснял то, что еще в то время не дошло до сознания Чилдэна. Оказывается, для многих состоятельных культурных японцев исторические предметы американского народного быта

представляют такой же интерес, как и обычный антиквариат. Сам же майор особо пристрастился к собирательству старых журналов, имеющих хоть какое-то касательство к старинным американским медным пуговицам, так же, как и к коллекционированию самих пуговиц. Это пристрастие было сродни нумизматике или филателии — никакого рационального объяснения ему нельзя было найти. И состоятельные коллекционеры платили за это большие деньги.

— Вот один пример, — сказал майор. — Вам известны открытки под общим названием «Ужасы войны»? — Он с нескрываемым интересом стал смотреть на Чилдэна.

Покопавшись у себя в памяти, Чилдэн наконец вспомнил. Эти маленькие открытки продавались во времена его детства вместе с надувной жевательной резинкой. По центу за штуку. Их была целая серия, на каждой открытке изображался один из ужасов.

— Один мой очень близкий друг, — продолжал майор, — собирает «Ужасы войны». Теперь ему недостает всего лишь одной открытки — «Затопление Пэная». Он предлагает весьма значительную сумму именно за эту открытку.

— Бросальные карточки, — вдруг произнес

Чилдэн.

— Что, что?

— Мы подбрасывали их вверх. Каждая карточка, как монета, имела две стороны: орла и решку. — Было ему тогда лет восемь. — У каждого из нас была своя пачка таких карточек. Мы становились по двое парами, лицом друг к другу. Каждый подбрасывал свою карточку так, что она несколько раз переворачивалась в воздухе. Мальчик, чья карточка опускалась вверх орлом, то есть той стороной, на которой была картинка, выигрывал обе. — Какую радость доставило ему это воспоминание о тех старых добрых временах, о счастливых днях его раннего детства.

Задумавшись, майор Хумо произнес:

— Я не раз выслушивал рассуждения моего приятеля об «Ужасах войны», но он об этом никогда не упоминал и даже понятия не имеет, какое применение находили эти открытки.

Вскоре в лавке Чилдэна появился и сам приятель майора, чтобы послушать из первых уст рассказ о той эпохе американской истории. Этот человек, также отставной офицер императорской армии, был просто очарован ими.

— Крышечки от бутылок! — вдруг ни с того, ни с сего воскликнул Чилдэн.

Японцы часто-часто заморгали, ничего не понимая.

— Мы еще собирали крышечки от молочных бутылок. Когда были детьми. Круглые крышечки, на них указывалось название молочного завода. Тогда в Соединенных Штатах были тысячи молокозаводов. И каждый выпускал молоко со своей особой крышечкой.

Глаза отставника алчно заблестели.

— И у вас что-нибудь сохранилось из той вашей давней коллекции, сэр?

Разумеется, у Чилдэна ничего не сохранилось. Но… вероятно, все еще можно было где-то разыскать древние, давно позабытые крышечки той довоенной эпохи, когда молоко продавалось в стеклянных бутылках, а не в одноразовых картонных пакетах.

Вот так постепенно он и втянулся в этот бизнес. Такие же магазины пооткрывали и другие дельцы, пользуясь повальным помешательством японцев на всем американском, но Чилдэну всегда удавалось опережать своих конкурентов.

— С вас один доллар, сэр. — Голос «китаезы» вывел его из глубокого раздумья. Тот уже выгрузил поклажу и теперь ждал оплаты.

Чилдэн рассеянно расплатился. «Да, весьма

вероятно, что этот клиент мистера Тагоми похож на майора Хумо. По крайней мере, — язвительно подумал Чилдэн, — с моей точки зрения». Он имел дело вот уже с довольно большим количеством японцев, но все еще испытывал трудности, отличая их друг от друга. Бывали среди них невысокие, коренастые, сложенные как борцы. Затем похожие на аптекарей очкарики… Такие, что напоминали садовников и цветоводов… У него была своя, особая классификация клиентов. И были еще молодые японцы, которые ему вообще уже не казались японцами. Клиент мистера Тагоми, по всей вероятности, дородный бизнесмен, курящий филиппинские сигары.

И вот тогда, когда он со своими баулами на тротуаре стоял перед зданием «Ниппон Таймс Билдинг», шальная мысль мелькнула у него в голове, от которой у Чилдэна пробежал мороз по коже: а вдруг клиент мистера Тагоми не японец! Все в его сумках было отобрано в расчете именно на японцев, на их вкусы… Нет, этот человек обязательно должен быть японцем. Первоначально мистером Тагоми был заказан плакат времен гражданской войны об объявлении о наборе в армию. Такой хлам безусловно мог интересовать только японца. Типичное проявление их

увлечения банальностями, их пристрастие к документам, их афишам, объявлениям. Ему припомнился японец, который все свое свободное время посвящал собиранию газетных реклам американских патентованных лекарств начала века.

Сейчас перед ними стояли иные проблемы. Проблемы, которые надо было решать безотлагательно. Через высокие двери «Ниппон Таймс Билдинг» торопливой походкой проходили мужчины и женщины, все прекрасно одетые. Их голоса хорошо были слышны Чилдэну, и он двинулся в направлении входа. Бросил мимолетный взгляд вверх на величественное сооружение, самое высокое здание в Сан-Франциско. Бесконечные ряды окон, сказочный шедевр японской архитектуры — а вокруг садики с карликовыми вечнозелеными деревцами, альпийскими горками, с песком, имитирующим высохшее ложе ручья, вьющегося среди корней деревьев, между грубыми, неправильной формы камнями…

Он увидел чернокожего, который был приставлен для переноски багажа. В данный момент он был свободен. Тотчас же Чилдэн окликнул его.

— Носильщик!

Чернокожий, улыбаясь, трусцой направился

к Чилдэну.

— На 20-й этаж, — самым суровым, на какой только был способен, тоном велел Чилдэн. — Секция В. И поживее. — Он указал на свои баулы, а сам важно зашагал ко входу в здание. Естественно, даже не подумал обернуться. Несколькими секундами позже он уже был в наполненной пассажирами кабине одного из скоростных лифтов. Вокруг стояли японцы, их гладкие, чистые лица лоснились под ослепительно-яркими плафонами, уставленными в кабине. Затем некоторое чувство слабости в желудке вызвал у него резкий рывок вверх, быстро защелкали выключатели проносящихся мимо этажей. Он закрыл глаза, плотно уперся ногами в пол и молился о том, чтобы поскорее закончился этот полет. Чернокожий, разумеется, понес сумки к служебному лифту. Представить его здесь не могла бы даже самая необузданная игра воображения. Чилдэн на мгновенье прикрыл глаза — он был одним из немногих белых в кабине лифта.

Когда лифт выпустил его на двадцатом этаже, Чилдэн уже мысленно раскланивался, готовясь к встрече в конторе мистера Тагоми.

3

Перед самым заходом солнца Джулия Фринк, глянув на запад, увидела ярко светящуюся точку, которая описала в небе светящуюся дугу и исчезла за цепью гор. Один из тех самых нацистский ракетных кораблей, отметила она про себя. Летит на Побережье с важными персонами. А я здесь, внизу. Она помахала ему вслед, хотя корабль, разумеется, уже скрылся из виду. Падавшие со стороны Скалистых Гор тени все удлинялись. Ночь накрывала голубые при дневном свете вершины. Вдоль горной гряды медленно проплыла стая перелетных птиц. Время от времени какой-то автомобиль то включал, то выключал фары. Вскоре она уже могла различить две светящиеся точки на шоссе. Зажглись фонари на бензоколонке, В окнах домов.

Рабочий день кончился, и она готовилась принять душ, чувствуя себя уставшей. Все душевые кабинки были заняты посетителями спортзала, поэтому она осталась стоять на воздухе, наслаждаясь потянувшейся с гор прохладой и свежестью окружавшей ее тишиной. Единственное,

что ей сейчас было еще слышно, это глухой шум из расположенной чуть пониже, у самого шоссе, закусочной. Там припарковались два огромных дизельных грузовика, и в вечернем сумраке было видно, как их водители натягивают на себя кожаные куртки перед тем, как войти в закусочную.

И ей вспомнилось, как выбросился Рудольф Дизель из иллюминатора своей каюты. Совершил самоубийство, утонув в волнах, во время путешествия через океан. Может быть, и мне следует поступить точно так же. Но здесь не было океана. Впрочем, способ всегда можно найти. Как у Шекспира. Проткнуть рубаху на груди острой спицей — и прощай, Фринк. Девушка, которой не нужно было опасаться бездомных грабителей, шастающих по пустыне, которая ходит прямо, хотя и осознает, сколько вокруг таится всяких опасностей, только и ждущих удобного случая. Предпочитающая всему этому другую смерть, надышавшись через длинную соломинку выхлопными газами автомобилей на шоссе. Научилась этому, подумала она, от японцев, переняв у них спокойное безразличие к смерти вместе с приемами дзюдо, с помощью которого она зарабатывала себе на жизнь. Как убивать, как умирать. Янь и Инь. Но это уже в прошлом.

Здесь страна протестантов.

Было приятно сознавать, что нацистские ракеты проносятся над головой, не останавливаясь здесь, не проявляя ни малейшего интереса любого свойства к Кэнон-Сити в штате Колорадо. Так же, как и к штатам Юта или Вайоминг или восточной части Невады, ни к одному из этих лежащих под ними, как на ладони, открытых ветрам пустынным штатам, пригодным разве только что для выпаса скота. Мы ничего не стоим, отметила она про себя. И можем дальше вести свое неприметное существование. Если захотим. Если такая жизнь будет что-то для нас значить.

Из одной из душевых раздался звук отпираемой двери. Показался широкий силуэт мисс Дэвис, которая, уже полностью одетая, держала под мышкой кошелку.

— О, вы заждались, миссис Фринк? Извините меня.

— Все нормально, — сказала Джулия.

— Вы знаете, миссис Фринк, занятия дзюдо так много мне дали. Даже больше, чем дзен.

— Постарайтесь с помощью техники дзюдо сделать свои бедра немного стройнее, — сказала ей Джулия. — Сбросьте несколько лишних фунтов веса… Извините, мисс Дэвис. Я, кажется, сказала

что-то не то.

— Вы сильно настрадались от них? — спросила мисс Дэвис.

— От кого?

— От японцев. До того, как научились приемам самообороны.

— Жизнь была просто ужасной, — тяжело вздохнула Джулия. — Хорошо, что вам не доводилось бывать на Побережье. Где они сейчас.

— Я ни разу не покидала Колорадо, — застенчива, с дрожью в голосе, призналась мисс Дэвис.

— Это еще может случиться и здесь, — сказала Джулия, — они могут решить оккупировать и эти места тоже.

— Сейчас уже слишком поздно!

— Разве можно предугадать их намерения? Они умеют тщательно маскировать свои замыслы.

— Что… что они заставляли вас делать? — спросила мисс Дэвис и, крепче прижав обеими руками свою кошелку к туловищу, придвинулась совсем близко к девушке, чтобы лучше слышать ее ответ.

— Все, что угодно, — ответила Джулия.

— О боже. Я бы сопротивлялась, — сказала мисс Дэвис.

Джулия извинилась и вошло в пустую душевую

— приближался кто-то еще.

Позже она устроилась в отдельной кабине в закусочной «Восхитительные горячие бифштексы Чарли» и стала просматривать меню. Музыкальный автомат наигрывал какой-то мотивчик в стиле «кантри». Звенела гитара, между ее аккордами раздавались хриплые томные вздохи. В закусочной стоял чад от жареного жира. И все же здесь было тепло и светло, и настроение ее стало улучшаться. От присутствия двух водителей грузовиков, восседавших у стойки, официантки, от здоровенного повара-ирландца в белом переднике, отсчитывающего возле кассы сдачу.

Завидя ее, Чарли тут же подошел к столику, чтобы обслужить самолично. Осклабясь, он произнес нараспев:

— Мисс хочет сейчас чаю?

— Кофе, — ответила Джулия, не обращая внимания на шуточки повара.

— Ладно, — кивнул Чарли.

— И сэндвич с горячим бифштексом и соусом.

— Но угодно ли чашечку крысиного бульона? Или, может быть, козлиных мозгов, поджаренных на оливковом масле? — Пара водителей грузовиков развернулась на своих высоких табуретах, ухмыляясь остротам повара по адресу

японской кухни. И, конечно, заметили, как она привлекательна. Даже если бы не обращенные к ней остроты повара, все равно она вскорости бы почувствовала, как пристально приглядываются к ней водители. Много месяцев активных занятий дзюдо сделали ее необычайно мускулистой. Отсюда ее умение держаться и отличная фигура.

А дело-то все в развитии плечевых мышц, подумала она, встретив восхищенные взгляды водителей. Так же, как и у танцовщиц. Посылайте своих жен в спортзал, и мы научим их. И жизнь будет преподносить вам гораздо большее удовлетворение.

— Держитесь от нее подальше, — подмигнув, предупредил водителей повар. — Она зашвырнет вас в кузова ваших тачек.

Джулия обратилась к водителю помоложе:

— Откуда держите путь?

— Из Миссури, — одновременно ответили оба.

— Вы из Соединенных Штатов? — спросила она.

— Я — из Филадельфии, — ответил старший из них. — Там у меня трое ребятишек. Самому старшему одиннадцать.

— Послушайте, — сказала Джулия. — Как там… насчет работы?

— Никаких проблем, — ответил водитель помоложе. — Если у вас подходящий цвет кожи. — У него было смуглое умное лицо и черные курчавые волосы. Выражение его лица при этих словах сразу же стало суровым, даже с оттенком горечи.

— Он — воп, — объяснил мужчина постарше.

— А разве Италия не была одной из стран-победительниц в войне? — Она улыбнулась молодому водителю, но он не ответил ей улыбкой. Совсем наоборот. Его темные глаза сверкнули ненавистью, и он неожиданно отвернулся.

Очень жаль, подумала она, но ничего не сказала. Я не в состоянии развеселить ни тебя, ни кого-то еще. Вспомнила о Фрэнке. Может быть, сейчас его уже нет в живых. Сказал что-то не к месту. Но нет, вряд ли. Почему-то японцы ему нравятся. Может быть, из солидарности — ведь они такие уродливые. Сколько раз она твердила Фрэнку, что он уродлив. Лицо все в угрях. Крупный нос, а у нее была удивительно красивая кожа. Ну и что, погиб он без меня? Финк — это по-английски почти зяблик, птичка-невеличка. Говорят, птицы сейчас гибнут.

— И ночью снова тронетесь в путь? — спросила она у молодого водителя-итальянца.

— Завтра.

— Если вы так несчастливы в США, то почему не переедете сюда на постоянное жительство? — продолжала Джулия. — Я вот уже давно живу в Скалистых Горах, здесь не так уж плохо. А раньше жила на Побережье, в Сан-Франциско. Там тоже важен цвет кожи.

Быстро смерив ее взглядом, молодой итальянец произнес: сгорбившись у стойки:

— Леди, достаточно провести хотя бы один день или одну ночь в таком паршивом захолустье. Жить здесь? Боже праведный, если б я мог подыскать себе любую другую работу и не валандаться по дорогам, ужиная в забегаловках вроде этой… — Заметив, что повар побагровел, он замолчал и стал пить кофе.

— Джо, ты становишься снобом, — сказал ему более старший товарищ.

— Можно поселиться в Денвере, — заметила Джулия. — Там немного уютнее. Знаю я вас, американцев с Востока, подумала она, У вас голова полна больших замыслов. Для вас Скалистые Горы — захолустье. Здесь ничего не происходит с самых довоенных лет. Одни старики, фермеры, глупый, бедный, отупевший народ… а все ребята поумнее давно упорхнули на восток, в Нью-Йорк, легально или нелегально перейдя

границу. Потому что там — деньги, которые дает промышленность. Там развитие. Немецкие капиталовложения немало этому способствовали… У них ушло совсем немного времени, чтобы отстроить США.

— Приятель, — сердитым, хриплым голосом произнес повар. — Я не любитель евреев, но я встречался с некоторыми евреями-беженцами, покинувшими ваши США в сорок девятом. Вот и давитесь своими США. Если там снова большое строительство и много дурных легких денег, то это потому, что их украли у евреев, когда вышвырнули их из Нью-Йорка по тому гнусному Нюрнбергскому закону, принятому наци. Я жил в Бостоне, когда был ребенком, и какое мне дело до евреев, но я никогда не думал, что доживу до того дня, когда эти расистские законы наци распространятся и на территорию штатов, пусть мы и проиграли войну. Меня очень удивляет, что ты не в Вооруженных силах США, готовящихся к вторжению в небольшую южноафриканскую республику в качестве прикрытия для немцев, чтобы они могли еще немного оттеснить японцев…

Оба водителя разом вскочили со своих мест, лица их были переполнены решимости. Старший из них схватил с прилавка бутылку с кетчупом и

угрожающе приподнял ее за горлышко. Повар, не поворачиваясь спиной к водителям, стал шарить рукой позади себя, пока не нащупал вилку для мяса. Он вынул ее из-за спины и выставил перед собой.

— В Денвере, — заметила Джулия, — сейчас заканчивается строительство взлетно-посадочной полосы из теплостойкого материала, так что реактивные «Люфтганзы» смогут совершать здесь посадку.

Все трое мужчин продолжали молчать и не шевелились. Другие посетители, затаив дыхание, наблюдали за происходящим.

Первым тишину нарушил повар Чарли.

— Один такой ракетоплан пролетел перед заходом солнца.

— Он направлялся не в Денвер, — сказала Джулия. — Он держал курс на Запад, к Побережью.

Оба водителя грузовиков, не торопясь, заняли прежние места. Старший из них пробормотал:

— Я всегда забываю о том, что все они здесь немного пожелтели.

— Ни один из японцев не убивал здесь евреев, ни во время войны, ни после, — уже спокойно заметил повар. — И японцы не строили газовых печей.

— Ну и очень плохо, что не строили, — сказал водитель постарше. Затем снова принялся за кофе.

Пожелтели, подумала Джулия, да, похоже на то, что это правда. Мы что-то здесь возлюбили японцев.

— Где вы собираетесь ночевать? — спросила она, обращаясь к более молодому водителю.

— Еще не знаю, — ответил он. — Я только что вышел из кабины и прямо сюда. Весь этот штат мне не очень-то нравится. Скорее всего, лягу в кабине.

— Мотель «Медоносная пчела» не так уж плох, — заметил повар.

— О'кей, — согласился молодой водитель. — Может быть, там и остановлюсь. Если не станут возражать, ссылаясь на то, что я итальянец. — Говорил он с явно выраженным акцентом, хотя и пытался это скрыть.

Наблюдая за ним, Джулия решила: в том, что он такой ожесточившийся, такой колючий, виноват его собственный максимализм. Слишком уж многого он требует от жизни. Всегда в движении, неугомонный и сосредоточенный. Я такая же. Я не смогла остаться на Западном побережье, пройдет немного времени, и мне станет невмоготу

здесь. А разве не такими же были люди прошлых веков? Но, подумала она, осваиваемые рубежи нынче не здесь. Они на других планетах.

И еще она подумала вот о чем: мы с ним могли бы записаться на один из ракетных кораблей, перевозящих колонистов. Но немцы не пустят его на борт из-за цвета кожи, а меня — из-за черных волос. Это для тех тощих нордических альфов-гномиков, гомиков — из СС, которые проходят подготовку в горных замках Баварии. Этот парень — Джо как-его-там — даже не удосуживается придать своему лицу верное выражение. У него должен быть этот обязательный невозмутимый, но вместе с тем и преисполненный энтузиазма вид, будто он ни во что не верит, а тем не менее, владеет абсолютной истиной. Да, именно такие они и есть. Они совсем не идеалисты, как мы с Джо. Они — циники, упивающиеся непогрешимостью своей веры. Это что-то вроде лоботомии — они просто калечат мозг. Эти немецкие идеологи-психиатры, выдавая это за достижение своей психотерапии.

Но главная их беда, решила Джулия, таится в сфере секса. Они превратили его в нечто грязное еще в самом начале, в тридцатые годы, а затем дела пошли все хуже и хуже. Гитлер положил

сам этому начало со своей — кем она ему приходилась? Сестрой? Теткой? Племянницей? А ведь в его роду и до этого было кровосмешение — его отец и мать были двоюродным братом и сестрой. Они все совершают кровосмешение, вожделея к собственной матери. Вот почему у этих тщательно отобранных гомиков-эсэсовцев такие жеманные ангельские улыбочки, такая розовая детская невинность на лицах; они берегут его для Мамули. Или друг для друга.

А кто для них Мамуля, задумалась Джулия. Вождь, герр Борман, который, как считают, сейчас при смерти? Или — тот, Великий Больной?

Старый Адольф, как полагают, доживает свои дни в каком-то санатории, полупарализованный, в старческом маразме. Сифилис мозга, восходящий еще к дням его нищенствования в Вене, где он бродил в длинном черном пальто, в грязном белье, спал в ночлежках.

Очевидно, это возмездие самого Бога, злобно-насмешливое, ну прямо как в старых немых фильмах. Этот страшный человек поражен самой гнусной грязью, той напастью, которой история наказала человека за его порочность.

Но самое во всем этом ужасное — то, что нынешняя Германская империя — продукт деятельности

этого мозга. Сначала политическая партия, затем нация, а затем и полмира. И нацисты сами поставили этот диагноз, идентифицировали его болезнь. Этот шарлатан, пользовавший травами, который лечил Гитлера, этот доктор Морелл, который теперь пичкает его патентованными Ветрогонными Пилюлями доктора Кестера — он первоначально был специалистом по венерическим заболеваниям.

Весь мир знает об этом, но тем не менее, бессвязная речь вождя — само откровение, как Священное Писание. Таким мировоззрением сейчас заражена вся наша цивилизация, а эти отдельные белокурые нацистские самцы и самки как споры зла покидают с неслыханной помпой Землю, чтобы разносить заразу по другим планетам.

Вот их награда за кровосмешение — безумие, слепота, смерть.

Брр. Джулия встряхнулась.

— Чарли, — позвала она повара. — Мой заказ уже готов?

Она чувствовала себя очень одинокой. Поднявшись, прошла к стойке и присела рядом с кассой.

Никто на нее не обратил внимания, кроме молодого водителя-итальянца. Он не сводил с

нее глаз. Джо, так его звали. Джулии захотелось узнать о нем побольше.

Оказавшись с ним почти рядом, она заметила, что он не так уж молод, как ей показалось. Трудно было сказать, сколько ему лет. Его напряженное состояние мешало правильно оценить его возраст. Он все время проводил рукой по волосам, как бы зачесывая их назад искривленными негнущимися пальцами. Что-то есть особенное в этом человеке, подумала Джулия. От него веет дыханием смерти. Это пугало ее, и в то же время притягивало. Вот водитель постарше наклонил голову и что-то ему прошептал, после чего оба стали просто-таки сверлить ее взглядом, причем в этот раз в их глазах был не просто мужской интерес.

— Мисс, — сказал водитель постарше. — Вы знаете, что это такое? — Он вытащил из-под стойки небольшую плоскую белую коробку.

— Знаю, — ответила Джулия. — Нейлоновые чулки. Из синтетики, которую делает только мощный картель из Нью-Йорка, И. Г. Фарбен. Очень редкие и дорогие.

— Ну, придумали-то их немцы. Монополия — не такая уж и плохая штука. — Водитель постарше передал коробку напарнику, тот подтолкнул ее

локтем, и она скользнула по стойке к Джулии.

— У вас есть автомобиль? — спросил у нее молодой итальянец, потягивая кофе.

Из кухни появился Чарли. В руке у него была тарелка с ее заказом.

— Вы могли бы меня отвезти туда? — Дерзкие, решительные глаза все еще продолжали ее изучать, от чего она сразу же занервничала. Тем не менее, интерес ее к этому Джо все возрастал. — В этот мотель или куда еще, где я мог бы заночевать. Ну так как?

— Да, — сказала она. — У меня есть машина. Старенький «студебеккер».

Повар поглядел сначала на нее, затем на молодого водителя, после чего поставил перед нею тарелку.

* * *

Из репродуктора в дальнем конце прохода раздалось:

— Дамы и господа, внимание!

Мистер Бейнс, задремавший в своем кресле, очнулся и открыл глаза. В окошке справа от него было видно море, далеко внизу, коричневая и зеленая суша, а дальше — бескрайняя голубизна океана. Тихого океана. Ракетоплан, сообразил он,

начал свое долгое медленное снижение.

Сначала по-немецки, затем по-японски и, наконец, по-английски голос из репродуктора объяснил, что никому нельзя курить и отстегиваться от своего мягкого кресла. А также уведомил пассажиров о том, что спуск будет длиться восемь минут.

После этого включились тормозные реактивные двигатели, причем так неожиданно и громко, так яростно затрясло салон, что большинство пассажиров испуганно вздрогнули. Мистер Бейнс улыбнулся и сидевший по другую сторону прохода молодой пассажир с коротко подстриженными светлыми волосами улыбнулся тоже.

— Зи фюрхтен дас… — начал было молодой человек, но Бейнс прервал его:

— Простите. Я не говорю по-немецки.

— Не говорите по-немецки? — удивленно произнес по-английски с сильным акцентом молодой немец.

— Я — швед, — пояснил Бейнс.

— Но вы сели в Темпельхофе.

— Да, я был в Германии в служебной командировке. Мне приходится бывать по своим делам в самых различных странах.

Молодой немец, очевидно, никак не мог пове-

рить, что в современном мире человек, который занимается бизнесом в международных масштабах и летает — может позволить себе летать — на самой совершенной из реактивных «Люфтганз», не говорит по-немецки. Обратившись к Бейнсу, он спросил:

— И в какой же области вы специализируетесь?

— Пластмассы. Полиэстеры. Резина. Заменители. Промышленное использование этих материалов. Понимаете? Не для производства товаров широкого потребления.

— Швеция производит пластмассы? Невероятно!

— Да, и при том очень хорошие. Если вы назовете мне свою фамилию, я распоряжусь выслать вам по почте проспект фирмы. — Бейнс приготовил авторучку и записную книжку.

— Не утруждайтесь. Зря потратитесь. Я не коммерсант, я — художник. Не обижайтесь. Возможно, вы видели мои работы в Европе. Алекс Лотце, — он выжидательно смотрел на Бейнса.

— Простите, но я равнодушен к современному искусству, — сказал Бейнс. — Мне больше по душе старые довоенные кубисты и абстракционисты. Мне нравятся картины, которые хотят что-то

выразить, а не просто представить идеал. — Он отвернулся.

— Но ведь именно в этом задача искусства, — возразил Лотце. — Повышать духовность человека, помочь ему преодолеть чувственное начало в себе. Ваше абстрактное искусство характеризует период упадка духа, духовного хаоса, вызванного упадком общества, старой плутократии, состоявшей из еврейских и капиталистических миллионеров, международной клики, которая поддерживала упадочное искусство. Те времена прошли безвозвратно. Искусство должно идти дальше — оно не может оставаться без движения.

Бейнс кивнул, продолжая глядеть в окно.

— Вы бывали в Пацифиде раньше? — спросил Лотце.

— Несколько раз.

— А я нет. В Сан-Франциско открылась выставка моих произведений, устроенная ведомством доктора Геббельса по договоренности с японскими властями. Культурный обмен — с целью углубления взаимопонимания и укрепления доброй воли. Мы должны ослабить напряженность между Востоком и Западом, не так ли? Мы должны больше общаться друг с другом, и этому

может содействовать искусство.

Бейнс снова кивнул. Внизу, за пределами огненного кольца выхлопных газов реактивных двигателей теперь виднелся Сан-Франциско и залив, на берегу которого город был расположен.

— Где в Сан-Франциско вы собираетесь питаться? — продолжал Лотце. — Мне забронировано одно место в Палас-отеле, но, по-моему, приличную еду можно найти в интернациональном районе, например, в Чайнатаун.

— Верно, — кивнул Бейнс.

— Цены в Сан-Франциско высокие? В эту поездку я отправился с совсем пустыми карманами. Министерство пропаганды экономит, — Лотце рассмеялся.

— Все зависит от того, по какому курсу вам удастся обменять деньги. Я осмеливаюсь предположить, что у вас чеки Рейхсбанка, советую поменять их в Токийском банке на Сэмсон-стрит.

— Данке зер, — сказал Лотце. — А то я намеревался это сделать в гостинице.

Ракетоплан уже опустился почти к самой земле. Теперь были отчетливо видны поле ракетодрома, ангары, стоянки автомашин, скоростное шоссе из города, отдельные дома…

Великолепный пейзаж, подумал Бейнс. Горы и вода, и небольшие клочья тумана над «Золотыми Воротами».

— А что это за гигантское сооружение внизу? — спросил Лотце. — Оно завершено всего лишь наполовину. Космопорт? Но ведь у японцев, насколько мне известно, нет космических кораблей.

Улыбнувшись, Бейнс пояснил:

— Это стадион «Золотой Мак». Для игры в бейсбол.

Лотце рассмеялся.

— Да, они просто обожают бейсбол. Невероятно. Начать возведение такого грандиозного сооружения для игры, для вида спорта, который является пустым времяпрепровождением, да так и не…

Бейнс не дал ему закончить фразу.

— Это законченное сооружение. Такова его форма в соответствии с замыслом архитектора. Оно открыто с одной стороны. Новое слово в архитектуре. Американцы очень гордятся им.

— У него такой вид, — произнес Лотце, глядя вниз, — будто его проектировал какой-нибудь еврей.

Бейнс внимательно посмотрел на собеседника. Он остро почувствовал эту характерную для

немецкого склада ума неустойчивость, искру помешательства в нем. Неужели Лотце так на самом деле считает? Неужели эти случайно оброненные слова выражают подлинные его чувства?

— Надеюсь, мы еще встретимся в Сан-Франциско, — сказал Лотце, когда корабль коснулся поверхности земли. — Мне будет так недоставать соотечественника, с которым я мог бы беседовать.

— Но я ведь не ваш соотечественник.

— Да, да, но какая разница? В расовом отношении мы так близки. Можно сказать, одинаковы во всех отношениях. — Лотце заерзал в своем кресле, готовясь расстегнуть весьма замысловатую застежку ремней.

Неужели я в расовом отношении родственен этому человеку? Задумался Бейнс. Мы с ним настолько близки, что у нас одинаковые цели и намерения? Тогда, значит, эта искра безумия и во мне тоже. Мы живем в мире, который сошел с ума. Безумие правит миром. Как давно мы узнали об этом? Когда впервые с этим столкнулись? И — сколько нас, которые об этом догадываются? Только не Лотце. Наверное, если ты понимаешь, что безумен, значит, ты еще не сошел с ума окончательно. Или, во всяком случае, начинаешь

избавляться от безумия. Прозреваешь. Как мне кажется, это осознают очень немногие. Отдельные личности тут и там. А вот широкие массы… Что они себе думают? Все эти сотни тысяч жителей хотя бы вот этого города. Неужели все они воображают, что живут в нормальном мире? Или они тоже начинают догадываться, в их сознании бывают хотя бы проблески истины…

Однако, подумал он, не мешало бы все-таки понять, что же означает это слово — безумие. Нужно дать логически непротиворечивое определение. Что я подразумеваю под этим словом? Я его вижу, я его ощущаю, но что же это?

Это то, что они делают, то, чем они являются. Это то, что они сами не в состоянии осознать. Это их неосведомленность о других. Непонимание того, что они делают с другими, какой вред причинили и продолжают причинять. Нет, не то. Сам не знаю. Но я ощущаю это и умом, и сердцем. Эту их бессмысленную жестокость. Именно ли в этом их безумие? Тоже нет. Боже, подумал он. Я не в состоянии разобраться, отыскать истину. Может быть, их безумие в том, что они отвергают отдельные элементы окружающей нас реальности? Да. Но не только в этом. Оно в их планах. Да, в их замыслах. Завоевание планет. Это нечто такое же

безумное и бессмысленное, как и их покорение Африки, а до этого — Европы и Азии.

Их мироощущение — оно космическое. В нем нет места — ни человеку здесь, ни ребенку там. Одни абстракции: раса, земля. Фольк. Ланд. Блут. Эре. Не благородство человека, а Эре, честь сама по себе. Для них реально только абстрактное, реальность же они просто не замечают. Это их чувство пространства и времени. Они смотрят сквозь пространства «здесь», «сейчас» в необозримые космические глубины, которые находятся вне пределов этих понятий, в вечность. И это смертельно опасно для жизни. Потому что со временем, когда-нибудь, жизни не станет. Были когда-то во Вселенной одни только частицы первозданной пыли, горячий газообразный водоворот, и ничего более, и так будет снова. А жизнь — она всего лишь заполняет промежуток между этими состояниями, Айн Аугенблик. Космические процессы ускоряются, превращая живое снова в гранит и метан; колесо вселенской истории крушит жизнь. Все в этом мире только временное. И они — эти безумцы — как раз и способствуют своей деятельностью торжеству гранита, праха, стремления к небытию. Они хотят помочь природе.

И, еще подумал он, я догадываюсь почему. Они хотят сами стать движущей силой истории, а не ее жертвами. Они отождествляют себя с Богом, с его всемогуществом и верят в свою богоподобность. Именно в этом суть их безумия. Они захвачены стереотипом; их коллективное «Я» увеличивается в объеме так, что они уже сами не в состоянии разобрать, с чего начинали, и тогда божественность их покидает. Это не высокомерие, не гордыня; это отрицание личности, доведенное до своего логического предела, когда уже нельзя провести грань между тем, кто поклоняется какому-нибудь богу, и тем, кто сам считает себя богом и требует поклонения. Не человек пожрал Бога — Бог пожрал человека.

Чего они не в состоянии постичь — так это беспомощности человека. Я мал, я слаб, я совершенно безразличен окружающей меня Вселенной. Она просто не замечает меня. Я живу неприметно. Но почему это плохо? Разве так не лучше? Тех, кого боги замечают, они уничтожают. Оставайся малым — и ты избегнешь ревности сильных мира сего.

Отстегивая свой привязной ремень, Бейнс произнес:

— Мистер Лотце, этого я еще никогда никому

не говорил. Я — еврей.

Лотце поглядел на него как на человека, достойного сожаления.

— Вы об этом ни за что не догадались, — продолжал Бейнс, — потому что внешне я ничем не похож на еврея. Я изменил форму носа, сделал меньше жировые поры на лице, химическим путем осветлил кожу, даже изменил форму черепа. Короче говоря, по внешности меня невозможно уличить. Я вхож в самые высшие сферы нацистского общества и действительно часто там бываю. Никто меня не разоблачит. И… — тут он сделал паузу, стал близко, очень близко к Лотце, и добавил таким тихим голосом, что слышать его мог только Лотце. — И есть еще другие такие, как я. Вы слышите? Мы не погибли. Мы все еще существуем. Мы живем, не замечаемые никем.

— Служба безопасности… — заикаясь, начал было Лотце.

— Служба СД может проверить мои анкеты, — сказал Бейнс. — Вы можете донести на меня. Но у меня очень сильные связи. Некоторые из моих покровителей — арийцы, некоторые — тоже евреи, занимающие самые высокие должности в Берлине. Ваш донос выбросят в корзину для мусора, а затем, немного спустя, я донесу на вас. И

благодаря все тем же моим связям вы окажетесь в исправительном лагере. — Он улыбнулся, чуть поклонился и двинулся вдоль прохода, подальше от Лотце, пока не присоединился к другим пассажирам.

Все спустились по трапу на холодное, продуваемое ветрами посадочное поле. Уже в самом низу Бейнс снова оказался на какое-то мгновенье рядом с Лотце.

— По правде говоря, — произнес Бейнс, шагая рядом с Лотце, — мне не нравятся ваши взгляды, мистер Лотце, поэтому я не сомневаюсь в том, что обязательно донесу на вас. — Он резко ускорил шаг, оставив Лотце позади.

В дальнем конце поля, у входа в вестибюль вокзала, прибывших ожидало довольно большое число встречающих. Родственники, друзья пассажиров, некоторые из них махали руками, вглядывались в лица, приветливо улыбались. Чуть впереди остальных стоял коренастый японец средних лет, хорошо одетый, в английском пальто, в заостренных полуботинках и в шляпе-котелке. Рядом с ним стоял японец помоложе. На лацкане пальто японца средних лет был значок одной из влиятельнейших Тихоокеанских торговых миссий имперского правительства. Это

он, — понял Бейнс. — Мистер Нобусуке Тагоми явился собственной персоной, чтобы встретить меня.

Сделав шаг вперед, японец отозвался первым.

— Герр Бейнс… Добрый вечер, — и нерешительно поклонился.

— Добрый вечер, мистер Тагоми, — произнес Бейнс и протянул японцу руку. Они обменялись рукопожатиями, затем раскланялись.

Молодой японец тоже поклонился, лицо его сияло.

— Несколько прохладно на этом открытом поле, — сказал Тагоми. — Мы вернемся в центр города на принадлежащем миссии вертолете. Вас это устраивает? Или вы бы хотели сначала привести себя в порядок? — Он с нескрываемым волнением смотрел в лицо Бейнсу.

— Мы могли бы сразу тронуться, — ответил Бейнс. — Я хочу зарегистрироваться в гостинице. Вот только мой багаж…

— Мистер Котомихи позаботится о нем, — успокоил его Тагоми. — А затем последует за нами. Видите ли, сэр, на этом вокзале багажа приходится дожидаться в очереди добрый час. Дольше, чем продолжался ваш полет.

Мистер Котомихи улыбнулся в знак согласия.

— Хорошо, — сказал Бейнс.

— Сэр, — произнес Тагоми. — Я приготовил для вас подарок.

— Зачем? — удивился Бейнс.

— Чтобы завоевать вашу благосклонность. — Тагоми засунул руку в карман пальто и извлек оттуда небольшую коробку. — Отобран среди лучших образцов Американского искусства, которые только доступны. — Он протянул коробку Бейнсу.

— Спасибо, — Бейнс принял коробку из рук Тагоми.

— Всю вторую половину дня специальные эксперты проверяли правильность выбора, — сказал Тагоми. — Это — подлинный образец прежней, ныне умирающей культуры США, редчайшее, чудом сохранившееся произведение, отмеченное печатью ушедшей безмятежной эпохи.

Бейнс открыл коробку. В ней были ручные часики с изображением Микки Мауса, лежавшие на подушечке из черного бархата.

Тагоми над ним подшучивает? Бейнс поднял глаза и увидел сосредоточенное, взволнованное лицо мистера Тагоми. Нет, это не было шуткой.

— Большое спасибо, — сказал Бейнс. — В самом деле, невероятно.

— В настоящее время во всем мире имеется всего лишь несколько, самое большее, десять пар часов с Микки Маусом выпуска 1938 года, — пояснил Тагоми, вглядываясь в лицо Бейнса, упиваясь его реакцией, его пониманием ценности подарка. — Таких часов, сэр, нет ни у одного из знакомых мне коллекционеров.

Они вошли в здание вокзала и вместе поднялись по рампе.

4

Глядя на то, как его бывший работодатель вразвалку проковылял по коридору и вошел в главное производственное помещение «У-М Корпорейшн», Фрэнк Фринк отметил про себя, что самым странным в Уиндем-Мэтсоне то, что он вовсе не похож на человека, которому может принадлежать хоть один завод. Он был похож на завсегдатая злачных мест, пропойцу, которого отмыли, дали частую одежду, побрили, подстригли, хорошо накормили и выпустили на свет божий, дав ему пять долларов, чтобы он мог начать новую жизнь. Был он с виду нерешителен, суетлив, порой даже вкрадчив, хитрые глаза его так и бегали, как бы расценивая каждого встречного как потенциального противника, который сильнее его и которого надо было ублажать и успокаивать. Вся его манера поведения, казалось, говорила: меня все хотят обжулить.

И тем не менее, старик У-М в действительности был человеком очень могущественным. Ему принадлежали контрольные пакеты акций во множестве промышленных, торговых и строи-

тельных предприятий. Владел он и заводом «У-М Корпорейшн».

Следуя за стариком, Фринк распахнул большую стальную дверь в главное производственное помещение, где грохотали самые различные станки и машины, к шуму которых он уже давно привык так же, как и к виду рабочих у этих машин, вспышкам сварочных аппаратов, норам стружки, движению. Старик вошел. Фринк ускорил шаг.

— Мистер Уиндем-Мэтсон! — окликнул он хозяина.

Старик остановился перед бригадиром Эдом Маккарти. Они оба стали смотреть на приближающегося к ним Фринка.

Нервно облизав губы, Уиндем-Мэтсон произнес:

— Мне очень жаль, Фрэнк, но я уже никак не могу взять вас назад на работу. Я не зевал и сразу же нанял человека на ваше место, думая, что вы уже не вернетесь. После всего того, что вы сказали. — Он тут же отвел в сторону свои маленькие круглые глазки — такая уклончивость, Фринк это давно понял, была у старика в крови.

— Я зашел забрать свой инструмент. Больше ни за чем, — сказал Фринк.

— Ну что ж, давайте посмотрим, — пробурчал

У-М, очевидно, с инструментом Фринка ему не все было ясно. Повернувшись к Эду Маккарти, он произнес:

— Как я полагаю, это больше по вашей части, Эд. Может быть, вы все-таки приютите Фрэнка у себя. У меня других дел по горло. — Он бросил взгляд на свои карманные часы. — Послушайте, Эд. Мы обсудим все позже. Мне нужно бежать дальше, — он похлопал Эда по волосатой руке и затрусил прочь, не оглядываясь назад.

Эд Маккарти и Фринк продолжали стоять вместе.

— Ты пришел попроситься назад на работу? — сказал Маккарти чуть погодя.

— Да, — ответил Фринк.

— Я восхищаюсь тем, что ты сказал вчера.

— Я тоже, — произнес Фринк. — Вот только, господи, я никак не могу придумать, где бы еще мог работать. — Он испытывал подавленность и безнадежность. — Ты это знаешь. — В прошлом они часто делились друг с другом своими неприятностями.

— Нет, я этого не понимаю, — сказал Маккарти. — Ты умеешь управляться с гибочной машиной не хуже любого другого на Побережье. Я видел, как ты изготавливал деталь за пять

минут, включая окончательную полировку. И за исключением сварки…

— Я никогда не говорил, что умею варить, — сказал Фринк.

— А ты никогда не думал завести свое собственное дело?

— К-какое д-дело? — застигнутый вопросом врасплох, Фринк стал заикаться.

— Ювелирное.

— О, ради бога!

— Изготовление на заказ оригинальных изделий, не ширпотреб, — Маккарти отвел его в угол цеха, где было не так шумно. — Тысячи за две долларов ты мог бы арендовать небольшой подвал или мастерскую. Когда-то я набрасывал эскизы женских сережек и кулонов. Помнишь? Настоящий современный модерн. — Подобрав кусок наждачной бумаги, он начал на обороте чертить, медленно и сосредоточенно.

Заглянув через его плечо, Фринк увидел эскиз браслета, волнистые линии составляли абстрактный рисунок. — И на такое есть спрос? — Сколько он помнил, в цене были традиционные — даже старинные — изделия. — Современные украшения американского производства никому не нужны. Да и нет таких со времени окончания

войны.

— Ну так создавай рынок сбыта, — сделав сердитую мину, сказал Маккарти.

— Ты хочешь сказать, чтобы я сам их продавал?

— Отдавай их в магазины. Ну, хотя бы вот — как он там называется? На Монтгомери-Стрит, это тот большой шикарный художественный салон.

— «Художественные промыслы Америки», — сказал Фринк. Он никогда не заходил в такие фешенебельные, дорогие магазины. Мало ли кто из американцев в них заходил. Это у японцев были такие деньги, чтобы делать покупки в подобных магазинах.

— Ты знаешь, чем торгуют эти барышники? — спросил Маккарти. — И на чем делают состояния? На несчастных серебряных пряжках для поясов, которые делают индейцы в Нью-Мексико. На всяком барахле, которое разбирают туристы. Это считают национальным искусством.

Фринк надолго задумался над тем, что сказал Маккарти.

— Я знаю, что они еще продают, — сказал он наконец. — Да и ты знаешь.

— Знаю, — согласился Маккарти.

Они оба знали — потому что оба были в этом

замешаны самым непосредственным образом, и притом уже давно.

Официально завод «У-М Корпорейшн» был зарегистрирован как предприятие, выпускающее кованые стальные лестницы, ограждения, каминные решетки и декоративные элементы новых многоквартирных домов. Производство всех этих изделий было серийным по одним и тем же стандартным образцам. Для нового сорокаквартирного здания один и тот же элемент повторялся сорок раз кряду. Официально завод был сталелитейным предприятием. Но вдобавок к этому, на нем велось еще и другое производство, оно-то и давало ощутимую прибыль.

Применяя самое разнообразное и сложное оборудование, инструменты и материалы, «У-М Корпорейшн» в большом количестве подделывал довоенные изделия американского производства. Этими подделками осторожно, но умело подпитывалась оптовая торговля произведениями ремесленного искусства, и они смешивались в подлинными изделиями, собираемыми по всему материку. Как и в торговле почтовыми марками и редкими монетами никто не мог даже приблизительно определить процент фальшивок в обращении. И никто — особенно розничные

торговцы и сами коллекционеры — не хотел задаваться этим вопросам.

Когда Фринк получал расчет, на его верстаке лежал наполовину законченный револьвер системы «Кольт» времен освоения Дальнего Запада. Он сам изготовил литейные формы, отлил заготовки и теперь занимался окончательной ручной доводкой деталей. Рынок сбыта мелкого огнестрельного оружия времен американской Гражданской войны и освоения западных территорий был неограниченным. Завод «У-М Корпорейшн» был в состоянии продать все, что только успевал изготовить Фринк. Вот это-то и было его настоящей профессией.

Неспешно пройдя к своему верстаку, Фринк поднял с него еще не до конца опиленный, шершавый ударник револьвера. Еще три дня, и он бы закончил работу. Да, подумал он, неплохая работа. Знаток заметил бы разницу, но… японские коллекционеры не были экспертами в истинном смысле этого слова, они не располагали достоверной методикой оценки.

Насколько ему было известно, им и в голову не приходило усомниться в подлинности

* * *

Насколько ему было известно, им и в голову не приходило усомниться в подлинности так называемых исторических ценностей, которые продавались на западном побережье. Возможно, когда-нибудь, они зададутся этим вопросом и тогда пузырь лопнет, рынок сбыта рухнет даже для настоящих изделий. Закон Грешэма: подделки подорвут ценность подлинников. И это, вне всякого сомнения, служило поводом не заниматься таким расследованием — ведь все, в общем-то, были довольны. Заводы и фабрики во множестве городов наладили выпуск таких изделий и извлекли из этого прибыль. Они отдавали их оптовикам, а те — в розничную торговлю, где их рекламировали и выставляли на прилавках. Коллекционеры раскошеливались и, довольные, увозили свои приобретения домой, чтобы шикануть перед сослуживцами, друзьями и любовницами.

То же самое было с послевоенными фальшивыми бумажными деньгами, все шло гладко, не подвергалось сомнению. Никто не страдал от этого — пока не грянул час расплаты. А тогда все в равной степени оказались разорены.

А пока что никто об этом даже не заговаривал, даже те, кто подделками зарабатывал себе на кусок хлеба. Они долго не раздумывали над тем, чем занимались, сосредоточив все свое внимание на чисто технических проблемах.

— Когда ты в последний раз пробовал сделать что-нибудь оригинальное? — спросил Маккарти.

Фринк пожал плечами.

— Много лет назад. Копировать я умею чертовски аккуратно. А вот…

— Ты знаешь, что я подумал? Я подумал, что ты себе вдолбил в голову подброшенную наци мысль о том, что евреи неспособны к творчеству. Что они в состоянии только имитировать и продавать. Посредничать. — Он остановил на Фринке свой безжалостный, испытующий взгляд.

— Может быть, — произнес Фринк.

— Попробуй. Набросай оригинальный эскиз. Или поработай непосредственно с металлом. Поиграй с ним. Как играет ребенок.

— Нет, — сказал Фринк.

— Ты разуверился, — сказал Маккарти. — Ты полностью потерял веру в себя, понимаешь? И это очень плохо, потому что я убежден: ты мог бы заняться этим. — Он отошел от верстака.

Да, это слишком даже плохо, думал Фринк. И

все же, это правда. Факт. Я не могу обрести веру или энтузиазм по собственному желанию, только приняв такое решение.

Этот Маккарти отличный бригадир. У него всегда наготове подходящий прием, чтобы расшевелить человека, заставить его работать изо всех сил, переплюнуть самого себя. Он прирожденный руководитель. Он почти что, хотя на мгновенье, но воодушевил меня. Но вот Маккарти ушел — и все его старания пошли прахом.

Жаль, что у меня нет здесь лишнего экземпляра оракула, подумал Фринк. Я мог бы посоветоваться с ним, выложить все, что у меня наболело, перед пятитысячелетней его мудростью, тут же вспомнив, что экземпляр «Книги Перемен» имеется в холле «У-М Корпорейшн». Он вышел из цеха и по коридору быстро прошел через все заводоуправление в холл.

Усевшись в холле в сделанное из хромированных трубок и пластика кресло, он записал свой вопрос на обратной стороне обложки: «Стоит ли мне попытаться заняться творческим частным бизнесом, который был в общих чертах только что обрисован?» И начал бросать монеты.

Последняя линия получилась под номером Семь, затем он определил вторую линию и тре-

тью. Он сразу же понял, что нижняя триграмма — это «Чи-Ен», что было весьма неплохо. «Чи-Ен» имела отношение к творчеству. Затем выпала линия Четыре, восьмеркой. Инь. А затем, вместе с линией Пять, тоже восьмеркой, образовалась целая линия Инь. Господи боже, подумал он взволнованно. Еще одна линия Инь, и я выйду на гексаграмму Одиннадцать, «Таи». Мир. Это было бы очень благоприятным суждением. Или, — руки его затряслись, когда он перемешивал монеты, — линия Янь даст гексаграмму Двадцать Шесть — «Та-Чу», «Укрощенная Сила Величия». Благоприятными были оба суждения, и выпасть теперь должно было или одно, или другое. Он бросил три монеты.

Шестерка. Значит, «Мир».

Открыв книгу, он прочитал суждение: «МИР. Малое уходит, великое приближается. Большая удача. Успех.»

Значит, я должен поступить так, как советует Маккарти. Завести свой небольшой бизнес. Теперь посмотрим, что дает шестерка наверху, моя единственная бегущая линия.

Он перевернул страницу. Так какой же все-таки текст должен ей соответствовать? Наизусть он этого не знал. Наверное, благоприятный, посколь-

ку сама гексаграмма была благоприятной, союз небес и земли — но первая и последняя строка были, как всегда, за пределами гексаграммы, так что, возможно, шестерка наверху…

Глаза его отыскали нужное место, он мгновенно прочел его: «Стена падает в ров с водой. Не прибегай к силе оружия. Сделай так, чтобы твои распоряжения были известны в твоем собственном городе. Упрямство ведет к унижению.»

— Чтоб я провалился! — воскликнул он, ужаснувшись. — А вот и комментарий: «Перемена, на которую намекается в средней части гексаграммы, уже начала воплощаться. Стена города погружается назад в ров, откуда она была выкопана. Час гибели приближается…»

Это, вне всякого сомнения, одна из самых мрачных строк во всей книге, из более чем трех тысяч строк. А ведь суждение гексаграммы было вполне хорошим.

Так чему же тогда ему полагается следовать?

И почему так различаются два суждения об одном вопросе? Такого прежде с ним еще никогда не случалось, чтобы успех и гибель смешивались вместе в пророчестве оракула; какая загадочная судьба его ожидает, если оракул, выскребая бочку до дна, вышвыривает оттуда различное тряпье,

кости и всякие там атрибуты тьмы, а затем дает обратный ход и заливает все ярким светом, будто совсем уж рехнулся. Я, должно быть, нажал две кнопки одновременно. Механизм заклинило, и получилось вот такое противоречивое видение реальности. К счастью — на какую-то секунду. Долго так не могло длиться.

Черт побери, должно быть что-нибудь одно, не могут быть в равной степени справедливы оба суждения. Нельзя добиться успеха и одновременно погибнуть.

Или… может быть, можно?

Ювелирное дело принесет большую удачу. Суждение указывает именно на это. Но шестерка, бегущая линия, эта чертова линия… Она относится к чему-то глубинному, к какой-то катастрофе в будущем, которая, вероятно, никак не связана с ювелирным промыслом. Какая-то злая судьба ожидает меня все равно…

Война! — Мелькнуло у него в голове. Третья мировая война! Убиты все мы, два миллиарда, уничтожена вся наша цивилизация. Градом падают водородные бомбы.

Вот незадача, подумал он. Что же это такое происходит? Неужели это я привел в действие весь этот адский механизм? Или кто-то другой, кого

я даже не знаю? Или — все мы вместе взятые? А виноваты во всем этом те физики и та теория синхронности, согласно которой каждая частица тесно связана с любой другой — даже чихнуть нельзя, не нарушив равновесия во Вселенной. Забавная шутка, над которой некому будет смеяться. Я открываю книгу и получаю сообщение о будущих событиях, которые даже сам Бог хотел бы засунуть куда-нибудь подальше и не вспоминать о них. Но кто я такой? Не подхожу я для такой роли. Это я могу вам сказать точно.

Мне нужно забрать свои инструменты, взять у Маккарти электродвигатели, открыть мастерскую, завести свой мелкий бизнес и продолжал жить, не обращая внимания на это ужасное пророчество. Трудиться, не жалея сил, творить, как мне подсказывают собственный вкус и опыт, вести как можно более активную жизнь, пока не падут в ров стены для всех нас, для всего человечества. Вот о чем говорит мне оракул. Судьба все равно когда-нибудь обрушит на нас свой мясницкий топор, а я тем временем буду заниматься своим делом. Я должен найти применение своему уму, своим рукам.

Суждение гексаграммы касается только меня одного, моей работы. А вот бегущая линия — всех

нас.

Слишком я ничтожен, размышлял он. Я в состоянии прочесть только то, что написано. Бросил взгляд на небо — а затем, низко опустив голову, снова тяни свою лямку, продолжая начатое, будто ничего и не видел. Оракул не ждет от меня, что я стану бегать по улицам и воплями и жалобными стенаниями привлекать к себе внимание окружающих.

Может ли КТО-НИБУДЬ изменить это? Все мы, объединив свои усилия… или одна великая личность… или ко-то, занимающий достаточно высокое положение, кому выпадет оказаться в нужное время в нужном месте… Игра случая. Каприз фортуны. И наши жизни, наш мир — все зависит от этого.

Закрыв книгу, Фринк вышел из холла и вернулся в цех. Едва завидя Маккарти, стал махать рукой в направлении одного из концов цеха, где они могли бы продолжить начатый разговор.

— Чем больше я об этом думаю, — сказал Фринк, — тем больше мне нравится твоя идея.

— Вот и отлично, — заметил Маккарти. — Теперь слушай. Вот что ты делаешь. Тебе надо раздобыть денег у Уиндем-Мэтсона, — он выразительно подмигнул. — Я как придумал: собираюсь

взять расчет и присоединиться к тебе. Со своими эскизами, понимаешь? Разве в них что-то не так? Я убежден, они неплохи.

— Конечно, — несколько удивленно произнес Фринк.

— Встретится вечером после работы, — сказал Маккарти. — У меня дома. Приходи к семи, и пообедаешь вместе с Джин и со мною — если сможешь вытерпеть мою ребятню.

— О'кей, — сказал Фринк.

Маккарти похлопал его по плечу и ушел.

Долгий путь я проделал за последние десять минут, отметил про себя Фринк. Но страха он не испытывал. Сейчас он даже воодушевился.

Как быстро все произошло, размышлял он у верстака и собирая свои инструменты. Вот такого рода вещи и должны происходить. Как только появляется возможность…

Всю свою жизнь я ждал этого. Когда оракул говорит «что-то должно быть достигнуто», он именно это имеет в виду. Поистине велик такой момент. Все определяет. Шестерка сверху над гексаграммой Одиннадцать переводит все на гексаграмму Двадцать Шесть — «Укрощенную Силу Величия». Инь становится Янем; линия перемещается, и возникает уже новый момент. А

я так увлекся, что даже не заметил!

Готов поспорить, именно поэтому я получил эту ужасную линию. Только таким путем гексаграмма Одиннадцать могла перейти в гексаграмму Двадцать Шесть, вот этим перемещением шестерки наверх. Так что мне вовсе не следовало так волноваться за свою драгоценную задницу…

Однако, несмотря на все свое воодушевление и оптимизм, ему никак не удавалось выбросить из головы эту злополучную линию.

И все же, подумал он с иронией, я попытаюсь это сделать.

* * *

Зажатая в кулаке. Которой велено назвать то, что лежит внизу, в водяной бездне. Но здесь лягушке не до смеха, здесь ей не оправдать возлагаемых на нее надежд. Она просто задыхается, превращаясь в камень или глину. В нечто неодушевленное. Став снова неподатливой субстанцией: свойственной ее миру безумия.

Металл, извлеченный из земли, рассуждал Тагоми, продолжая внимательно разглядывать серебряный треугольник. Из глубины стихии, что расположена под всеми остальными, что плотнее всех. Из той стихии, где в пещерах оби-

тают тролли, где затхлая сырость и полный мрак. Из мира «иня» в его наиболее темном аспекте. Мира трупов, гниения, мира, куда уходят испражнения. Все, что уже отжило, отмерло, и теперь осаждается там, внизу, и разлагается, один слой под другим. Демонический мир неизменного. Времени — которое было.

Но, тем не менее, при ярком свете солнца серебряный треугольник сверкает всеми красками. Он отражает свет. Огонь, подумал Тагоми. Он вообще совсем не мокрый или темный предмет. И не тяжелый, как бы уставший, но пульсирующий жизнью. Он скорее присущ высокой стихии, аспекту «яня» — небесам, эфиру. Как и подобает произведению искусства. Да, это работа художника — извлечь кусок инертного вещества из темной, безмолвной земли и придать ему такую форму, чтобы он засверкал, отражая небесный свет, воскрешая к жизни мертвое. Устраивая красочный парад трупов — это прошлое пролагает дорогу будущему.

Тело из «иня», душа из «яня». Сочетание металла и огня. Внешнего и внутреннего. Целый микрокосм у меня на ладони.

И что это за пространство, о котором говорит мне эта вещица? Восхождения ввысь. К небесам.

А время? Светлого мира перемен. Да, этот кусочек металла извергнул свой дух — свет. И мое внимание приковано к нему — я не в состоянии отвести взор. Он приворожил меня, гипнотически очертив вокруг себя мерцающую

5

Телефонный разговор с Рэем Келвином застал Уиндем-Мэтсона врасплох. Он никак не мог уловить суть, частично из-за торопливой манеры Келвина говорить, и частично из-за того, что в это время — в пол двенадцатого вечера — он развлекал даму, посетившую его квартиру в отеле «Муромахи».

— Послушайте, дружище, — говорил Келвин, — мы отсылаем назад всю эту партию товара, что получили от вас. Я бы вернул и тот товар, что мы получали раньше, но мы уже расплатились за все, кроме последней партии. Выставленный вами счет датирован восемнадцатым мая.

Уиндем-Мэтсону, естественно, захотелось узнать почему.

— Это все дрянные подделки, — сказал Келвин.

— Но вы ведь знали об этом, — Уиндем-Мэтсон был явно ошарашен. — Рэй, вы всегда четко представляли себе положение. — Он обвел взглядом вокруг себя — девушка куда-то вышла, скорее всего, в ванную.

— Я знал, что это подделка, — сказал Келвин. —

И не о том толкую. Я хочу сказать о том, что они дрянь. Послушайте, мне совершенно до лампочки, использовался ли присылаемый вами револьвер на самом деле в Гражданскую войну или нет. Все, что меня волнует, так это то, чтобы он был вполне удовлетворительным кольтом 44-го калибра как-еще-он-там-числится в вашем каталоге. Он должен удовлетворять определенным требованиям. Послушайте, вам известно, кто такой Роберт Чилдэн?

— Да, — он смутно помнил это имя, хотя в данный момент никак не мог определить, кто этот человек точно.

— Он был у меня сегодня. В моей конторе. Мы еще никак не можем очухаться. Так вот, он пришел и тарахтел здесь очень долго. Он был разъярен как тысяча чертей. На самом деле, крайне взволнован. Так вот, очевидно, какой-то крупный его заказчик, адмирал, что ли, пришел к нему или подослал кого-то из своих людей. Чилдэн говорил о заказе на двадцать тысяч долларов, но, по всей вероятности, он загибает. Так вот, случилось так, — у меня нет причин сомневаться в правдивости этой части его рассказа, — что пришел какой-то японец, захотел совершить покупку, бросил лишь взгляд на один из этих

кольтов-44, которые вы штампуете, разглядел, что это подделка, засунул свои деньги назад в штаны и ушел. Вот так. Что вы на это скажете?

Никакого толкового ответа Уиндем-Мэтсон подыскать не мог, зато он мгновенно взял себе на заметку — то Фринк и Маккарти. Они грозились что-то сделать. Но он никак не мог сообразить, что же это они затеяли. Из слов Келвина ему не удавалось схватить смысл произошедшего.

Какой-то суеверный страх охватил его. Как это им удалось выудить подделку, сработанную еще в феврале? Он предполагал, что они обратятся в полицию, или в газеты, или даже к правительству «пиноков» в Сакраменто, и, разумеется, там было кому его защитить. Но что сказать Келвину? Он что-то невнятно мямлил, как ему казалось, бесконечно долго, пока в конце концов не удалось закруглить разговор и положить трубку.

Только тогда он, к немалому своему удивлению, обнаружил, что Рита вышла из спальни и слышала весь разговор. Она раздраженно ходила по комнате из угла в угол в одной только черной шелковой комбинации, ее светлые волосы свободно падали на обнаженные, слегка веснушчатые плечи.

— Заявите на них в полицию, — сказала она.

— Ну, — подумал он, — наверное, было бы дешевле предложить им две тысячи и даже чуть больше. Они бы не отказались; это, наверное, все, чего они добиваются. Мелкая сошка, подобная им, и мыслит мелко. Такие мысли кажутся им состоянием. Они вложили бы их в свой новый бизнес, потеряли бы их и в течение месяца были бы разорены.

— Нет, — сказал он.

— Почему нет? Шантаж является преступлением.

Ей трудно было объяснить, почему нет. Он привык покупать людей. Это стало частью накладных расходов, подобно оплате коммунальных услуг. Если сумма была не очень велика… Но в ее словах был определенный смысл. Он призадумался над ними.

«Я дам им две тысячи, но и свяжусь с тем парнем из Центрального гражданского управления, которого знаю, с этим инспектором полиции. Велю повнимательнее присмотреться к ним обоим, к Фринку и Маккарти, и поглядеть, не выявится ли что-нибудь полезное. Если они вернутся и попытаются еще раз — я тогда сумею с ними справиться».

«К примеру, кто-то говорил мне, что Фринк —

кайк. Что он изменил свой нос и фамилию. Мне остается только поставить в известность об этом здешнего немецкого консула. А дальше все пойдет уже по накатанной дорожке. Он потребует от японских властей его выдворения. И они пошлют этого педераста в газовую камеру, как только переправят через демаркационную линию. Я думаю, у них есть такие лагеря в Нью-Йорке, те самые лагеря с печами».

— Меня удивляет, — сказала девушка, — что кто-то осмеливается шантажировать человека, занимающего такое высокое положение в обществе, как вы.

— Ну вот что я тебе на это скажу, — начал он. — Весь этот бизнес, связанный с предметами исторической ценности — сплошной вздор. Эти япошки просто дубины. Я докажу это. — Поднявшись рывком, он быстро прошел в кабинет и сразу же возвратился с двумя зажигалками, которые тут же положил на столик для кофе.

— Посмотри на них внимательно. С виду они одинаковые, верно? Так вот, слушай. Одна из них имеет историческую ценность, — он ухмыльнулся. — Возьми их. Смелее. Одна из них стоит, ну, пожалуй, тысяч сорок-пятьдесят среди коллекционеров.

Девушка осторожно взяла обе зажигалки и стала их рассматривать.

— Неужели ты не чувствуешь? — шутливым тоном произнес он. — Историчности в одной из них?

— А что такое историчность? — спросила девушка.

— Это когда вещь имеет свою историю. Послушай. Одна из этих двух зажигалок-автоматов лежала в кармане Франклина Делано Рузвельта, когда он был убит. А другая не лежала. Она имеет историческую ценность, и притом еще какую! Такую же, как и любой другой предмет, который был у него тогда. А другая — ничего подобного. Ну, ты и сейчас ничего не ощущаешь? — продолжал подзадоривать ее Уиндем-Мэтсон. — Нет. Ты не в состоянии определить, какая из них ею обладает. Вокруг нее нет ни особой ауры, ни «таинственной плазмы».

— Да ну! — воскликнула в ужасе девушка. Неужто это правда? Что в тот день при нем была одна из них?

— Точно. И я знаю, какая. Теперь ты понимаешь, к чему я клоню. Все это большое надувательство. Они сами себя дурачат. Я имею в виду то, что пистолет, прошедший через знаменитую битву,

ну, например, Шайлоу, остается все тем же заурядным пистолетом, но только до тех пор, пока ты об этом не узнаешь. Вот она где, эта историчность, — он постучал себя по лбу. — В уме, а не в пистолете. Я был когда-то коллекционером. Фактически, благодаря этому я и занялся этим бизнесом. Я собирал почтовые марки. Бывших британских колоний.

Девушка стояла у окна, сложив руки на груди и глядя на огни центральной части Сан-Франциско.

— Мои мать и отец не раз повторяли, что мы бы не проиграли войну, если б он остался жив, — сказала она.

— Так вот, — продолжал Уиндем-Мэтсон, — предположим теперь, что, ну скажем, в прошлом году канадское правительство — или кто-то другой — нашли матрицы, с которых печатались старые марки. И типографскую краску. И достаточное количество…

— Я не верю, что одна из этих зажигалок принадлежала Франклину Рузвельту, — произнесла девушка.

Уиндем-Мэтсон рассмеялся.

— Вот об этом-то я и толкую! Мне нужно доказать это тебе, подкрепив как-то документально.

Свидетельством подлинности. И именно потому все это вздор, массовое заблуждение. Получается, что бумага подтверждает ценность предмета, а не предмет сам по себе.

— Покажите мне такой документ.

— Прошу. — Он снова заскочил в кабинет. Снял со стены взятый в рамку сертификат, составленный Смитсонианским институтом. Документ и зажигалка обошлись ему в целое состояние, но они стоили того — потому что давали ему возможность доказать свою правоту, что слово «подделка» в действительности ровно ничего не означает, как ничего в действительности не означает и слово «аутентичность».

— Кольт-44 есть кольт-44, - сказал он девушке, возвратившись в гостиную. — Его ценность — в качестве изготовления канала ствола и в конструкции, а не в том, когда он был изготовлен. Его ценность…

Девушка протянула руку. Он передал ей сертификат.

— Только поэтому она подлинная, — произнесла она наконец.

— Да. Вот эта, — он поднял зажигалку с продольной царапиной на корпусе.

— Я, пожалуй, буду собираться, — сказала де-

вушка. — Встретимся еще когда-нибудь, в другой раз. — Она положила сертификат и зажигалку и направилась в спальню одеваться.

— Почему? — взволнованно воскликнул он, бросившись вслед за нею. — Ты же знаешь, здесь совершенно безопасно. Моя жена вернется не раньше, чем через несколько недель — я же тебе все объяснил. У нее отслоение сетчатки.

— Дело не в этом.

— Тогда в чем же?

— Пожалуйста, закажите по телефону велокэб для меня, — попросила Рита. — Пока я буду одеваться.

— Я сам отвезу тебя домой, — недовольным тоном произнес Уиндем-Мэтсон.

Она оделась, а затем, пока он доставал из стенного шкафа ее пальто, стала молча бродить по квартире. Она казалась погрустневшей, ушедшей в себя, даже какой-то удрученной.

— Это прошлое подвергает людей в такую печаль, — понял он. — Черт побери, зачем я затеял весь этот разговор. Но ведь она такая молодая — я был уверен, что ей, наверняка, это имя ни о чем не говорит.

Она опустилась на колени перед книжным шкафом.

— Вы читали это? — спросила она, достав с полки какую-то книгу.

Он близоруко сощурился. Темно-коричневая обложка. Роман.

— Нет, — ответил он. Это жена приобрела. Она много читает.

— Вам следовало бы прочитать ее.

Все еще чувствуя себя разочарованным, он выхватил у нее книгу, глянул на название. «И густо легла саранча».

— Это одна из запрещенных в Бостоне книг? — спросил он.

— Она запрещена на всей территории Соединенных Штатов. И, разумеется, в Европе. — Она подошла к двери и стала ждать.

— Я слыхал об этом Готорне Абендсене. — На самом деле все было наоборот. Все, что он был в состоянии вспомнить об этой книге, что она сейчас популярна. Еще одно преходящее увлечение. Еще одно повальное помешательство. Он наклонился и засунул ее назад на полку.

— У меня нет времени читать беллетристику. Слишком много работы.

— Эту муру, — язвительно подумал он, — читают мелке служащие вечером дома в постели. Она возбуждает их. Позволяет уйти от реальности.

Которой они боятся. Но, разумеется, страстно жаждут острых ощущений.

— Какая-нибудь любовная история, — произнес он, с сумрачным видом открывая дверь в коридор.

— Нет, — сказала девушка. — Это роман о войне. — Уже в коридоре, по дороге к лифту, она добавила:

— Его автор утверждает то же самое, что говорили мои родители.

— Кто? Этот Абендсен?

— Его гипотеза заключается в следующем. Если бы Джо Зангара промахнулся, Рузвельт бы вытащил Америку из Великой Депрессии и так вооружил бы ее… — она прервала свои объяснения, так как они подошли к лифту, где его дожидалось еще несколько человек.

Позже, когда в «мерседесе-бенце» Уиндем-Мэтсона они проезжали по ночному Сан-Франциско, она возобновила свой рассказ.

— Гипотеза Абендсена заключается в том, что Рузвельт стал бы очень сильным президентом. Таким же энергичным, как и Линкольн. Он это доказал даже за тот единственный год, что был президентом, всеми теми мерами, которые начал осуществлять. Книга эта — художественное

произведение. Я хочу сказать, что она написана в форме романа. Рузвельта не убивают в Майами, он остается жив и переизбирается в 1936 году, оставаясь президентом до 1940 года, то есть уже во время войны. Понимаете, он все еще президент, когда Германия нападает на Англию, Францию и Польшу. А он видит все это. Он делает Америку сильной. Гарнер в самом деле был ужасно дрянным президентом. В том, что все так получилось, есть его немалая вина. А тогда, в 1940 году, вместо Бриккера избирают президента-демократа…

— У этого Абендсена в романе, — перебил ее Уиндем-Мэтсон. Он бросил взгляд на сидевшую рядом девушку. Боже, они читают книги, — подумал он, да еще и разглагольствуют о вечном.

— Согласно его гипотезе, вместо такого изоляциониста, как Бриккер, в 1940 году вместо Рузвельта президентом избирают Рексфорда Тагвелла. — Ее лицо, освещаемое уличными фонарями и встречными автомобилями, пылало от воодушевления. Глаза округлились, она стала оживленно жестикулировать. — И он очень активно продолжал начатую Рузвельтом антифашистскую политику, поэтому Германия не решилась прийти на помощь Японии в 1941 году. Она нарушила заключенный между ними

договор. — Повернувшись к нему, она крепко схватила его за плечо. — И поэтому Германия и Япония проиграли войну.

Он расхохотался.

В изумлении глядя на него, стараясь выискать что-то в выражении его лица — что именно, она и сама не знала, да к тому же ему еще нужно было присматривать за другими машинами, — она сказала:

— В этом нет ничего смешного. Именно так и было на самом деле. США были вполне способны разгромить Японию. И…

— Каким образом? — перебил ее Уиндем-Мэтсон.

— Все это есть в книге. — Она задумалась на мгновенье. — В романе. Естественно, там есть много и просто вымысла. Ведь ему все-таки надо было увлечь читателя, иначе люди не стали бы читать. В нем описываются судьбы многих людей. Среди них двое еще совсем молодых, парень служит в американской армии, девушка… Президент Тагвелл показан на самом деле тонким политиком. Он понимает, что японцы намерены предпринять. — Голос ее стал взволнованным. — Даже говорить об этом приятно. Японцы не препятствуют распространению этой

книги в Пацифиде. Я читала, что очень многие из них увлекаются ею. Она популярна на островах метрополии. И возбудила множество толков.

— Послушай, — произнес Уиндем-Мэтсон. — А что он говорит о Пирл-Харборе?

— Президент Тагвелл оказался настолько проницательным, что дал приказ всем кораблям выйти в море. Поэтому флот США избежал уничтожения.

— Понятно.

— Так что на самом деле никакого Пирл-Харбора и не было. Японцы напали, но им удалось вывести из строя только несколько небольших кораблей.

— Она называется «Какая-то саранча…»?

— «И саранча легла густо». Это цитата из Библии.

— И японцы, выходит, потерпели поражение, поскольку Пирл-Харбора не получилось? Послушай, Япония все равно одержала бы победу. Даже если бы не было Пирл-Харбора.

— Флот США — в этой книге — помешал им оккупировать Филиппины и Австралию.

— Они бы все равно их заняли. Их флот был сильнее. Я очень хорошо знаю японцев, это их историческое предназначение — установить

господство над Тихим океаном. После первой мировой войны Штаты все больше приходили в упадок. Каждая из стран-союзников потерпела крах в результате той войны — моральный и духовный.

— И если бы Германия не захватила Мальту, — упрямо продолжала девушка, — то Черчилль остался бы у власти и привел Англию к победе.

— Каким образом? Где?

— В Северной Африке. Черчилль в конце концов нанес поражение Роммелю.

Уиндем-Мэтсон снова расхохотался.

— И поскольку британцы победили Роммеля, они смогли двинуть всю свою армию через Турцию на помощь остаткам русских армий и занять оборону. В этой книге они остановили продвижение немцев на восток вглубь России возле одного города на Волге. Мы никогда раньше не слышали об этом городе, но он на самом деле существует, я нашла его в атласе.

— Как же он называется?

— Сталинград. Вот там-то британцы и переломили ход войны. Поэтому в книге Роммель так и не соединился с теми немецкими войсками, которые вышли из России, помните, армия фон Паулюса? И немцам не удалось проникнуть ни на

Ближний Восток и захватить столь нужные им месторождения нефти, ни в Индию, как это они сделали и соединились с японцами. И…

— Никакая стратегия на свете не смогла бы победить Эрвина Роммеля, — сказал Уиндем-Мэтсон. — И события, вроде тех, что выдумал этот парень, ни город в России, столь напыщенно названный Сталинградом, никакая успешная оборона не могли достичь ничего большего, как отсрочка исхода войны. Изменить ее результат они не могли. Послушай, я встречался с Роммелем лично. В Нью-Йорке, когда был там по делам в сорок восьмом. — На самом деле он видел военного губернатора США только на приеме в Белом Доме, да и то издалека. — Что за человек! Какая выправка, какие манеры. Так что я знаю, что говорю — закончил он.

— Это было ужасно, — сказала Рита, — когда генерала Роммеля сместили с поста, а на его место назначили этого мерзавца Ламмерса. Вот когда по-настоящему начались все эти массовые казни и концентрационные лагеря.

— Они существовали и тогда, когда военным губернатором был Роммель.

— Но, — она сделала жест рукой, — это было неофициально. Может быть, эти головорезы из

СС и тогда вытворяли такое же… Но он был не таким, как все остальные. Что-то в нем было от старого прусского офицерства. Он был суров…

— Я вот лучше скажу тебе, кто на самом деле очень много сделал для США, — сказал Уиндем-Мэтсон, — кто возродил их экономику. Это Альберт Шпеер. Не Роммель и не Организация Тодта. Шпеер был лучшим из наместников Партии в Северной Америке. Он заставил все эти фирмы, корпорации, заводы — все абсолютно! — снова заработать, и притом высокоэффективно. Жаль, что его не было здесь, ведь у нас по пять предприятий в каждой отрасли, конкурирующих между собой и из-за всего этого несущих такие чудовищные убытки. Нет ничего более идиотского, чем промышленное соперничество.

— Я бы не смогла жить, сказала Рита, — в тех трудовых лагерях, в тех общежитиях, которые были там у них на Востоке. Как одна моя подруга. Она там жила. У нее проверяли почту — она даже ничего не могла рассказать мне об этом, пока снова не оказалась здесь. Им приходилось подниматься по утрам в полвосьмого под звуки духового оркестра.

— Ты бы привыкла к этому. Зато жила бы в чистоте, получала полноценное питание, отдых

и отличное медицинское обслуживание. Чего еще желать? Журавля в небе?

Его огромная машина немецкого производства бесшумно двигалась сквозь окутанный холодным ночным туманом Сан-Франциско.

* * *

Тагоми сидел на полу, поджав под себя ноги. В руках он держал пиалу с черным китайским чаем и дул на него, то и дело улыбаясь при этом Бейнсу.

— У вас здесь просто прелестно, — сказал Бейнс. — На всем тихоокеанском побережье ощущается такая умиротворенность. Она резко контрастирует с тем, что… — Он не стал уточнять с чем.

— Бог разговаривает с человеком чудом Пробуждения, — прошептал Тагоми.

— Простите?

— Это оракул. Извините меня. Вырвалось непроизвольно.

Бейнс призадумался и улыбнулся в душе.

— Что-то есть смехотворное, — заметил Тагоми, — в том, что мы живем по книге пятитысячелетней давности. Мы задаем ей вопросы, будто она — разумное существо. Она и есть живое су-

щество. Как и Библия христиан. Многие книги на самом деле живут своей жизнью. И вовсе не в иносказательном смысле. Дух оживляет их. Понимаете? — он пристально посмотрел на Бейнса, ожидая его реакции.

Тщательно подбирая слова, Бейнс ответил:

— Я не очень силен в вопросах веры. Религия находится вне сферы моей деятельности. Я предпочитаю держаться тех материй, в которых хоть немного разбираюсь. — По сути же дела, у него не было ни малейшей уверенности в том, о чем говорит Тагоми.

Я, наверное, устал, — подумал Бейнс. С той минуты, как я очутился здесь сегодня вечером, все вокруг кажется мне каким-то нелепым и недовыросшим, будто я попал в страну гномов. Кажется какой-то недожизнью с оттенком шутовства. Что это за книга пятитысячелетней давности? Часы с Микки Маусом, сам мистер Тагоми, хрупкая пиала в его руке… и глядящая со стены голова бизона, уродливая и внушающая страх.

— Что это за голова? — вдруг спросил он.

— Это, — пояснил Тагоми, — всего лишь существо, которое поддерживало существование здешних аборигенов в былые дни.

— Понятно.

— Показать вам искусство охоты на бизонов? — Тагоми поставил пиалу на столик и встал. Здесь, вечером, в своем собственном доме, он был в серебристом халате, мягких комнатных туфлях и белом галстуке. — Вот я на железной лошадке. — Он слегка присел, подогнув ноги. — На коленях надежный винчестер выпуска 1866 года. — Он вопросительно глянул на Бейнса. — Вы устали от путешествия, сэр.

— Кажется, да, — признался Бейнс. — События дня несколько ошеломили меня. Деловая суета…

И всякие иные заботы, — подумал он. У него болела голова. Его сильно беспокоило, можно ли достать здесь, на тихоокеанском побережье, что-нибудь из анальгетиков, производства «И. Г. Фарбен». Он пристрастился к ним, борясь с частыми болями в височной области.

— Мы все не должны терять веры во что-то, — сказал Тагоми. — Нам не дано знать ответы на все вопросы. Нам не дано, по собственному желанию, заглядывать в будущее.

Бейнс кивнул.

— У моей жены найдется кое-что для облегчения вашей головной доли, — произнес Тагоми, увидев, что гость снял очки и потирает лоб. — Она вызвана перенапряжением глазных мышц. Изви-

ните. — Поклонившись, он вышел из комнаты.

…Больше всего я нуждаюсь в том, чтобы выспаться. В ночном отдыхе. Или причина в том, что я не в состоянии смело глядеть в лицо обстоятельствам? Пал духом из-за того, что они не очень-то благоприятны?

Когда Тагоми вернулся со стаканом воды и каким-то таблетками, Бейнс сказал:

— Мне в самом-то деле пора распрощаться и ехать в гостиницу. Но сначала хотелось бы кое-что выяснить. Мы можем продолжить переговоры завтра, если это вас устраивает. Вас поставили в известность о наличии третьей стороны, которая должна присоединиться к нашим переговорам?

На какое-то мгновенье на лице Тагоми промелькнуло удивление. Затем оно исчезло, и лицо его снова стало непроницаемым.

— Об этом ничего не говорилось. Однако это, разумеется, интересно.

— С острова метрополии.

— О, — произнес Тагоми. Но на этот раз на его лице не отразилось ни малейшего удивления, он полностью владел собой.

— Пожилой, удалившийся от дел бизнесмен, — продолжал Бейнс, — путешествующий по морю.

Сейчас он уже две недели в пути. У него предубеждение против поездок по воздуху.

— Эксцентричный старик, — заметил Тагоми.

— Он продолжает интересоваться положением дел на рынках островов метрополии. И сможет проинформировать нас об этом — в любом случае он намерен отдохнуть в Сан-Франциско. Не стану утверждать, что его информация так уж необходима. Но она позволит внести определенную ясность в наши переговоры.

— Хорошо, — согласился Тагоми. — Он сможет предостеречь нас от ошибок в отношении рынков сбыта в метрополии. Я там не был вот уже два года.

Только теперь Тагоми, бросив взгляд вниз, обнаружил, что все еще держит в руках таблетки и воду.

— Простите меня. Вот сильнодействующее средство. Называется заракаин. Изготавливается одной из фармацевтических фирм в провинции Китай. — И протянув ладонь, добавил: — Можно не опасаться привыкания.

— Этот немолодой господин, — произнес Бейнс, готовясь принять таблетку, — по всей вероятности, обратится непосредственно в вашу торговую миссию. Я сейчас напишу его имя, чтобы ваши

люди были предупреждены и не завернули его. Я с ним раньше не встречался, но мне известно, что он несколько глуховат и весьма эксцентричен. Мы должны постараться, чтобы его ничто не раздражало. — Тагоми, казалось, понимал, о чем идет речь. — Он увлекается рододендронами и будет очень доволен, если нам удастся разыскать кого-нибудь, кто сможет побеседовать с ним об этих растениях хотя бы с полчаса. Я записываю его имя.

Приняв таблетку, он достал авторучку и написал что-то.

— Мистер Синиро Ятабе, — прочел Тагоми на полоске бумаги, затем церемонно положил ее в свою записную книжку.

— И еще одно.

Тагоми, положив пальцы на ободок своей пиалы, весь обратился в слух.

— Дело весьма деликатного свойства. В отношении этого пожилого господина. Оно несколько затрудняет положение. Ему почти восемьдесят лет. Некоторые из его начинаний, к концу его карьеры, не увенчались успехом. Понимаете?

— Он не обеспечен материально, — произнес Тагоми. — Вероятно, получает пенсию.

— Вот именно. И эта пенсия до неприличия

мала. Поэтому он старается подработать то здесь, то там.

— Что является нарушением некоторых мелочных инструкций, — сказал Тагоми, — столь характерных для правительства метрополии и его бюрократического чиновничества. Я понимаю положение этого господина. Он получает от нас вознаграждение за консультации и не сообщает об этом в свой пенсионный отдел. Поэтому мы должны оставить в тайне его визит. Им известно только о том, что он уехал сюда отдыхать.

— Вы — человек, искушенный в житейских вопросах, — заметил Бейнс.

— Такое положение не раз возникало и раньше, — пояснил Тагоми. — Мы в нашем обществе так и не решили проблему обеспечения престарелых, количество которых неуклонно растет по мере успехов здравоохранения. Китай преподает нам уроки, как почитать старость. А вот немцы наше пренебрежительное отношение к старости, похоже, расценивают как подлинную добродетель. Насколько я понимаю, они уничтожают престарелых.

— Немцы… — пробормотал Бейнс, снова потирая пальцами лоб. Когда же начнет действовать таблетка? Он почувствовал, что его клонит ко

сну.

— Поскольку вы из Скандинавии, то у вас, безусловно, множество контактов с процветающей Европой. Сели в лайнер, например, и вы в Темпельхофе. Неужели можно мириться с таким отношением? Вы из нейтральной страны. Скажите мне свое мнение, если можете.

— Мне не ясно, что вы подразумеваете?

— Отношение к престарелым, больным, немощным, слабоумным, бесполезным… «Какая польза от новорожденного ребенка?» — спросил один известный англо-саксонский мыслитель. Я хорошо запомнил эти слова и много раз над ними задумывался. Да ведь в самом деле нет никакой пользы! Абсолютно никакой.

Бейнс что-то тихо и невнятно пробормотал, чтобы уклониться от ответа и соблюсти при этом правила вежливости.

— А разве не верно то, — не унимался Тагоми, — что человек не должен служить орудием для достижения чьих-то целей. — Он весь подался вперед в своем страстном желании получить ответ безотлагательно. — Пожалуйста, изложите мне свои, характерные для нейтрального скандинава, соображения.

— Не знаю, — промямлил Бейнс.

— Во время войны — продолжал Тагоми, — у меня была незначительная должность в провинции Китай. В Шанхае. Там существовал целый район, Хонкъю, поселения евреев, длительное время интернированных имперским правительством. Они выжили благодаря вспомоществованиям со стороны организации «Джойнт». Фашистский посланник в Китае настаивал на том, чтобы истребить евреев. Я хорошо помню ответ своего начальства. «Такое не согласуется с соображениями гуманности». Оно отвергло это требование как варварское. Это произвело на меня глубокое впечатление.

— Понимаю, — пробормотал Бейнс. Похоже, Тагоми пытается вызвать меня на откровенность. Теперь он был начеку. Ум и все его чувства обострились.

— Евреи всегда характеризовались фашистами как азиаты и небелые. То, что под этим подразумевалось, никогда не упускалось из виду влиятельными особами в Японии, даже из состава Военного кабинета. Я никогда прежде не обсуждал этот вопрос с гражданами Рейха, с которыми мне доводилось встречаться…

— Я — не немец, — перебил его Бейнс. — Поэтому едва ли могу говорить от имени Германии. —

Поднявшись, он направился к двери. — Мы возобновим наши переговоры завтра. Пожалуйста, извините меня. Я не в состоянии сейчас думать. — На самом деле, мышление его сейчас полностью прояснилось.

Мне необходимо немедленно выбраться отсюда, — понял Бейнс. — Этот человек оказывает слишком уж сильный нажим на меня.

— Простите тупость фанатизма, — произнес Тагоми, тотчас же направившись к двери. — Философские проблемы настолько ослепили меня, что я не смог понять подлинные человеческие чувства. Сюда. — Он окликнул кого-то по-японски, и отворилась входная дверь. Появился молодой японец, чуть поклонился, глядя на Бейнса.

Мой водитель, — сообразил Бейнс.

Возможно, это все мои донкихотские высказывания в конце полета, — вдруг пришло ему в голову. В разговоре с этим — как его там? Лотце. Каким-то образом уже дошло сюда, к японцам.

Жаль, что я разболтал все Лотцу, — подумал он. — Теперь приходится в этом раскаиваться, но уже слишком поздно.

Я совсем неподходящи человек для этих целей.

Но, с другой стороны, такие высказывания в разговоре с Лотце вполне допустимы для шведа.

Все нормально. Страшного ничего не произошло. Я стал чрезмерно мнителен, оглядываясь на прошлое. А на самом-то деле я мог бы много добиться, говоря в открытую. Это факт, к которому мне нужно приспособиться.

Однако вся его прежняя подготовка восстала против этого. — Отверзни свои уста, — увещевал он самого себя. Хоть как-то… Обязан, иначе не добьешься успеха.

— Наверное, они руководствуются какими-то устойчивыми подсознательными соображениями. Каким-то архетипом сознания. По Юнгу, — сказал Бейнс.

Тагоми кивнул.

— Понимаю. Я читал Юнга.

Она пожали друг другу руки.

— Я позвоню вам завтра утром, — сказал Бейнс. — Спокойной ночи, сэр. — Он отвесил поклон, то же сделал и Тагоми.

Улыбаясь, молодой японец сказал что-то, чего Бейнсу разобрать не удалось.

— Простите? — переспросил он, подхватывая пальто и выходя на крыльцо.

— Он обращается к вам по-шведски, сэр — пояснил Тагоми. — Он прослушал курс по истории Тридцатилетней войны в Токийском универси-

тете и очарован вашим великим национальным героем Густавом-Адольфом. — Тагоми сочувственно улыбнулся. — Тем не менее, ясно, его попытки овладеть столь далеким от него языком оказались тщетными. Он, без сомнения, прибегнул к одному из аудиокурсов, записанных на граммофонных пластинках. Такие курсы в силу своей дешевизны пользуются популярностью среди студентов.

Молодой японец, очевидно, не понимавший английского языка, почтительно поклонился и улыбнулся.

— Понятно, — пробормотал Бейнс. — Что ж, желаю ему удачи.

У меня свои собственные языковые затруднения, — подумал он. — Совершенно очевидные.

Боже праведный — да ведь этот юный студент-японец по дороге в гостиницу будет пытаться завязать с ним разговор по-шведски. На языке, который Бейнс едва понимал, да и то лишь тогда, когда соблюдались безукоризненно и грамматика, и произношение. А этого вряд ли можно было ожидать от молодого японца, изучавшего язык по грампластинкам.

Ему никак не удастся чего-нибудь от меня добиться, — подумал Бейнс. — Но он будет вновь и

вновь повторять свои попытки, потому что ему не захочется упустить такой шанс. Вряд ли ему еще предоставится возможность повстречаться со шведом. Бейнс ухмыльнулся в душе. Какая это будет мучительная пытка для нас обоих!

6

Рано утром, наслаждаясь прохладой и ярким солнцем, Джулия Фринк делала продуктовые покупки. С двумя коричневыми бумажными мешками в руках, она неторопливо брела по тротуару, то и дело останавливаясь у каждого магазина, чтобы полюбоваться витринами. Она никуда не спешила.

Может быть, заглянуть в аптеку? Она прошла внутрь. Занятия в секции дзюдо должны начаться не раньше полудня, а пока что она совершенно свободна. Примостившись на высоком стуле у стойки, она стала разглядывать журналы.

В свежем номере «Лайфа» она увидела большую статью, озаглавленную «Телевидение в Европе: взгляд в будущее». Заинтересовала ее фотография немецкой семьи, которая, сидя в гостиной, смотрела телевизионную передачу. Как утверждалось в статье, передача телевизионных изображений из Берлина длится целых четыре часа. Не за горами то время, когда телевизионные станции будут во всех крупных европейских городах. А к 1970 году такая станция будет сооружена и в

Нью-Йорке.

На других снимках, были инженеры-электронщики из Рейха, которые помогали местному персоналу на строительстве телестанции в Нью-Йорке разрешить возникающие трудности. Нетрудно было догадаться, кто среди них немцы. Только у них был характерный здоровый, чистый, энергичный, одухотворенный вид. У американцев же, с другой стороны, был вид самых заурядных людей, ничем не отличавшихся от простых обывателей.

Было видно, как один из инженеров-немцев показывает что-то, а американцы изо всех сил пытаются определить, что именно он показывает. Наверное, — рассудила Джулия, даже зрение у них получше. Отличное питание за последние двадцать лет. Как нам и растолковывали — они могут видеть то, что недоступно другим. Из-за витамина А, что ли?

Интересно задумалась она, что же это такое на самом деле — сидя у себя в комнате, видеть весь мир на сером экране маленькой стеклянной трубки? Если эти наци умеют летать туда и обратно на Марс, почему им не добиться телевизионного вещания. Наверное, мне бы больше понравились эстрадные представления, видеть, что на самом

деле из себя представляют эти Боб Хоуп и Дюранте, а не то, как они прогуливаются по Марсу.

В этом-то и все дело, подумала она, возвращая журнал на стеллаж. У нацистов нет чувства юмора, поэтому для чего им так спешить с телевидением? К тому же, все равно они поубивали большинство настоящих великих комиков — большинство из них было евреями. Фактически, они загубили почти всю индустрию развлечений. Интересно знать, как это еще сходит с рук Бобу Хоупу то, что он говорит. Разумеется, ему приходится выступать по радио из Канады. Там все-таки немного посвободнее. Но Хоуп действительно выдает так выдает. Вроде той шутки о Геринге… где Геринг покупает Рим и переправляет в свою горную берлогу, а там полностью его отстраивает. Да еще возрождает христианство, чтобы его любимцам-львам было чем поживиться…

— Вы хотите купить этот журнал, мисс? — подозрительно спросил у нее высохший старичок, который заведовал аптекой.

Она виновато отложила «Ридерз Дайджест», который начала перелистывать.

Снова шагая по тротуару с сумками для покупок в руках, Джулия подумала, что, возможно, Геринг станет новым фюрером, когда умрет Борман. Он,

похоже, не совсем такой, как другие.

Только благодаря своему умению втереться в доверие, Борман выдвинулся на первое место, когда Гитлер стал совсем выживать из ума, и те, кто действительно был подле Гитлера, понимали, как быстро он взбирается вверх. Старого же Геринга там не было, он отсиживался в своем дворце в горах. Геринг должен был стать фюрером после Гитлера, потому что это его авиация вывела из строя английские радиолокационные установки, а затем покончила с британскими воздушными силами. Гитлер велел своим самолетам разбомбить Лондон, так же, как они это сделали с Роттердамом.

Но скорее всего, решила она, этот пост достанется Геббельсу. Именно об этом все только и говорят. Так же, как и о том, что не достанется этому мерзавцу Гейдриху. Он бы нас всех поубивал. Вот уж настоящий душегуб…

Кто мне нравится, так это Бальдур фон Ширах. Он единственный, кто выглядит нормальным. Но у него нет ни малейшего шанса.

Она поднялась по ступенькам к входной двери старого деревянного дома, в котором жила.

Открыв дверь в свою квартиру, Джулия увидела, что Джо Чиннаделла все еще лежит там, где

она его оставила, на самой середине кровати, на животе, свесив свободно руки вниз.

Нет, подумала она, нельзя здесь оставаться — грузовик ушел. Неужели он его упустил? Очевидно.

Пройдя в кухню, поставила мешки с продуктами на стол среди посуды с остатками завтрака.

Входило ли в его намерения упустить грузовик — вот что сейчас больше всего ее интересовало.

Что за своеобразный человек… Он был с нею таким энергичным, не давал всю ночь покоя. Но все было так, будто он на самом деле был не здесь, и что бы не делал, как бы и не осознавал этого. Был весь в мыслях о чем-то далеком.

По привычке она стала выкладывать продукты в старенький холодильник фирмы «Дженерал Электрик». А затем принялась за уборку стола.

Может быть, он слишком часто занимается любовью, решила она. Это стало его второй натурой. Манипуляции выполняются автоматически — так я перекладываю эти тарелки и вилки в раковину. Он мог бы это делать и с удаленными тремя пятыми мозга, как проделывает движения лягушечья лапка на уроке биологии.

— Эй, — окликнула она его. — Просыпайся.

Джо зашевелился в постели, захрапел.

— Ты слушал концерт Боба Хоупа на днях вечером? — громко спросила Джулия. — Он рассказал забавный анекдот, как один немецкий майор допрашивает марсиан. Марсиане не могут представить ему документальное подтверждение того, что их предки являются арийцами, помнишь? Поэтому немецкий майор сообщает в Берлин о том, что Марс населен евреями. — Войдя в комнату, где Джо лежал в кровати, она продолжала: — И о том, что они ростом в один фут и у них две головы. Ты же знаешь, как умеет выдать такое Боб Хоуп…

Джо открыл глаза. Ничего не говоря, он стал, не мигая, смотреть на нее. Темными, наполненными мукой глазами, так выделявшимися даже на покрывшемся уже черной щетиной лице, что она притихла.

— В чем дело? — спросила она наконец. — Ты чего-то боишься? И сама же подумала: нет, Фрэнк, вот кто боится. А это — сама не пойму, что это.

— Тачка уехала, — сказал Джо, присаживаясь на постели.

— Что же ты собираешься делать? — она подсела на краешек кровати, вытирая руки посудным полотенцем.

— Я перехвачу его по дороге назад. Он никому

об этом не скажет ни слова. Понимает, что я сделал бы то же самое для него.

— Тебе уже приходилось так делать? — спросила она.

Джо ничего не ответил. Значит, отметила про себя Джулия — ты собирался упустить его. Я об этом с самого начала догадывалась.

— А что, если он будет возвращаться другой дорогой?

— Он всегда выбирает шоссе № 50. Никогда не выезжает на Сороковое. На Сороковом у него когда-то была авария. На дорогу выскочили какие-то лошади, и он врезался прямо в них. В Скалистых горах. — Подняв со стула одежду, он начал одеваться.

— Сколько тебе лет, Джо? — спросила она, пока он созерцал свое обнаженное тело.

— Тридцать четыре.

Значит, подумала она, ты должен был принимать участие в войне. Она не заметила у него явных телесных дефектов. Совсем наоборот, у него было очень ладное поджарое тело, длинные ноги. Джо, обнаружив, как пристально она его разглядывает, нахмурился и отвернулся.

— Что, нельзя смотреть? — удивлено спросила она. Такая скромность после вместе проведенной

ночи. — Мы что — клопы? — не унималась она. — Мы не в состоянии вытерпеть вид друг друга при дневном свете и поэтому поскорее втискиваемся в трещины в стенах?

Проворчав что-то невнятное, он двинулся в сторону ванной, потирая подбородок, прямо в носках и белье.

Это мой дом, отметила про себя Джулия. Я позволяю тебе здесь оставаться, а ты даже не разрешаешь мне на тебя смотреть. Почему же ты тогда захотел здесь оставаться? — она последовала за ним в ванную комнату. Он набрал горячую воду в чашку для бритья.

На его руке она увидела татуировку — синюю букву «К».

— Кто это? — спросила она. — Твоя жена? Конни? Карина?

— Каир, — продолжая мыть лицо, ответил Джо.

Что за экзотическое имя, подумала она с завистью. А затем почувствовала, что краснеет.

— Я такая глупая, — сказала она.

Итальянец тридцати четырех лет, в занятой нацистами части мира… разумеется, он принимал участие в войне. Но на стороне держав Оси. И сражался под Каиром. Татуировка — узы, свя-

завшие немцев и итальянцев — ветеранов этой кампании, результатом которой было поражение Роммеля и его африканского корпуса британских и австралийских войск под командованием генерала Готта.

Они вышли из ванной, вернулась в комнату и начала прибирать постель.

Аккуратной стопкой на стуле лежали пожитки Джо, его одежда и небольшой плоский чемодан, разные личные вещи. Среди них она заметила покрытую бархатом коробочку, маленькую, вроде футляра для очков. Подняв, она открыла ее и заглянула внутрь.

Ты действительно сражался под Каиром, — подумала она, глядя на Железный Крест второго класса с девизом и датой — 10 июня 1945 года — выгравированными сверху Далеко не у всех есть такое — только у тех, кто проявил особую храбрость. Интересно, что же ты такое совершил… ведь тебе тогда было только семнадцать…

Джо появился в дверях ванной комнаты как раз в тот момент, когда она извлекла медаль из бархатной коробочки. Заметив его, она отпрянула, почувствовав себя виноватой. Однако он, казалось, совсем не рассердился.

— Я просто взглянула на нее. — Я никогда не

видела ее раньше. Роммель сам приколол тебе ее на грудь?

— Мне ее вручил генерал Байерлейн. Роммеля к тому времени уже перевели в Англию, довершить начатое там. — Голос его был спокойным, однако он снова стал потирать лоб, время от времени запуская пальцы в свою шевелюру, как бы расчесывая ее, причем это движение выглядело хроническим нервным тиком.

— Ты хотя бы расскажешь мне что-нибудь об этом? — попросила Джулия, когда он вернулся в ванную и начал бриться.

И он действительно рассказал ей немного, но это был совсем не тот рассказ, который ей хотелось бы услышать.

Два старших брата Джо участвовали в абиссинской кампании, сам он был в тринадцать лет членом юношеской фашистской организации в своем родном Милане. Позже его братьев перевели в знаменитую артиллерийскую батарею барона Рикардо Парди, и, когда началась вторая мировая война, Джо уже мог присоединиться к ним. Они воевали под началом генерала Грациани. Их вооружение, особенно танки, были просто жутким. Британцы подстреливали их, даже старших офицеров, как кроликов. Люки танков

во время битвы приходились затыкать мешками с песком, чтобы они сами не открывались. Майор Парди, тем не менее, ремонтировал выброшенные артиллерийские снаряды, вычищал и смазывал их, а затем стрелял ими. Его батарея остановила отчаянное танковое наступление генерала Уовелла в 1943-м.

— Твои братья живы? — спросила Джулия.

Оказалось, братья погибли в 1944-м — их задушили проволокой британские коммандос, которые действовали на передовой среди частей держав Оси и которые стали особенно фанатичными на завершающей стадии войны, когда стало ясно, что союзникам уже не победить.

— И какие чувства у тебя к британцам теперь? — нерешительно спросила она.

— Я бы хотел, чтобы с Англией проделали то же, что они творили в Африке, — сказал Джо непреклонно.

— Но ведь это было восемнадцать лет назад, — заметила Джулия. — Я знаю, что британцы действовали с особой жестокостью. Но…

— Вот говорят о том, что наци сделали с евреями, — сказал Джо. — Британцы поступали еще хуже. Во время битвы за Лондон. — Он немного притих. — Эта их горючая смесь нефти

с фосфором. Впоследствии я встречал немецких десантников. В пепел превращалось одно судно за другим. Эти трубы под водой — они превратили море в огненный факел. А что говорить об их отношении к гражданскому населению! Достаточно вспомнить только те массированные налеты бомбардировщиков, которые, как считал Черчилль, должны решить исход войны в самый последний момент. Эти яростные атаки на Гамбург, Эссен и другие…

— Давай не будем говорить об этом, — сказала Джулия. Здесь же, га кухне, она начала готовить бекон и включила маленький радиоприемник в пластмассовом корпусе, подаренный ей Фрэнком в день рождения. — Я тут приготовлю что-нибудь на завтрак. — Она стала вращать ручку настройки радио, пытаясь найти какую-нибудь легкую, приятную музыку.

— Посмотри-ка вот на это, — позвал ее Джо. Он сел на кровать, положив рядом свой чемоданчик. Открыл его и извлек потрепанную, обернутую в газету книгу, захватанную множеством читателей. Он улыбнулся Джулии. — Подойди сюда. Хочешь послушать, что тут говорит один человек? Он… — и показал на книгу. — Это очень смешно. Садись. — Он взял ее за руку и притянул

к себе. Я хочу почитать тебе. Предположим, они победили. Что же тогда будет? Нам не нужно беспокоиться — этот человек все за нас продумал. — Открыв книгу, Джо начал неторопливо переворачивать страницы. — Британская империя устанавливает господство над всей Европой. Над всем Средиземноморьем. Италии не существует. Так же, как и Германии. Бобби, король и вот те самые потешные солдатики в высоких меховых шапках разгуливают аж до самой Волги.

— А разве это было бы так уж плохо? — тихо спросила Джулия.

— Ты читала эту книгу?

— Нет, — призналась Джулия, пытаясь прочесть название на обложке. Да, она слышала о ней. Довольно много людей читали ее. — Но мы с Фрэнком — моим бывшим мужем — часто рассуждали о том, что было бы, если бы войну выиграли союзники.

Джо, казалось, не слушал ее. Он не отрывал глаз от своего экземпляра «И саранча легла густо».

— А вот здесь, — продолжал он, — ты можешь узнать, как это случилось, что победила Англия. Каким образом одолела державы Оси?

Она покачала отрицательно головой, чувствуя, как нарастает напряжение человека, сидевшего

рядом с ней. У него начал подрагивать подбородок, он снова и снова облизывал языком губы, запускал ладонь в шевелюру… Когда он заговорил, голос его звучал хрипло.

— Он тут заставляет Италию предать державы Оси, — произнес Джо.

Джулия ответила на это лишь возгласом недоумения.

— Италия переходит на сторону союзников. Присоединяется к англо-саксам и отворяет то, что он называет «мягким подбрюшьем» Европы. Но для него вполне естественно так думать. Мы все хорошо знаем трусливую итальянскую армию, которая всякий раз обращается в бегство, едва завидев британцев. Больших любителей вина. Беспечных ребят, совсем не созданных для битвы. Этот парень… — Джо захлопнул книгу и глянул на обложку. — Абендсен. Я не осуждаю его. Он пишет фантастический роман, пытается представить себе, каким бы стал мир, если бы державы Оси проиграли войну. А как еще они ее могут проиграть, если их не предаст Италия? — он заскрежетал зубами. — Дуче — он был клоуном на самом деле, мы все об этом знаем.

— Мне нужно перевернуть бекон. — Она выскользнула из его рук и поспешила на кухню.

Последовав за нею и не выпуская из рук книжку, он продолжал:

— И в войну вмешиваются США. После того, как отколотили япошек. А после войны США и Британия делят мир между собой. Точно так же, как это сделали в действительности Германия и Япония.

— Германия, Япония и Италия, — поправила его Джулия. Он бросил удивленный взгляд в ее сторону. — Ты забыл упомянуть Италию. — Она спокойно встретила его взгляд. Неужели ты тоже забыл об этом, — задала она самой себе вопрос, — как и все остальные? Эту крохотную империю на Ближнем Востоке… и ее опереточной столицей Новым Римом.

Джулия поставила перед ним жареный бекон и яичницу, тосты и джем, кофе. Он с охотой принялся за еду.

— А чем тебя кормили там, в Северной Африке? — спросила она, тоже усаживаясь за стол.

— Дохлой ослятиной, — ответил Джо.

— Фу, какая пакость!

Криво усмехнувшись, Джо пояснил:

— Асино Мортея. Консервы с говяжьей тушенкой имели выштампованные на банках буквы А.М. Немцы называли их «Алтер Манн». Дряхлый Старик. — Он снова принялся за еду с прежней

скоростью.

Нужно прочесть эту книгу, подумала Джулия и, протянув руку, вытащила ее из-под локтя Джо. Книга была вся засаленная, многие страницы надорваны. Ее читали водители грузовиков во время длительных перегонов, решила она. В дешевых столовых поздними вечерами… Могу поспорить, подумала она, ты очень медленно читаешь. Могу поспорить, что ты многие недели, если не месяцы, мусолил эту книгу.

Открыв ее наугад, она прочла:

«…теперь, в глубокой старости, он с невозмутимым спокойствием взирал на владения, которых домогались еще древние владыки, но не могли даже постичь их необъятности, на корабли от Крыма до Испании и по всей Империи, и все под одним флагом, по морям и долам, где была одна и та же речь, одна и та же монета в обращении. Старый великий Юнион Джек развевался от восхода солнца до его заката: наконец было достигнуто все, что касалось как солнца, так и флага».

— Единственная книга, с которой я не расстаюсь, — сказала Джулия, — по сути даже вообще не книга. Это оракул, «Книга Перемен». Это Фрэнк пристрастил меня к ней, и я пользуюсь ею всегда, когда надо принять какое-нибудь решение. Я

никогда не выпускаю ее из своего поля зрения. Никогда. — Она закрыла «И саранча…» — Хочешь на нее глянуть? Хочешь воспользоваться ею?

— Нет, — отрезал Джо.

Положив подбородок на руки, опирающиеся на стол, она спросила:

— Ты надолго сюда переехал? И что намерен делать дальше? Размышлять над нанесенными твоей стране оскорблениями, над клеветой, которой она окружена? Ты поражаешь меня, подумала она, своей ненавистью к жизни. Но в тебе есть что-то. Ты — как небольшое животное, не очень-то известное, но проворное. Изучая его умное, узкое и смуглое лицо, она теперь удивлялась, как это я могла вообразить, что он моложе меня? Но эта твоя ребячливость вполне искренна. Ты все еще младший братишка, боготворящий своих старших братьев, майора Парди и генерала Роммеля, пыхтящий и потеющий, лишь бы выбраться на свободу и начать громить всех этих томми. Они и в самом деле задушили твоих братьев проволочной петлей? Мы слышали об этом, рассказы о зверствах, видели фотоснимки, которые стали печатать после войны. Она содрогнулась. Но ведь британские коммандос были отданы под суд и давным-давно наказаны.

Радио прекратило передавать музыку. Похоже было на то, что будут давать последние известия, был слышен характерный коротковолновый треск из Европы. Голос почти затих и стал неразборчивым. Наступила продолжительная пауза, вообще ничего не было слышно. Только тишина. Затем раздался голос диктора из Денвера, очень чистый, как будто говорили совсем рядом. Она протянула руку, чтобы поискать другую станцию, но Джо перехватил ее.

«…известно о кончине канцлера Бормана ошеломило потрясенную Германию, которая даже вчера как всегда была совершенно уверена…»

Они с Джо разом вскочили со своих мест.

«…все радиостанции Рейха отменили запланированные передачи, для радиослушателей звучат торжественные мелодии, исполняемые хором дивизии СС „Дас Рейх“, перемежаемые партийным гимном „Хорст Вессель“. Позже, в Дрездене, где находятся исполняющие обязанности секретаря партии и руководители „Зихерхайтсдинст“, национальной службы безопасности, которая пришла на смену гестапо…»

Джо увеличил громкость.

«…реорганизация правительства, сформированного по настояниям покойного рейхсфюрера

Гиммлера, Альберта Шпеера и других, провозглашен двухнедельный государственный траур, уже закрыты многие предприятия и магазины. Однако о сих пор еще не объявлено об ожидаемом созыве Рейхстага, официального парламента Третьего Рейха, чье одобрение требуется для…»

— Это будет Гейдрих, — сказал Джо.

— Мне хочется, чтобы это был крупный блондин Ширах, — сказала Джулия. — Господи Иисусе, значит, он, в конце концов, умер. Как ты думаешь, у него есть шансы?

— Никаких, — коротко ответил Джо.

— Может быть, теперь начнется гражданская война, — сказала она. — Ведь эти пугала уже старики. Геринг и Геббельс — все эти старые партийцы.

Радио продолжало:

«…сказал просто, что он искренне опечален утратой не только солдата, патриота и преданного партии вождя, но также, как он о том уже говорил много раз, личного его друга, которого, как всякий вспомнит, он поддерживал в споре, возникшем в междуцарствие вскоре после войны, когда какое-то время стало казаться, сто элементы, противящиеся восхождению герра Бормана к верховной власти…»

Джулия выключила радио.

— Это все пустая болтовня, — сказала она. — Зачем они прибегают к подобным выражениям в отношении этих ужасных убийц, о которых говорят, будто они такие же, как и мы?

— Они такие же, как и мы, — сказал Джо. Он сел за стол и снова принялся за еду. — Нет ничего такого, что они сделали, чего бы не сделали мы, окажись на их месте. Они спасли мир от коммунизма. Если бы не Германия, нами бы теперь правили красные. Нам было бы куда хуже.

— Ты тоже просто болтаешь, — возмутилась Джулия. — Несешь сущий вздор.

— Я жил при наци, — сказал Джо. — И знаю, что это такое. Это что, всего лишь пустая болтовня, прожить двенадцать, тринадцать — даже больше — пятнадцать лет? Я получил рабочую карточку в организации Тодта. В ней я работал с 1947 года, в Северной Африке и США. — Послушай, у меня подлинно итальянские способности к строительным работам. Организация Тодта дала мне высокий квалификационный разряд. Я не разгребал асфальт и не размешивал бетон для автострад. Я помогал проектировать. Инженеру. И вот как-то приходит к нам доктор Тодт и проверяет, что сделала наша бригада. Он говорит мне:

«У тебя хорошие руки». Вот поистине великий момент. Уважение к труду. Это далеко не пустые слова. То, что они говорят. До них, нацистов, все смотрели свысока на физический труд. Я тоже. Этакий аристократизм. Трудовой фронт положил этому конец. Я впервые по-новому взглянул на собственные руки. — Он говорил теперь так быстро, что из-за его сильного акцента Джулия с трудом понимала, что он говорит. — Мы все тогда жили в лесу, как братья, в северной части штата Нью-Йорк. Пели песни. Строем ходили на работу. Поддерживали в себе воинский дух, только не для того, чтобы разрушать, а чтобы восстанавливать. Это были вообще лучшие дни моей жизни, послевоенное восстановление — прекрасные опрятные, построенные надолго бесконечные ряды общественных зданий, квартал за кварталом, целые новые центры Нью-Йорка и Балтимора. Теперь, разумеется, эта работа уже в прошлом. Теперь бал правят крупные картели, такие, как «Нью-Джерси Коупп и сыновья». И это уже не нацисты, это просто старые европейские могущественные воротилы. И намного хуже их, ты слышишь? Нацисты, такие, как Роммель или Тодт, в миллион раз более порядочные люди, чем промышленники, подобные Круппу и банкиры,

все эти пруссаки. Жаль, что их не потравили газом. Всех этих господ в жилетах.

Однако, подумала Джулия, эти господа в жилетах здесь утвердились навечно. А твои кумиры, Роммель и доктор Тодт, они просто появились здесь после прекращения военных действий для того, чтобы расчистить развалины, построить автострады, наладить промышленное производство. Они даже не тронули евреев, как приятный сюрприз — они объявили амнистию, так что и евреи тоже получили возможность энергично взяться за дело. Но только до сорок девятого года… и тогда, прощайте, Тодт и Роммель, ступайте в отставку и гуляйте себе на зеленой травке…

Разве мне все это неизвестно? Подумала Джулия. Разве я не слышала обо всем этом от Фрэнка? Нечего тебе разглагольствовать тут передо мною о жизни под нацистами — ведь у меня муж был евреем. Я понимаю, что доктор Тодт был кротким и скромным человеком. Я понимаю, что все, что он хотел сделать, это обеспечить работой — честной, достойной уважения работой — миллионы отчаявшихся американских мужчин и женщин, которые с потухшими взорами бродили среди руин после войны. Я знаю, что он хотел предусмотреть медицинскую помощь, санатории, дома

отдыха и достойное человека жилище для каждого, независимо от его расы. Он был строителем, а не мыслителем… и в большинстве случаев ему удавалось создать то, к чему он стремился. Вот только…

— Джо, — наконец-то решилась спросить она, — эта книга, «И саранча легла густо», она, по-моему, запрещена на Восточном побережье.

Он кивнул.

— Тогда как же тебе удавалось ее читать? — Что-то в этом ее очень тревожило. — Разве там все еще не расстреливают за чтение…

— Это зависит от твоей расовой принадлежности. От наличия старой доброй нарукавной повязки.

Вот так-то. Славяне, поляки, пуэрториканцы — они испытывают наибольшие ограничения в том, что могут читать, делать, слушать. Положение англосаксов намного лучше: для их детей имеется доступное образование, они могут посещать библиотеки, музеи и концерты. Но даже для них… «Саранча» не просто засекреченная книга. Она запрещена для всех и каждого.

— Я читал ее в туалете, — признался Джо. — Прятал под подушкой. Фактически я прочел ее лишь потому, что она запрещена.

— Ты очень смелый малый.

Он бросил подозрительный взгляд в ее сторону.

— Ты это серьезно, без какой-либо доли сарказма?

— Разумеется, серьезно.

Он несколько смягчился.

— Легко говорить вам здесь. Жизнь у вас безопасная, бесцельная, здесь совершенно нечего делать, не о чем тревожиться. Вы в стороне от основного потока событий, оставшись осколками далекого прошлого, верно? — Он теперь насмешливо глядел на нее.

— Ты убиваешь себя, — сказала Джулия, — своим цинизмом. У тебя отобрали один за другим твоих кумиров, и теперь тебе некому отдавать свою любовь. — Она протянула ему вилку:

— Ешь, или ты отказываешься даже от выполнения чисто биологических функций?

Продолжая завтракать, Джо заметил:

— Этот Абендсен живет неподалеку отсюда, так пишется на обложке. В Шайенне. Взирает на мир из такого безопасного места, что тебе и не догадаться. Прочти, о чем здесь говорится. Прочти вслух.

Взяв книгу, она прочла, что было написано на

тыльной стороне обложки.

— Он — отставной военный. Во время второй мировой войны служил в военно-морских силах США, в Англии был ранен снарядом, выпущенным из нацистского танка «Тигр». Сержант. Здесь еще говорится о том, что он практически превратил в крепость то место, где писал эту книгу. Расставил повсюду огневые точки. — Отложив книгу, она добавила:

— Здесь об этом не говорится, но я слышала от кого-то, что у него мания преследования. Вокруг он все обнес колючей проволокой, по которой проходит электрический ток, да и расположено это место в горах. Туда очень трудно добраться.

— Может быть, он прав, — сказал Джо, — что так живет после того, как написал эту книгу. Германские «шишки» прыгали до потолка от злости, когда читали ее.

— Он так жил и раньше, он там написал эту книгу. Его дом называется, — она глянула на обложку, — «Горная Твердыня». Ему очень нравится это название.

— Тогда им до него не добраться, — сказал Джо, продолжая быстро жевать. — Он начеку. Хитрющий малый.

— Я уверена, — сказала Джулия, что от него

потребовалось немалое мужество, чтобы написать эту книгу. Если бы державы оси проиграли войну, мы бы могли говорить и писать все, что нам заблагорассудилось бы, подобно тому, как это делали прежде. Мы были единой страной и имели бы справедливую систему правосудия и законов, одинаковую для всех.

К ее немалому удивлению, он кивнул в знак согласия.

— Не понимаю я тебя, — сказала Джулия. Во что ты веришь? Чего добиваешься от жизни? Ты защищаешь этих чудовищ, этих ублюдков, которые истребили евреев, а потом ты же… — В отчаяньи она вцепилась ему в уши. Джо заморгал от удивления и боли.

Так они и глядели друг на друга, тяжело дыша и потеряв дар речи.

— Дай мне доесть приготовленный тобой завтрак, — в конце концов произнес Джо.

— А разве ты не говорил об этом? Разве мне не рассказывал?

Ты знаешь, что это такое, ты лично. Ты все понимаешь, и продолжаешь жрать, будто сам здесь не при чем, притворяясь будто и понятия не имеешь о том, что я имею ввиду. — Она отпустила его уши.

— Пустой разговор, — произнес Джо. — Совершенно бессмысленный. Как то радио, о котором ты говорила. Ты знаешь, каким прозвищем награждали былые «коричневые рубашки» людей, которые любили умничать? Эйеркопф. Яйцеголовый. Потому что эти большие круглые пустые черепа было так легко разбивать… в уличных потасовках.

— Если у тебя такое же чувство ко мне, — сказала Джулия, то почему ты отсюда не катишься? Ради чего остаешься здесь?

Его загадочная гримаса остудила ее пыл.

Я очень жалею о том, что позволила ему пойти со мной, подумала она. А теперь уже слишком поздно. Понимаю, но не могу от него избавиться — он такой сильный.

Что-то страшное сейчас происходит, подумала она. И исходит от него. А я, кажется, способствую этому.

— В чем дело? — он вытянул руку, ласково потрепал ее по подбородку, стал гладить шею, затем запустил пальцы под рубашку и нежно прижал ее к себе.

— Это все твое настроение. Твоя проблема… сейчас запросто помогу тебе разобраться в ней.

— Тебя станут называть еврейским психоана-

литиком, — слегка улыбнувшись, попробовала пошутить Джулия. — Ты хочешь, чтобы тебя засунули в печку?

— Ты боишься мужчин. Верно?

— Не знаю.

— Это можно было распознать прошлой ночью. Только потому, что я… — Он оборвал уже начатую фразу. — Потому, что я специально заметил то, что тебе так требуется.

— Потому что ты заваливался в постель со многими девушками, — сказала Джулия. — Вот что ты начал говорить и недосказал.

— Но я знаю, что прав. Послушай. Я никогда не сделаю тебе ничего плохого. Даю тебе слово — клянусь памятью своей матери. Я буду особенно с тобой деликатен, и если тебя так тревожит мой прежний опыт, то… я постараюсь сделать так, чтобы ты извлекала из него только пользу. Ты успокоишься, я помогу тебе расслабиться, помогу тебе стать лучше, притом для этого потребуется не так уж много времени. Тебе просто все время не везло.

Она кивнула, приободренная его словами. Однако все еще ощущала какой-то внутренний холод и грусть, и все еще не могла понять, почему ею владеют такие чувства.

* * *

Перед началом своего рабочего дня мистер Нобусуке Тагоми улучил момент побыть в одиночестве. Он сидел в своем кабинете в здании «Ниппон Таймз Билдинг» и размышлял.

Еще перед тем, как отправиться из дому к себе в контору, он получил сообщение Ито в отношении мистера Бейнса. У молодого японца не было сомнений в том, что Бейнс никакой не швед, а немец, однако успехи Ито в знании языков германской группы никогда не производили особого впечатления ни на торговые миссии, ни на Токкоку, японскую секретную полицию.

Этому дурачку, скорее всего, так ничего и не удалось вынюхать такого, чем можно было бы похвастаться, подумал Тагоми. С его весьма бестактным энтузиазмом в сочетании с романтическим догматизмом. Для того, чтобы что-то обнаружить, надо вооружиться еще и подозрением.

Так или иначе, но вскоре, когда придет время, начнутся переговоры с Бейнсом и пожилым господином с островов метрополии независимо от того, какой национальности Бейнс. И этот человек понравился Тагоми. А это было, по

его мнению, наверное, главным достоинством высокопоставленного лица — такого, как, например, он сам. Распознать хорошего человека при встрече с ним. Интуиция в отношении людей. Проникнуть сквозь внешнюю оболочку этикета и формального обмена любезностями. Добраться до самого сердца.

Сердца, замкнутого между двумя линиями инь черной страсти. Иногда даже совсем задушенного, но тем не менее, даже тогда, увидеть вспышку в центре его, свет яня. Мне он нравится, повторял про себя Тагоми. Швед ли он, немец ли. Я надеюсь, что заракаин помог ему превозмочь головную боль. Нужно не забыть спросить.

На столе зажужжал интерком.

— Нет, — отрывисто произнес он. — Никаких вопросов. У меня момент постижения сокровенного смысла. Самососредоточения.

Из крохотного громкоговорителя доносился голос мистера Рамсэя: «Сэр, из пресс-службы только что пришла важная новость. Умер рейхсканцлер. Мартин Борман». Голос Рамсэя внезапно исчез. Наступила тишина.

Сегодня все дела отменяются, решил Тагоми. Он поднялся из-за стола, стал быстро ходить по кабинету. Надо разобраться. Прежде всего послать

официальное соболезнование рейхсконсулу. Вопрос несложный. Его можно доверить подчиненным. Глубокая скорбь и тому подобное. Все японцы душой вместе с народом Германии в этот скорбный час. Что после? Жизненно необходимо все время быть в курсе событий. Обеспечить незамедлительный прием информации, поступающей из Токио.

Нажав кнопку интеркома, он произнес:

— Мистер Рамсэй, позаботьтесь о том, чтобы поддерживалась надежная связь с Токио. Велите девушкам-дежурным по радиосвязи быть начеку. Перебои связи должны быть совершенно исключены.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Рамсэй.

— С этого момента я не буду никуда отлучаться из своего кабинета. Прошу не отвлекать меня никакими рутинными вопросами. Перекройте доступ в миссию любым посетителям.

— Сэр?

— Мои руки должны быть свободны на тот случай, если неожиданно возникнет необходимость предпринимать какие-либо действия.

— Слушаюсь, сэр.

Получасом позже, в девять утра, прибыло послание от наивысшего рангом представителя

имперского правительства на Западном побережье, от посла Японии в Тихоокеанских Штатах Америки достопочтенного барона Л. Б. Калемакуле. Министерство иностранных дел устраивает чрезвычайное заседание в здании посольства на улице Зуттера, и каждая торговая миссия обязана участвовать в нем одним из своих наиболее высокопоставленных представителей. В данном случае, это приглашение касалось непосредственно мистера Тагоми.

На то, чтобы сменить одежду, времени уже не оставалось. Тагоми поспешил к скоростному лифту, спустился на первый этаж и через несколько секунд уже ехал в служебном лимузине миссии, черном «Кадиллаке» выпуска 1940 года, за рулем которого сидел опытный водитель-китаец в особой форме.

У здания посольства он увидел автомобили других высокопоставленных сановников, всего их было около дюжины. Некоторых из этих достойных людей он знал лично, с некоторыми из них он не был знаком, сейчас можно было видеть, как они поднимаются по широким ступеням, ведущим в здание посольства, и проходят внутрь.

Водитель Тагоми распахнул перед ним дверцу лимузина, и он быстро вышел, прихватив с собой

пустой портфель — было очень важно показать, что он простой наблюдатель событий. Поднимаясь по ступеням, всем своим видом давая понять, что играет жизненно важную роль в происходящем, хотя на самом деле ему даже не сообщили, о чем будет идти речь на предстоящем собрании.

В вестибюле посольства образовывались небольшие группы высокопоставленных особ, стали слышны приглушенные дискуссии. Мистер Тагоми присоединился к нескольким приглашенным, с которыми он был знаком, раскланялся с ними и принял такой же, как и они, торжественный вид.

Вскоре появился один из служащих посольства и провел их в просторный зал. Кресла в нем были с откидными сиденьями. Участники встречи постепенно наполнили зал и чинно расселись в тишине, нарушаемой только кашлем и шарканьем ног. Никто не разговаривал друг с другом. К установленному на небольшом возвышении столику подошел какой-то господин со стопкой бумаг — представитель министерства иностранных дел.

В зале возникло некоторое замешательство. Высокопоставленные особы стали тихо переговариваться между собой, склонив друг к другу

головы.

— Господа, — раздался громкий повелительный голос представителя министерства иностранных дел. Глаза всех собравшихся устремились на него. — Как вам уже известно, пришло официальное подтверждение смерти рейхсканцлера. В Берлине сделано соответствующее правительственное заявление. Эта встреча продлится недолго — в скором времени вы получите возможность возвратиться в свои учреждения — организована с целью проинформировать вас о наших оценках нескольких соперничающих между собой группировок, имеющихся в германских политических кругах, которые, как ожидается, выйдут на политическую арену и будут вовлечены в бескомпромиссный спор за место, которое освободил герр Борман.

Коротко о наиболее выдающихся представителях этих группировок. Пожалуйста, наберитесь терпения и выслушайте следующие подробности.

Прежде всего, это Герман Геринг по прозвищу Толстяк, некогда отважный летчик-ас, во время первой мировой войны основал гестапо и в прусском правительстве занимал пост, дававший ему обширную власть. Один из наиболее жестоких де-

ятелей фашистской партии в начальный период ее существования, однако впоследствии неумеренно пристрастие к удовольствиям и роскоши послужило поводом для создания вводящего в заблуждение образа этакого добродушного дегустатора изысканных вин. Наше правительство настоятельно рекомендует отвергнуть такую трактовку его личности. Этот человек, несмотря на все разговоры о его болезненном, пожалуй даже патологическом отношении ко всему, что относится к удовлетворению его непомерных аппетитов, напоминает скорее потакавших всем своим необузданным прихотям древнеримских цезарей, чья власть с возрастом не ослабилась, а еще более усиливалась. Внушающее ужас зрелище этого сановника в римской тоге со львами-любимцами по бокам, владельца огромного замка, наполненного добычей и произведениями искусства, вне всякого сомнения соответствует действительности. Даже во время проведения самых ответственных боевых операций поезда, груженные награбленными сокровищами, пропускались по пути в его имения впереди поездов с военным снаряжением. Наша оценка: этот человек страстно стремится к неограниченной власти и обладает способностью завладеть ею. Из всех на-

цистских вождей он больше других потворствует своим слабостям, что резко контрастировало с образом жизни покойного Гиммлера, который жил в нужде, получая невысокое жалованье. Геринг — это типичный образец государственного деятеля с извращенным складом ума, использующего власть в качестве средства личного обогащения. Человек с примитивным складом ума, даже, пожалуй, вульгарно-плебейским, однако очень умный, наверное, даже самый умный среди всех нацистских руководителей. Предмет его вожделений — самовозвеличивание в духе древнеримских императоров.

Следующий — герр Геббельс. Переболел в детстве полиомиелитом. Первоначально был католиком. Блестящий оратор с гибким и изуверским умом, остроумен, изысканно вежлив, космополит по натуре. Очень активен с женщинами. Элегантен. Образован. В высшей степени одарен. Очень работоспособен. Почти неистовая организаторская напористость. Говорят, он никогда не отдыхает. Умеет очаровывать людей, но, как утверждают, несет в себе жилку такого безумия, которому нет равных среди других национал-социалистов. Идеологическая его ориентация наводит на мысль о мировоззрении средне-

вековых иезуитов, еще больше обостренном пост-романтическим германским нигилизмом. Считается единственным настоящим интеллектуалом в партийной среде. В молодости мечтал стать драматургом. Друзей очень мало. Хотя и нелюбим своими подчиненными, тем не менее представляет из себя прекрасно отшлифованный продукт многих лучших элементов европейской культуры. В основе его честолюбивых устремлений не самопрославление, а власть в ее чистом виде, для того, чтобы ею пользоваться. В организаторском плане в духе традиций прусского государства.

Герр Гейдрих…

Представитель министерства иностранных дел сделал паузу, поднял голову и обвел взором присутствующих. Затем продолжал:

— Гораздо моложе упомянутых выше деятелей, которые способствовали победе революции в 1932 году. Быстро выдвинулся среди элиты СС. Будучи в подчинении у Гиммлера, возможно сыграл определенную роль в пока еще во многом загадочной смерти Гиммлера в 1948 году. Внешне соблюдая видимость законности, ликвидировал всех других своих соперников из состава аппарата служб безопасности, таких,

как Эйхман, Шелленберг и другие. Этого человека, говорят, опасаются многие члены партии. Был инициатором установления контроля над ключевыми постами вермахта после окончания военных действий в известной схватке между службами безопасности и армией, что привело к реорганизации правительственного аппарата, в результате которой победителем вышла НСДАП. Повсюду поддерживал Бормана. Является продуктом элитарного воспитания, так же, как и предшествующей ей так называемой «замковой» системы подготовки СС. Как утверждают, начисто лишен каких-либо эмоций в традиционном понимании. Представляет из себя загадку с точки зрения движущих им побуждений. Можно сказать, что, по всей вероятности, с его точки зрения общество, которое сдерживает борьбу между определенными группами людей, должно развиваться как последовательность игр. Своеобразная квазинаучная абстракция, которая имеет хождение также в определенных технократических кругах. В идеологических спорах участия не принимает. Подведем итог: по своему складу ума может быть назван самым современным человеком, характерным для эпохи, последовавшей за веком просвещения, человеком, расставшимся

с так называемыми необходимыми иллюзиями, такими, как вера в бога и тому подобными. Смысл такого, так называемого, практического склада ума остается загадкой для ученых-социологов в Токио, поэтому человек этот должен рассматриваться под вопросительным знаком. Тем не менее следует отметить сходство вышесказанного вырождения эмоционального начала с патологическими проявлениями шизофрении.

Мистеру Тагоми стало нехорошо от того, что он слышал.

— Бальдур фон Ширах. Бывший руководитель гитлеровской молодежной организации. Внешне привлекателен, считается идеалистом, но не опытным или компетентным. Искренне верит в цели партии. К его заслугам можно отнести осушение Средиземного моря и освоение возникших при этом обширных сельскохозяйственных территорий, а также смягчение зверской политики расового уничтожения на землях, населенных славянами, в начале пятидесятых годов. Ходатайствовал непосредственно перед германским народом о разрешении остаткам славянских народов существовать в закрытых районах наподобие резерваций в глубинных областях фатерланда. Призывал покончить с практикой

определенных форм убийств и медицинских экспериментов над людьми, но потерпел неудачу.

Доктор Зейсс-Инкварт. Некогда австрийский национал-социалист, ныне заведующий всеми колониальными территориями Рейха и ответственный за проводимую на них политику. Человек, вызывающий, возможно, наибольшую к себе ненависть на всей территории Рейха. Как утверждают, был инициатором большинства, если не всех, репрессивных мер в отношении покоренных народов. Работал совместно с Розенбергом над достижением вызывавших наибольшее беспокойство своими масштабами идеологических побед — таких, как попытка подвергнуть поголовной стерилизации все русское население после окончания военных действий. Считается также, хоть и отсутствуют неопровержимые доказательства, одним из нескольких, кто ответственен за принятие решения о массовой резне на африканском континенте, тем самым создав условия для полного уничтожения всего негритянского населения. Весьма вероятно, что по темпераменту он ближе всех к фюреру-основоположнику, Альфу Гитлеру.

Представитель министерства иностранных дел прекратил сухое и неторопливое изложение

фактов.

Мне кажется, что я схожу с ума, подумал Тагоми.

Необходимо выбраться отсюда — сейчас со мной случится приступ. Мой разум отторгает услышанное, выбрасывает его — я умираю. Он с трудом поднялся, стал протискиваться к проходу, едва что-либо видя. Скорее в туалет.

Несколько голов повернулось в его сторону. Какой стыд. Чтобы стало плохо на таком важном собрании. Так можно и место потерять.

Как только вышел, паника тотчас же прекратилась. Окружающее перестало плыть перед его глазами. Он снова стал различать предметы вокруг себя. Устойчивый пол, стены.

Приступ головокружения. Без сомнения, нарушение нормального функционирования среднего уха.

Промежуточный мозг, подумал он, древний ствол мозга, дает себя знать.

Какой-то кратковременный сбой организма.

Постарайся себя успокоить. Вспомни, как устроен мир. Откуда черпать силы? Представил перед мысленным взором подробности путешествий, которые он совершал. Меню ресторанов, где он бывал. Мир, имеющий предел, имеющий пре-

дел…

Служащий посольства, взяв его за локоть, спросил:

— Сэр, я в состоянии вам чем-нибудь помочь?

Тагоми с благодарностью поклонился.

— Мне уже лучше.

Лицо у служащего спокойное, сосредоточенное. Никаких признаков насмешки. Они, наверное, сейчас смеются надо мной, подумал Тагоми. Я готов провалиться сквозь землю.

Вот оно зло! Настоящее, реальное, как бетон!

Я не могу поверить этому. Я не в состоянии выдержать это. Зло не может быть основой мировоззрения.

Он бродил по вестибюлю, слыша шум транспорта на улице Зуттера, слыша обращенные к участникам встречи слова представителя министерства иностранных дел. Вся наша религия в корне неверна. Что же мне делать? — задумался он и подошел к выходу из посольства. Служащий открыл перед ним дверь и Тагоми спустился по ступенькам к дорожке, которая вела на автомобильную стоянку. Рядом стояли водители.

Зло — это одна из составных частей нас самих. В мире, что нас окружает. Единожды пролитое, оно просочилось в наши тела, умы, сердца, даже

в камни мостовой.

ПОЧЕМУ?

Мы — слепые кроты. Ползающие под землей, все вокруг себя ощупывающие своими хоботками. Мы ничего не ведаем. Я постиг это… теперь я не знаю, куда мне деваться. И только визжу от страха. Бегу подальше прочь.

Презираемый всеми.

Смейтесь надо мной, думал он, увидев, что водители обратили на него внимание, когда он брел к своему автомобилю. Их глаза были устремлены на него, когда он кивком подозвал своего водителя. Тот раскрыл дверцу. Он вполз в кабину.

В госпиталь, подумал он. — Нет, назад, в контору.

— «Ниппон Таймз Билдинг», — произнес он вслух. — Не очень быстро.

Он теперь внимательно глядел на город, автомобили, магазины, высокие здания самой современной архитектуры. На людей. Всех этих мужчин и женщин, что спешили каждый по своим особым делам.

Стоило Рамсэю связаться с одной из других торговых миссий, чтобы ее представитель на встрече в посольстве позвонил ему о своем возвращении.

Он объявился вскоре после полудня.

— Вы, наверное, заметили, что мне стало не по себе на встрече, — сказал в трубку Тагоми. — На это, без сомнения, все обратили внимание, особенно на мой поспешный уход.

— Я ничего не видел, — ответил представитель «Цветных металлов». — А вот по окончании встречи я вас не обнаружил и тотчас же захотел узнать, что это с вами случилось.

— Вы очень тактичны, — уныло произнес Тагоми.

— Вовсе нет. Я убежден в том, что все настолько были поглощены докладом министерства иностранных дел, что не обращали никакого внимания на все остальное. Что же касается содержания того, что было прочитано после вашего ухода — вы до конца дослушали краткий анализ претендентов в борьбе за власть? Он был приведен в самом начале доклада.

— Я прослушал до той части, где говорилось о докторе Зейсс-Инкварте.

— После этого докладчик стал освещать состояние экономики Рейха. На островах метрополии придерживаются той точки зрения, согласно которой осуществление германской программы низведения населения Европы и Северной

Азии до положения рабов — плюс истребление всех интеллектуалов, буржуазных элементов, патриотической молодежи и чего только не еще — привело к экономической катастрофе. Нацистов спасли только грандиозные технологические достижения германской науки и техники. Чудо-оружие, так сказать.

— Да, это так, — произнес Тагоми. Не поднимаясь из-за стола и держа трубку в одной руке, он другой налил себе чашку горячего чая. — Как помогли их чудо-ракеты ФАУ-1 и ФАУ-2 и реактивные истребители выиграть войну.

— Но ведь это балансирование на краю пропасти, — сказал представитель «Руд Цветных Металлов». — Только использование атомной энергии позволяет им удержать экономику от полного распада. И отвлечение внимания с их помощью, правда, больше похожих на цирковые выступления, ракетных путешествий на Марс и Венеру. Докладчик подчеркнул, что, несмотря на всю эту захватывающую воображение важность подобных путешествий, они ничего им не дали в экономическом плане.

— Но зато какое это производит впечатление, — заметил Тагоми.

— Прогноз его мрачен. Он чувствует, что боль-

шая часть высокопоставленных нацистов отказываются смотреть в глаза фактам, касающимся их катастрофического экономического положения. И поступая так, они ускоряют развитие тенденций, ведущих к еще более головокружительным авантюрам, к еще большей непредсказуемости, к еще большей нестабильности. Они не в состоянии вырваться из цикла, состоящего сначала из маниакально энтузиазма, затем страха, затем отчаянных решений партии — так он хотел довести до нашего сознания, что все эти тенденции выведут на вершину власти наиболее безответственных и безрассудных соискателей.

Тагоми понимающе кивнул.

— Поэтому мы должны предполагать скорее худший, чем лучший выбор, который будет сделан. В нынешней схватке трезвомыслящие и осознающие свою ответственность элементы потерпят поражение.

— А кто же из них, по его мнению, хуже других? — спросил Тагоми.

— Гейдрих. Доктор Зейсс-Инкварт. Герман Геринг. По мнению имперского правительства.

— А лучше?

— Возможно, Бальдур фон Ширах и доктор Геббельс. Но в отношении этих претендентов он

высказался с меньшей определенностью.

— О чем он еще говорил?

— Он сказал нам, что в такое время наша вера в императора и кабинет должна быть еще крепче, чем обычно. Что мы должны с уверенностью взирать на императорский дворец.

— И была минута почтительного молчания?

— Да.

Мистер Тагоми поблагодарил представителя «Руд Цветных Металлов» и положил трубку.

Пока он пил чай, зажужжал интерком. Раздался голос мисс Эфрикян.

— Сэр, вы высказали пожелание отправить послание германскому консулу. — Она сделала паузу. — Вы соизволите продиктовать его мне сейчас?

Еще вот это, дошло до Тагоми. А я и забыл.

— Зайдите в кабинет, — попросил он.

Мисс Эфрикян тут же вошла с улыбкой, исполненной надежды, на лице.

— Вы уже чувствуете себя лучше, сэр? — спросила она.

— Да. Инъекция витаминов очень помогла мне. — Он задумался. — Напомните мне имя германского консула.

— Фрайгерр Хуго Рейсс.

— Майн герр, — начал Тагоми. — Нас всех потрясло известие о том, что скончался ваш вождь, герр Мартин Борман. Слезами наполняются мои глаза, когда я пишу вам эти строки. Вспоминаю смелые деяния, совершенные герром Борманом для спасения немецкого народа от врагов внутренних, так и внешних, так же, как и поражающую душу твердость, проявленную им к изменникам, которые хотели предать извечную мечту всего человечества о покорении космоса, в который так смело ныне вторглись светловолосые голубоглазые нордические расы после тысячелетий… — Он умолк, потеряв всякую возможность хоть как-то закончить мысль мисс Эфрикян выключила свой диктофон и стала ждать дальнейших указаний.

— Великие времена мы переживаем, — заметил Тагоми.

— Записать это, сэр? И использовать в послании? — не зная, как поступить, она снова включила свой аппарат.

— Это я сказал, обращаясь к вам, — пояснил Тагоми.

Она улыбнулась.

— Воспроизведите, что я наговорил, — попросил Тагоми.

Послышался звук обратной перемотки. Затем его собственный голос, слабый и монотонный, воспроизводимый двухдюймовым громкоговорителем: «…совершенные герром Борманом для спасения…»

Сказанное им очень напоминало писк насекомого, которое тщится выползти из ловушки. Скребя лапками и хлопая крылышками, подумал он.

— Я придумал концовку, — сказал он, когда бобины перестали вращаться. — …прикованности к земле к своей ни перед чем не останавливаясь принести себя в жертву и тем самым заслужить такое место в истории, из которого не сможет вытеснить их никакая другая форма жизни вне зависимости от того, что может произойти в будущем. — Он сделал паузу.

— Мы все насекомые, — сказал он, обращаясь к мисс Эфрикян. — Стремимся вслепую к чему-то ужасному или божественному. Вы разве не согласны со мной? — Он отвесил поклон в ее сторону. Мисс Эфрикян, продолжая сидеть с диктофоном в руках, слегка наклонила в ответ голову.

— Правьте это, — сказал он ей. — Подпишите, как положено, подработайте, если сочтете необ-

ходимым, предложения так, чтобы они хотя бы что-нибудь означали. — И когда она направилась к выходу, добавил:

— Или чтобы вообще потерялся всякий в них смысл. Поступайте как сочтете нужным.

Открывая дверь из кабинета, она с нескрываемым любопытством посмотрела на него.

После ее ухода Тагоми принялся за разбор обычных повседневных дел. Однако почти сразу же его отвлек голос Рамсэя из динамика интеркома:

— Сэр, вам звонит мистер Бейнс.

Вот и прекрасно, подумал Тагоми. Теперь мы сможем приступить к важным переговорам.

— Переключите его мне, — велел он, поднимая трубку.

— Мистер Тагоми? — послышался голос мистера Бейнса.

— Добрый день. В связи с сообщением о кончине канцлера Бормана мне пришлось неожиданно отлучиться из своей конторы сегодня утром. Тем не мене…

— Мистер Ятабе уже связался с вами?

— Пока еще нет, — ответил Тагоми.

— Вы распорядились, чтобы ваш персонал внимательно следил за его появлением? — поинтересовался Бейнс. Он казался очень взвол-

нованным.

— Разумеется, — ответил Тагоми. Как только он прибудет, его проведут прямо ко мне. — Он взял себе на заметку сказать об этом Рамсэю. У самого еще не дошли руки заняться этим. А переговоры, значит, так и не начнутся, пока не появится этот пожилой господин? Эта мысль привела его в уныние. — Сэр, начал он. — Мне не терпится перейти к делу. Вы готовы представить нам прессформы новой конструкции, разработанные вашей фирмой? Несмотря на ту сумятицу, которая была у нес сегодня…

* * *

— Мои планы претерпели изменение, — сказал Бейнс. — Мы будем дожидаться мистера Ятабе. Вы абсолютно уверены в том, что он еще не прибыл? Я хочу, чтобы вы дали мне слово известить меня о его прибытии без малейшего промедления. Пожалуйста, сделайте все возможное для этого, мистер Тагоми. — Голос Бейнса звучал напряженно, неестественно резко.

— Я даю вам свое слово. — Теперь и его тоже охватило волнение. Смерть Бормана. Вот причина произошедшей с ним перемены. — Между тем, — быстро продолжал он, — я бы не возражал

получить удовольствие от общения с вами, ну, хотя бы сегодня, за ленчем. Мне еще не предоставилась возможность сегодня перекусить. — Он явно вошел во вкус импровизации. — Несмотря на то, что с решением некоторых конкретных вопросов нам придется подождать, мы бы, пожалуй, могли поразмышлять в отношении общемировых проблем, в частности…

— Нет, — произнес Бейнс.

Нет? Мистер Тагоми задумался.

— Сэр, — сказал он. — Я не очень-то хорошо сегодня себя чувствую. Со мною даже произошел весьма печальный инцидент. Я очень надеялся поделиться с вами тем, что со мною произошло.

— Я вам искренне сочувствую, — ответил Бейнс. — Я позвоню вам позже. — В трубке раздался щелчок. Он неожиданно прервал разговор.

Я его чем-то обидел, подумал Тагоми. Он, должно быть, решил, что я не удосужился своевременно проинформировать мой персонал в отношении пожилого господина. Но ведь это же такой пустяк. Он нажал кнопку интеркома и сказал:

— Мистер Рамсэй, зайдите, пожалуйста, в мой кабинет.

Это можно сразу же исправить. Более важные

дела помешали этому, решил он. Смерть Бормана вывела его из равновесия.

Пустяк — и тем не менее знак моей беспечности и беспомощности. Тагоми почувствовал себя виноватым. День сегодня нехороший. Мне следовало посоветоваться с Оракулом, выяснить у него, каков сейчас момент. Я в своих мыслях совсем ушел от дао. Это было очевидным.

Интересно, под знаком какой из шестидесяти четырех гексаграмм мне приходится сейчас мучиться? Открыв ящик письменного стола, он извлек два тома Оракула и разложил их на столе. Так много нужно спросить у мудрости этой книги. Такое множество вопросов накопилось во мне, что я едва в состоянии правильно их сформулировать…

Когда в кабинет вошел Рамсэй, он уже получил всю гексаграмму.

— Взгляните-ка, мистер Рамсэй, — он указал на книгу.

Это была гексаграмма сорок семь. Подавленность — истощение.

— В общем-то, дурное предзнаменование, — сказал Рамсэй. — А в чем заключался ваш вопрос? Если вас не обижает моя нескромность?

— Я справлялся в отношении текущего момен-

та. Момента для всех нас. Без движущих строк. Статическая гексаграмма. — Тагоми закрыл книгу.

* * *

В три часа дня Фрэнк Фринк все еще дожидаясь вместе с компаньоном решения Уиндем-Мэтсона в отношении денег, решил посоветоваться с Оракулом. Чем все это для нас обернется, спросил он и бросил монеты.

Выпала гексаграмма сорок семь. Он получил одну движущуюся строку, девятую на пятой позиции. Ему отрублены нос и ноги. Притеснение со стороны человека в пурпурных наколенниках. Радость приходит ласково. Она побуждает совершать подношения и возлияния.

Очень долго — не меньше, чем полчаса — он изучал эту линию и связанные с нею данные, пытаясь разгадать, что это все означает. Гексаграмма, и в особенности движущаяся линия, вызвали у него беспокойство. В конце концов он неохотно пришел к заключению, что денег у него не будет.

— Ты слишком уж полагаешься на этот Оракул, — заметил Эд Маккарти.

В четыре часа появился посыльный с завода

«У-М Корпорейшн» и вручил Фринку и Маккарти конверт из полотняной бумаги. Внутри они обнаружили заверенный чек на две тысячи долларов.

— Вот ты и ошибся, — сказал Маккарти.

Значит, подумал Фринк, ответ Оракула относится к последствиям в будущем. В этом и заключалась вся трудность — позже, когда его предсказание сбудется, ты можешь мысленно вернуться назад и понять, что же оно означало. Но сейчас…

— Мы можем приступить к устройству мастерской? — спросил Маккарти.

— Сегодня? Прямо сейчас? — он почувствовал себя усталым.

— А почему бы и нет? Мы уже выписали все необходимые для этого заказы. Остается только бросить их в почтовый ящик. И чем быстрее, тем лучше. А то, что мы можем достать здесь, на месте, мы выберем сами. — Набросив на себя куртку, Эд направился к двери из комнаты Фринка.

Они уговорили владельца дома, в котором жил Фринк, сдать им в аренду подвал здания. Сейчас в нем хранился всякий хлам. Как только его уберут, они смогут соорудить верстаки, проложить электрические провода, смонтировать освещение,

начать устанавливать свои электромоторы и приводные ремни. Они набросали необходимые для этого эскизы, составили спецификации и перечни необходимых приспособлений. Так что они действительно уже приступили к работе.

Мы уже открыли свое дело, понял Фрэнк Фринк. Они даже договорились о том, как будет называться их предприятие.

ЭДФРЭНК — ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ НА ЗАКАЗ.

— Все, что мы успеем сегодня еще сделать — сказал Фрэнк, — это купить доски для верстаков и, может быть, детали электрооборудования. Но не материалы для изготовления ювелирных изделий.

Вдвоем направились на склад лесоматериалов в южной части Сан-Франциско, и через час получили требуемые им доски и брусья.

— Что это ты все время такой беспокойный? — спросил у Фринка Эд Маккарти, когда они вошли в оптовый хозяйственный магазин.

— Деньги. Меня давит их происхождение. То, что мы таким путем финансируем свои замыслы.

— Старик Уиндем-Мэтсон это прекрасно пони-

мает, — сказал Маккарти.

Я это знаю, подумал Фринк. И именно это меня так угнетает. Мы вступили в его владения. Мы теперь такие же, как и он. Разве это такая приятная мысль?

— Не оборачивайся назад, — сказал Маккарти. — Смотри только вперед. Только дело, и ничего больше.

Я смотрю вперед, подумал Фринк. Он вспомнил гексаграмму. Какие это подношения и возлияния я могу совершить? И — кому?

7

Красивая молодая японская пара, посетившая магазин Роберта Чилдэна, чета Казоура, позвонила ему к концу недели и попросила, чтобы он пришел к ним на обед. Чилдэн уже давно с нетерпением ждал от них весточки и теперь был просто в восторге.

Он закрыл «Художественные промыслы Америки» чуть раньше обычного и нанял велокэб, чтобы проехать в шикарный район, где обитали Казоура. Он знал этот район, хотя там и не жил никто из белых. Проезжая в велокэбе по извилистым улочкам с их традиционными лужайками и плакучими ивами, Чилдэн во все глаза глядел на современные жилые дома и восхищался изяществом их архитектуры — чугунными решетками балконов, высоко взметнувшимися вверх, мягким цветовым оформлением, использованием строительных материалов различной текстуры… Все это вместе составляло подлинное произведение искусства. Он еще помнил то время, когда здесь ничего не было, кроме развалин, оставшихся от бомбардировок.

Японские дети, игравшие возле домов, при виде его оторвались на миг от футбола или бейсбола, однако тут же возвратились к прерванным играм, никак не реагируя на его появление. Другое дело, подумал он, взрослые. Хорошо одетые молодые японцы, выходя из своих автомобилей, останавливавшихся рядом с домами, в которых они жили, с большим интересом наблюдали за ним. Неужели он живет здесь, задавались наверняка они таким вопросом. Молодые японские бизнесмены, возвращающиеся домой из своих контор… Здесь проживали также главы торговых миссий. Он это определил по припаркованным здесь кадиллакам. Приближаясь к цели поездки, Чилдэн все больше и больше нервничал.

Через несколько минут, поднимаясь по лестнице к квартире Казоура, он подумал: я приглашен сюда не по делам, а как гость, к обеду. Ему, разумеется, пришлось изрядно помучиться над своей одеждой — но в своем внешнем виде он был уверен. Во внешнем виде, подумал он. А как же я все-таки выгляжу? Ведь все равно я никого не могу ввести в заблуждение. Все равно я здесь чужой. На этой земле, где белые расчистили территорию и возвели один из прекраснейших своих городов, я посторонний в своей же собственной родной

стране.

По застеленному коврами коридору он прошел к нужной двери, позвонил. Вскоре дверь отворилась. В ней стояла юная мисс Казоура в шелковом кимоно, подпоясанном ярким широким оби, ее длинные блестящие черные волосы свободно падали на плечи, она приветливо ему улыбнулась. Позади нее, в гостиной, стоял муж с бокалом в руке, вежливо кивая.

— Мистер Чилдэн. Заходите.

Чинно поклонившись, он вошел внутрь квартиры.

Все здесь было в высшей степени изысканным. И — столь же аскетичным. Совсем немного предметов. Торшер, стол, книжные полки, эстамп на стене. Невероятное японское чувство «ваби». Английский язык даже не в состоянии передать это понятие. Способность найти в простых предметах повседневного быта особую красоту, которую нельзя заранее придумать или смастерить. Это нечто, связанное со взаимным расположением предметов.

— Прошу, — предложил мистер Казоура. — Виски с содой?

— Мистер Казоура… — начал он.

— Пол, — поправил его молодой японец, указав

на жену, добавил: — Бетти. А вы…

— Роберт, — промямлил Чилдэн.

Рассевшись на мягком ковре с бокалами в руках, они слушали игру «кото», японской тринадцатиструнной арфы. Пластинка эта была выпущена совсем недавно японским отделением фирмы «Хиз Мастерс Войс» и была весьма популярна. Чилдэн заметил, что все составные части граммофона, даже громкоговоритель, были искусно скрыты. Он не мог определить, откуда лились звуки.

— Не зная ваших вкусов в отношении еды, — сказала Бетти, — мы решили действовать наверняка. На кухне, на электрической плите, поджаривается отбивная с косточкой. Вместе с ней — печеный картофель в кисло-сладком соусе с луком. Никогда не прогадаешь, если на первый случай только что обретенному гостю предложишь жареное мясо.

— Очень польщен, — сказал Чилдэн. — Мне нравится жареное мясо.

Он ничуть не покривил душой. Огромные скотобойники Среднего Запада теперь совсем не жаловали западное побережье своей продукцией. Он даже не мог припомнить, когда в последний раз пробовал приличный бифштекс.

Самое время вручить подарок хозяевам дома.

Из кармана пальто он извлек небольшую, завернутую в тонкую папиросную бумагу вещицу и осторожно поставил ее на низкий столик:

— Безделушка для вас. Это благодарность за удовольствие и отдохновение, которые я испытываю, находясь здесь.

Он развернул бумагу, открыв их взорам подарок. Фрагмент кости с резьбой, выполненный столетие тому назад китобоями из Новой Англии. Крохотное, покрытое затейливым орнаментом произведение искусства, называемое резьбой по кости, которой занимались старые матросы в свободное от вахты время. Ни одна другая вещь не могла более достойно представить культуру прежних Соединенных Штатов. Воцарилась тишина.

— Спасибо, — произнес Пол.

Роберт Чилдэн низко склонил голову.

Мир — на какое-то время — разлился в его душе. Это было настоящим подношением в духе и букве «Книги Перемен». Оно произвело тот эффект, на который он рассчитывал. Какая-то часть тревоги и угнетенности отлегла от его души.

С Рэя Келвина Чилдэн получил соответствующее возмещение убытков за Кольт-44 плюс

кучу письменных заверений о недопущении подобного в будущем. Но это не сняло камень с его сердца. Только теперь, в этой совсем не связанной с его неприятностями ситуации, он на какое-то время потерял ощущение, что все вокруг него постоянно идет вкривь и вкось. Это «ваби» окружавшей его обстановки квартиры Казоура, излучение гармонии… вот в чем все дело, решил он. В пропорциях. Чувство меры. Равновесия. Они так близки к Дао, эти двое юных японцев. Вот почему они так повлияли на меня раньше. Я ощутил благодаря им близость Дао. Увидел сам его отсвет.

Ему вдруг страстно захотелось узнать, как на самом деле постичь Дао? Дао — это то, что сперва вбирает в себя свет, затем тьму. Вызывает такое взаимодействие этих двух основных первозданных сил, что в результате всегда наступает обновление. Это то, что удерживает мироздание от разрушения. Вселенная никуда никогда не исчезнет, потому что только стоит тьме, как кажется, погасить все сущее, превратив его в законченную абстракцию, как новые зерна света прорастают в ее сокровенных глубинах. Вот на чем держится стабильность миропорядка. Когда зерно падает, оно падает в землю, в почву. И там,

в глубине ее, невидимое взору оно прорастает и дает новую жизнь.

— Настоящий шедевр, — сказала Бетти. Она привстала на колени и протянула поднос, на котором лежали небольшие ломтики сыра со всем прочим, что к ним полагалось.

— Международные новости заняли очень большое место место в последние дни, — произнес Пол, неторопливо опорожняя свой бокал. — Пока ехал домой сегодня вечером, я слушал прямой радиорепортаж грандиозных похорон в Мюнхен, включая прохождение пятидесяти тысяч человек знамена и все остальное в том же духе. Сплошное непрерывное пение «Был у меня товарищ…». Тело сейчас установлено для всеобщего обозрения.

— Да. Это большое горе, — произнес Чилдэн. — Эта неожиданная новость в начале недели.

— Японская «Таймс» сегодня вечером, ссылаясь на заслуживающие доверия источники, сообщает, что Бальдур фон Ширах находится под домашним арестом, — сказала Бетти. — По настоянию СД.

— Плохо, — сказал Пол, покачав головой.

— Власти, безусловно, хотят сохранить порядок, — заметил Чилдэн. — Фон Ширах известен своим своеволием и опрометчивостью. Даже

своими весьма непродуманными акциями, чем очень напоминает Рудольфа Гесса в прошлом. Достаточно вспомнить его безумный перелет в Англию.

— О чем еще сообщается в японской «Таймс»? — спросил Пол у своей жены.

— О сильном замешательстве и интригах. Армейские подразделения непрерывно перебрасываются то туда, то сюда. Отпуска отменены. Пограничные станции закрыты. Проходит сессия рейхстага. Выступают все подряд.

— Это напоминает прекрасную речь доктора Геббельса, которую мне довелось услышать по радио, где-то около года тому назад, — сказал Роберт Чилдэн. — Очень остроумная обличительная речь. Публика слушала его, как обычно, затаив дыхание. В ней был весь диапазон владевших им чувств. Безусловно, после того, как удалился от дел несравненный Адольф Гитлер, доктор Геббельс теперь оратор номер один среди национал-социалистов.

— Верно, — согласились с ним кивками головы Пол и Бетти.

— У доктора Геббельса отличные дети и жена, — продолжал Чилдэн. — Тоже весьма незаурядные личности.

— Верно, еще раз согласились Пол и Бетти, а Пол еще добавил:

— Прекрасный семьянин, в отличие от остальных тамошних главарей, весьма сомнительных сексуальных пристрастий.

— Я бы не стал сегодня обращать внимание на всякие слухи, — сказал Чилдэн. — Вы, вероятно имеете ввиду таких, как Рэм? Но ведь это уже древняя история. Давно уже позабытая.

— Я скорее думал о Германе Геринге, — произнес Пол, медленно потягивая содержимое своего бокала и задумчиво глядя на него. — О рассказах насчет фантастических оргий, своим разнообразием и изощренностью напоминающих древнеримские. Мороз проходит по всему телу от одного лишь упоминания о них.

— Это все ложь, — сказал Чилдэн.

— Этот вопрос недостоин нашего обсуждения, — тактично произнесла Бетти, поглядев поочередно на каждого из мужчин.

Они осушили свои бокалы, и Бетти вышла, чтобы снова наполнить их.

— Политические разговоры разгорячили кровь у множества людей, — сказал Пол. — Всюду, куда только не зайдешь. Сейчас важно не терять головы.

— Правильно, — согласился Чилдэн. — Спокойствие и порядок. Чтобы все пришло к привычной устойчивости.

— Период, наступающий после смерти вождя, очень критичен в тоталитарном обществе, — сказал Пол. — Отсутствие традиций и созданных средним классом учреждений в своем сочетании… — Он осекся. — Давайте лучше бросим говорить о политике, как в прежние студенческие годы.

Роберт Чилдэн почувствовал, как вспыхнуло его лицо, и низко склонился над принесенным Бетти полным бокалом, чтобы скрыть от хозяина свое смущение. Какую ужасную глупость он сморозил в самом начале, совершенно неуместными и категорическими суждениями о политике; нагрубил хозяевам дома своим несогласием, и для того, чтобы спасти вечер, понадобился весь присущий им изначально такт. Сколь многому мне еще необходимо учиться, подумал Чилдэн. Они такие элегантные и хорошо воспитанные. А я — просто белый варвар. Этого нельзя оспаривать.

На какое-то время он весь ушел в себя, медленно потягивая виски из бокала, стараясь сохранять на лице притворное выражение якобы испытываемого им при этом удовольствия. Мне нужно

всецело следовать их примеру, решил он. Соглашаться всегда и во всем.

Однако паника не оставляла его. Мой ум, размышлял он, помутился из-за выпитого спиртного. И из-за усталости и нервов. Удастся ли собраться с духом? Все равно, больше меня сюда уже никогда не пригласят. Поздно что-либо предпринимать. Его охватило отчаянье.

Бетти, вернувшись из кухни, снова расположилась на ковре. Какая она все же привлекательная, подумал Чилдэн. Стройное тело. У них фигуры — само совершенство; ни жира, ни выпячивающихся выпуклостей. Ей не нужно ни бюстгальтера, ни корсета. Мне надо тщательно скрывать свое вожделение. Причем, чего бы это не стоило.

И все же время от времени он не мог удержаться, чтобы не бросить украдкой взгляд в ее сторону. Полюбоваться прелестным темным цветом его кожи, волос и глаз. Мы выпечены всего лишь наполовину по сравнению с ними. Нас вынули из печки для обжига до того, как мы были полностью готовы. Старый миф аборигенов. Здесь он звучит как правда.

Я должен думать о чем-нибудь ином. Найти какую-нибудь нейтральную тему для разговора. Взгляд его блуждал по комнате, пытаясь

отыскать, за что можно было бы зацепиться. Молчание становилось все более тягостным, напряженность была невыносимой. О чем же, черт побери, говорить? О чем-нибудь безопасном. Взор его остановился на книге в черном невысоком шкафчике из тикового дерева.

— Я вижу, вы читаете «И саранча легла густо», — произнес он. — Я много о ней наслышался, только вот напряженная работа все не позволяет самому уделить ей какое-то внимание. — Поднявшись, он подошел к шкафчику, чтобы взять книгу, тщательно сверяя каждое свое движение с выражением их лиц. Они, казалось, даже одобряли такой поворот в характере общения, и поэтому он осмелел еще больше.

— Детектив? Извините меня за дремучее невежество. — Он стал листать книгу.

— Вовсе не детектив, — сказал Пол. — Совсем наоборот, весьма своеобразный вид беллетристики, ближе всего, пожалей, к жанру научной фантастики.

— О нет, — возразила Бетти. — Нет здесь никакой науки. Действие ее разворачивается не в будущем. А научная фантастика имеет дело с будущим, с тем, в частности, будущим, где наука продвинулась далеко вперед по сравнению с на-

шей. В книге отсутствуют какие-либо логические посылки сути ее содержания.

— Но, — сказал Пол, — в ней рассматривается альтернативное настоящее. Существует много достаточно хорошо известных научно-фантастических романов такого рода. — Обращаясь к Роберту, он пояснил. — Простите мое упорство в данном вопросе, но, как об этом знает моя жена, я уже в течение очень долгого времени являюсь восторженным поклонником научной фантастики. Она стала моим хобби еще в раннем детстве. Мне тогда еще не было и двенадцати лет. Это было в самом начале войны.

— Понимаю, — как можно вежливее произнес Роберт Чилдэн.

— Вам хотелось бы взять у нас почитать «Саранчу»? — спросил Пол. Мы в скором времени ее прочтем, через денек-другой, не позднее. Поскольку моя контора расположена в самом центре, неподалеку от вашего замечательного магазина, я бы с удовольствием мог занести ее к вам в обеденное время. — Он замолчал на какое-то время, а затем, повинуясь какому-то знаку Бетти, — продолжал. — Мы с вами, Роберт, могли бы отобедать вместе, пользуясь этим случаем.

— Благодарю вас, — произнес Роберт. Это все,

что он был в состоянии вымолвить. Ленч в одном из расположенных в центре фешенебельных ресторанов для бизнесменов. Он и этот элегантный современный высокопоставленный молодой японец! — глаза его затуманились. Но он продолжал осматривать книгу и только кивал головой. — Да, — сказал Чилдэн, — это делает книгу весьма интересной. Мне бы очень хотелось прочесть ее. Я стараюсь всегда быть в курсе того, что широко обсуждается. — Было ли уместным такое его высказывание? Признание того, что его интерес заключается в модности данной книги? Похоже было на то, что слова его прозвучали довольно пошло. Он не знал, что и подумать, но чувствовал, что это оказалось именно так. — Нельзя вынести суждения о книге только на том основании, что она стала бестселлером, — сказал он. — Мы это прекрасно знаем. Многие бестселлеры оказываются жуткой халтурой. В данном случае, однако… — он замялся в нерешительности.

— В большинстве случаев это верно, — заметила Бетти. — Усредненный вкус действительно прискорбно низок.

— Как и в музыке, — поддержал ее Пол. — Отсутствует, например, интерес к самобытному американскому народному джазу. Роберт, вам

нравятся, скажем, Банк Джонсон или Кид Ори, или другие такие же? Исполнители раннего диксиленда? У меня целая дискотека такой старинной музыки, собрание оригинальных записей фирмы «Дженет».

— Я, должен признаться, не очень-то знаком с негритянской музыкой, — произнес Роберт. Хозяева дома, казалось, были не очень довольны таким заявлением. — Я предпочитаю классику. Баха и Бетховена. — Это, безусловно, для них более приемлемо. Он теперь ощущал некоторое чувство обиды. Неужели от него ожидали, что он станет отрицать великих мастеров европейской музыки, не стареющих со временем классиков, в пользу нью-орлеанского джаза, который играли в кабаках и забегаловках в негритянском квартале.

— Я, пожалуй, поставлю избранные мелодии нью-орлеанских королей ритма, — начал было Пол, собираясь выйти из комнаты, но встретив предостерегающий взгляд Бетти, остановился в нерешительности и пожал плечами.

— Обед почти готов, — сказала Бетти.

Вернувшись, Пол снова уселся на ковер. Несколько, как показалось Роберту, надутым тоном, он пробормотал:

— Джаз из Нью-Орлеана — это самая настоящая американская народная музыка, какая только существует. Она зародилась на этом материке. Все остальное пришло из Европы, вроде английского происхождения баллад под гитару в стиле «кантри».

— Это непрекращающийся предмет спора между нами, — улыбаясь Роберту, заметила Бетти. — Я не разделяю его пристрастия к раннему джазу.

Все еще продолжая держать в руках «И саранча легла густо», Роберт Чилдэн спросил:

— Какого же рода альтернативное настоящее описывается в этой книге?

Бетти, задумавшись на мгновенье, произнесла:

— Такое, в котором Германия и Япония проиграли войну.

После этого наступило общее молчание.

— Время ужинать, — сказала Бетти, грациозно поднимаясь на ноги. — Пожалуйста, проходите, два голодных, очень занятых делами джентльмена. — Она проводила Роберта и Пола к столу, уже накрытому белой скатертью, с расставленными на нем столовым серебром, фарфоровой посудой, огромными салфетками из грубой ткани, в которых Роберт распознал старинные американские подгузники для новорожденных. Серебро

тоже было явно американского происхождения. Чашки и блюдца производства «Ройал Альберт», темно-синие, с золотыми ободками. Совершенно великолепные. Он не мог не смотреть на них без нескрываемого профессионального восхищения.

Тарелки, похоже, были японскими. Точно сказать он не мог, так как это выходило за пределы его компетентности.

— Это фарфор «Имари», — пояснил Пол, заметив его интерес. — Из Арита. Считается первоклассной продукцией. Япония.

Они заняли места за столом.

— Кофе? — спросила у Роберта Бетти.

— Да, — ответил он. — Спасибо.

Вскоре все они были уже поглощены обедом. Роберт нашел еду восхитительной. У Бетти были выдающиеся кулинарные способности. Особенно ему понравился салат. Авокадо, сердцевинки артишоков, приправленные каким-то неизвестным ему голубоватым сыром… слава богу, они не предложили ему настоящую японскую еду, блюда из перемешанных овощей и кусочков мяса, которыми он так был сыт по горло за все эти послевоенные годы, они ему настолько опротивели, что он не смог бы вынести даже вида креветок или моллюсков.

— Мне хотелось бы узнать, каким, как предполагает автор, был бы мир, если бы Германия и Япония проиграли войну?

Ни Пол, ни Бетти не решились ответить сразу. Только спустя некоторое время Пол произнес:

— Он очень сильно отличался бы от нашего. Об этом лучше прочесть в книге. Если же вы об этом будете знать заранее, то у вас может испортиться впечатление от книги.

— У меня есть непоколебимые убеждения на сей счет, — сказал Роберт. — Я часто размышлял над этим. Мир был бы намного хуже. — Он слышал, что слова его звучат твердо, даже жестко. — Намного хуже.

Слова эти, казалось, очень удивили хозяев. Может быть, тон, с которыми они были произнесены.

— Повсюду бы господствовал коммунизм, — продолжал Роберт.

Пол понимающе кивнул.

— Автор, мистер Абендсен, разбирает этот вопрос — касательно беспрепятственного расширения владений Советской России. Но так же, как и в первой мировой войне, будучи даже среди победителей, второразрядная, большей частью крестьянская Россия снова садится в лу-

жу. Остается таким же огромным посмешищем, вспомните хотя бы войну Японии с ней, когда…

— Нам всем пришлось пострадать, заплатить немалую цену, — сказал Роберт. — Но мы делали это из самых добрых побуждений. Чтобы предотвратить всемирный потоп со стороны захлестывающих земной шар славян.

— Я лично, — тихо произнесла Бетти, — не верю всем этим истерическим бредням насчет «всемирного потопа» со стороны любого народа, будь то славяне, китайцы или японцы, — она безмятежно глядела на Роберта. Полностью владея собой, она обязательно хотела выразить свои чувства. Пятна краски, темно-пунцовые, появились на ее щеках.

На какое-то время разговор за столом затух.

Я снова опростоволосился, отметил про себя Роберт Чилдэн. Никак не могу оставить в покое эту тему. Потому что она повсюду: в книге, которую я случайно снял с полки, в коллекции грампластинок, в этих подгузниках — добыче, награбленной завоевателями самым мародерским образом у моего народа.

Надо смотреть фактам в лицо. Я все пытаюсь вообразить себе, что эти японцы и я ничем друг от друга не отличаемся. Но даже когда я восхва-

лял их победы в войне и говорил о поражении своей страны — даже тогда мы не находим общей почвы под ногами. Оказывается, что вполне определенные слова для меня прямо противоположны тому, что значат они для них. У них мозги какие-то другие. И души тоже. Вот ты являешься свидетелем того, как они пьют кофе из чашек английского тонкостенного фарфора, едят с помощью американского серебра, слушают негритянскую музыку. Все это на поверхности. Преимущество богатства и власти делает все для них доступным, но в принципе это всего лишь заменители в виде исключения.

Даже «Книга Перемен», которую они запихивают нахально нам в глотки, даже она из Китая. Заимствованная ими черт знает когда. Кого они дурачат? Себя? Наворованные слева и справа обычаи, еда, одежда, разговоры, походка, даже то, например, с каким они особым смаком поедают печеную картошку, приправленную кисло-сладким соусом, это традиционное старинное американское блюдо, пристегнутое ими к своей упряжке. Но никого они этим не одурачат. И меня меньше, чем другого.

Только белые расы наделены даром творчества, продолжал размышлять он. И тем не менее я, чи-

стокровный представитель одной из них, должен унижаться перед этой парочкой. Подумать только, как все было бы, если бы победили мы! Их бы стерли с лица земли, сегодня не было бы никакой Японии, а США упивались бы своей единоличной властью над всем остальным огромным миром.

И еще: я должен обязательно прочесть эту книгу, эту «И саранча легла густо». Это мой патриотический долг, судя по тому, что о ней говорят.

— Роберт, — тихо обратилась к нему Бетти, — вы совсем ничего не едите. Неужели пища не так приготовлена?

Он сразу же набрал вилкой салата побольше.

— Нет, — сказал он. — Скажу честно, я за многие годы не ел более восхитительной пищи, чем эта.

— Спасибо, — произнесла Бетти, явно польщенная его словами. — Я так старалась приготовить настоящую… Закупки, например, делала на крошечных американских базарчиках, расположенных вдоль проспекта, где находятся торговые миссии, понимая, что это подлинные американские продукты.

Вы довели до совершенства приготовление наших родных американских блюд, подумал Роберт Чилдэн. То, о чем многие толкуют, в самом деле правда: у вас безграничные способности

к имитации яблочного пирога, кока-колы, прогулки после киносеанса, Гленна Миллера… вы способны сварганить из жести и рисовой бумаги законченную искусственную Америку. Бумажная мам в кухне, бумажный дэд читает газету. Рисовый бэби у их ног. Все-все.

Пол молча наблюдал за ними. Роберт Чилдэн, заметив вдруг внимание к себе со стороны японца, прервал ходы своих размышлений и снова принялся за еду. Интересно, он может читать мои мысли? Я знаю, что сохранял надлежащее выражение лица. Вряд ли он догадывается, о чем я думаю.

— Роберт, — произнес Пол, — поскольку вы родились и выросли здесь, пользуетесь характерными для уроженцев США оборотами речи, то я, пожалуй, мог бы получить от вас некоторую помощь в отношении одной книги, смысл которой вызвал у меня определенные трудности. Это роман тридцатых годов американского автора.

Роберт слегка поклонился.

— Книга эта, — сказал Пол, — весьма редкая, но я, тем не менее, располагаю одним ее экземпляром. Автор ее — Натаниэль Уэст. Называется «Мисс Лонлихартс». Я с наслаждением прочел ее, но так до конца и не уловил, что же хотела

сказать Уэст в этом романе. — Он с надеждой посмотрел на Роберта.

— Я… я не читал, как мне кажется, этой книги, — не сразу признался Роберт Чилдэн. И подумал при этом, даже ничего о ней не слышал.

На лице Пола отразилось разочарование.

— Очень жаль. Это совсем небольшая книга. В ней рассказывается о человеке, который ведет колонку в ежедневной газете; он постоянно испытывает душевные муки по самым различным поводам, пока явно не сходит с ума от этого и ему кажется, что он Иисус Христос. Не припоминаете? Может быть, читали очень давно?

— Нет, — сказал Роберт.

— У автора очень необычная точка зрения в отношении страдания, — продолжал Пол. — Исключительно своеобразное понимание смысла мучений без особых на то причин, проблема, с которой сталкиваются все религии. Религии, подобные христианству часто провозглашают, что страдания это расплата за совершенные грехи, Уэст, похоже, добавляет дополнительные к прежним представлениям соображения, касающиеся этой проблемы, пытается доказать, что страдания без видимой причины еще могут быть обусловлены тем, что герой его — еврей.

— Если бы Германия и Япония проиграли войну, — сказал Роберт, то миром бы сегодня правили евреи. Из Москвы и с Уолл-стрита.

Оба японца, муж и жена, съежились от его слов. Они, казалось, постарели, поблекли, замкнулись в себе. Даже по самой комнате, казалось, пробежал какой-то холодок. Роберт Чилдэн остро ощутил свое одиночество. Теперь он ел один, не находясь больше в их обществе. Что же такое сотворил теперь? Что послужило причиной подобного непонимания друг друга? Тупая неспособность понять совершенно чуждый им язык, западный склад мышления? Что-то не то ляпнул, а они обиделись. Какая трагедия, усмехнулся он в душе, продолжая ужинать. И все же — что можно предпринять в его положении?

Прежнюю ясность — ту, что была у него всего лишь пару секунд тому назад — нужно было вернуть любой ценой. Только теперь он начал по-настоящему понимать всю ее важность. Роберт Чилдэн сейчас не чувствовал себя столь же неуютно, как чуть раньше, потому что в сознании его начала зарождаться некая нелепая мечта. Пришел я сюда в предвкушении чего-то особенного. Почти что юношеский романтический туман в голове одурманивал меня, когда я поднимался

сюда по лестнице. Но реальность нельзя оставлять без внимания. Нам нужно взрослеть.

Теперь ему стало представляться, что это все — прямой обман, прямо вот здесь. ОНИ ЗДЕСЬ НЕ СОВСЕМ ЛЮДИ. Они надевают на себя одежду, но подобно обезьянам, наряжаются как в цирке. Они умны и способны к обучению, но это все, что умеют.

Почему тогда я так стараюсь им во всем угодить? Только потому, что они являются победителями?

Во время этой встречи выявились серьезные недостатки моего характера. Но с этим уже ничего не поделаешь. Я просто стремлюсь к… ну, скажем, к безошибочному выбору меньшего из двух зол.

Что я всегда делал — это старался не выбиваться из общего русла потока внешних событий. Потому что так безопаснее; ведь в конце-то концов, победители они… они и повелевают. И, как я полагаю, и дальше будут поступать именно так. Потому что нет никакого смысла навлекать на свою голову всякие несчастья. Они прочли американскую книгу и хотят, чтобы я ее им растолковал; они надеются, что я, представитель белой расы, в состоянии разжевать для них понятный ответ. И я пытаюсь это сделать, хотя, если бы

читал эту книгу, то несомненно ответил бы им.

— Пожалуй, когда-нибудь я загляну в эту «Мисс Лонлихартс», — сказал он Полу. — И тогда смогу растолковать ее смысл.

Пол слегка поклонился.

— А пока что я слишком перегружен работой, — сказал Роберт. — Позже, возможно… я уверен, что мне не потребуется много времени для того, чтобы ее прочесть.

— Не потребуется, — не очень-то довольным тоном тихо произнес Пол. — Это небольшая книга. — Они оба, и он, и Бетти, опечалены его словами, подумал Роберт. Неужели и они ощущают непреодолимую пропасть между ними и мною? Надеюсь, ощущают. Они заслуживают это. Стыдно — просить других, чтобы им разжевали, что хотел сказать автор в своей книге.

Теперь он начал получать от ужина еще большее удовлетворение.

* * *

Остаток вечера прошел вполне гладко. Когда Роберт Чилдэн покидал квартиру Казоура в десять часов, его все еще не покидало чувство уверенности в себе, которое он обрел во время ужина.

Спускаясь по лестнице, уже не обращал ника-

кого внимания на встречавшихся ему по дороге японцев — жильцов этого дома, которые направлялись в общие ванны или возвращались из них и которые могли заметить его и посмотреть вслед. Он вышел на темный вечерний тротуар, окликнул проезжавший мимо велокэб и в таком настроении поехал к себе домой.

Мне всегда очень хотелось узнать, каким у меня получилось бы общение с некоторыми из моих клиентов в неофициальной обстановке. И вот, пожалуйста. Все получилось, в конце концов, не так уж плохо. И, подумал он, этот опыт мне весьма пригодится в моем бизнесе.

Очень благотворно во всех отношениях встречаться с людьми, которых ты опасаешься. И обнаруживать, что они из себя представляют на самом деле. Тогда страх проходит.

Размышляя на подобные темы, он прибыл в район города, где жил, и оказался наконец у своей собственной парадной. Расплатившись с «китаезой»-водителем велокэба, поднялся по знакомой лестнице.

В передней его квартиры сидел незнакомый ему человек. Белый мужчина в пальто расселся на его диване и читал газету. Увидев в дверях изумленного Роберта Чилдэна, отложил газету,

лениво поднялся и засунул руку во внутренний нагрудный карман пальто. Достал оттуда бумажник и развернул его перед лицом Чилдэна.

— Кемпейтай.

Это был один из «пиноков». Служащий государственной полиции правительства в Сакраменто, организованной японскими оккупационными властями. Какой ужас!

— Вы — Роберт Чилдэн?

— Да, сэр, — ответил он. Сердце его бешено колотилось.

— Недавно? — заглянув в папку с бумагами, которую он извлек из лежащего на диване портфеля, — вам нанес визит один мужчина, белый, представившийся в качестве доверенного лица одного из офицеров имперского флота. Последующее расследование показало, что это не так. Не существует ни такого офицера, ни такого корабля.

— Верно, — произнес Чилдэн.

— К нам поступило заявление, — продолжал полицейский, — о шантаже, который имеет место на территории, соседствующей с заливом. Этот малый явно к нему причастен. Вы могли бы его описать?

— Небольшого роста, довольно смуглый… —

начал Чилдэн.

— Смахивает на еврея?

— Точно! — воскликнул Чилдэн. — Теперь до меня это дошло! Хотя тогда я как-то просмотрел это.

— Вот его фотография. — Сотрудник Кемпейтая протянул ему снимок.

— Это он, — сказал Чилдэн, тотчас же узнав своего посетитель… У него не было ни малейших сомнений, только он был несколько напуган быстротой, с какой Кемпейтай оказался способен разобраться в этом деле. — Как это вам удалось найти его? Ведь я не сообщал о нем, однако позвонил своему оптовику, Рэю Келвину, и сказал ему…

Полицейский взмахом руки заставил его замолчать.

— У меня есть один документ, который вы должны подписать, вот и все. Вам не нужно будет появляться в суде. Это требуемая законом формальность, которой заканчивается вся ваша причастность. — Он протянул Чилдэну лист бумаги и авторучку. — Здесь утверждается, что к вам подходил этот человек и что он пытался ввести вас в заблуждение, выдавая себя за другого, и так далее в том же духе. Прочтите документ. —

Полицейский отвернул манжет своей рубахи и посмотрел на часы. — По существу здесь все верно?

По существу — было верно. У Роберта Чилдэна не было времени тщательно изучить бумагу, да к тому же его немало смущало то, что произошло в тот день. Но он знал, что человек этот выдавал себя за другого и что это каким-то образом связано с попыткой вымогательства. Да и, как сказал сотрудник Кемпейтая, этот человек был евреем. Роберт Чилдэн глянул на фамилию под фотографией. Фрэнк Фринк. Урожденный Фрэнк Финк. Да, он определенно был евреем. Это мог бы сказать каждый о человеке с такой фамилией, как Финк. И он ее поэтому поменял.

Чилдэн подписал бумагу.

— Спасибо, — сказал полицейский. Он собрал свои вещи, нахлобучил шляпу, пожелал Чилдэну спокойной носи и удалился. Все это заняло каких-то несколько минут.

Я не сомневаюсь в том, что его разыщут, подумал Чилдэн. Что бы он там не затевал.

У него отлегло от сердца. Быстро же они работают, вот молодцы.

Мы живет в обществе законности и правопорядка, где евреям не дано обводить вокруг пальца

людей доверчивых. Мы защищены.

Не знаю, почему это я сразу не распознал его характерные расовые черты, как только увидел? Очевидно, меня очень легко ввести в заблуждение.

Я просто не умею обманывать, решил он, и это оборачивается моей беспомощностью. Если б не существовало закона, я был бы целиком в их власти. Он мог бы убедить меня в чем угодно. Это одна из разновидностей гипноза. Они способны контролировать все общество.

Завтра же надо пойти и купить эту книгу, «И саранча легла густо».

Будет очень интересно посмотреть, как автор описывает мир, в котором правят евреи и коммунисты, в котором Рейх лежит в руинах, а Япония, без сомнения, является одной из провинций России; в которой Россия, фактически, простирается от Атлантического океана до Тихого. Интересно, а не описывает ли он — как его там зовут? — войну между Россией и США? Занятная книга, подумал он. Странно, что никому не пришло в голову написать ее раньше.

И что еще — она помогает нам лучше осознать, насколько нам повезло. Несмотря на все очевидные неудобства… нам могло быть намного

хуже. Этой книгой преподан великий моральный урок. Да, здесь у нас сейчас у власти японцы, а мы — побежденная страна. Но нам нужно смотреть вперед; нам нужно строить. Из этого вытекают великие свершения, такие, как колонизация планет.

Сейчас должны передавать последние известия, сообразил Чилдэн. Удобно усевшись, включил радиоприемник. Возможно, уже избран новый рейхсканцлер. Он испытывал воодушевление и предвкушение чего-то важного. Лично мне этот Зейсс-Инкварт кажется наиболее энергичным. Наиболее способным осуществлять смелые начинания.

Я бы хотел побывать там, подумал он. Может быть, когда-нибудь и разбогатею настолько, что смогу съездить в Европу и поглядеть на все, что там совершено. Стыдно быть в стороне от того, что там происходит. Застряв здесь, на западном побережье, где ничего не происходит. Где история проходит мимо нас.

8

В восемь часов утра фрейгерр Хуго Рейсс, рейхсконсул в Сан-Франциско, вышел из своего «мерседес-бенца» модели 220-Е и проворно взбежал по ступенькам консульства. За ним поднялись двое молодых мужчин — сотрудников министерства иностранных дел. Дверь уже была открыта кем-то из персонала Рейсса, и он, не задерживаясь у входа, прошел внутрь, приветствуя поднятием руки двух девушек-телефонисток, вице-консула герра Франка, а затем, уже в приемной консула — личного секретаря Рейсса, герра Пфердехуфа.

— Фрейгерр, — произнес Пфердехуф, — как раз сейчас из Берлина поступает шифрованная радиограмма. Под грифом Один, — это значит, что послание срочное.

— Спасибо, — сказал Рейсс, снимая пальто.

— Десять минут назад звонил Краус фон Меер. Ему хочется, чтобы вы связались с ним.

— Благодарю, — ответил Рейсс, усаживаясь за небольшой столик у окна своего кабинета, снял салфетку с завтрака, обнаружил на подносе горячую булочку, омлет и сосиски, налил горячего

черного кофе из серебряного кофейника, после чего развернул утреннюю газету.

Звонивший ему Краус фон Меер был шефом «Зихерхайтсдинста» на территории ТША. Его штаб-квартира была расположена под фиктивной вывеской, в здании аэровокзала. Отношения между Рейссом и Краусом фон Меером были весьма натянутыми. Сферы их полномочий скрещивались в бесчисленных случаях — такая политика, несомненно, умышленно проводилась заправилами из Берлина. У Рейсса был еще и почетный чин майора СС, вследствие чего юридически он был подчиненным Крауса фон Меера. Этот чин был ему пожалован несколько лет назад, и уже в то время Рейсс разглядел причину такого внимания со стороны СС, однако ничего не мог с этим поделать. Не будучи ниже по должности фон Меера, ему приходилось молча сносить такое положение.

Газетой, доставляемой «Люфтганзой» и прибывающей в шесть часов утра, была «Франкфуртер Цайтунг». Рейсс внимательно перечитал всю первую страницу. Фон Ширах под домашним арестом, сейчас, возможно, уже умерщвлен. Скверно. Геринг пребывает на учебно-тренировочной базе Люфтваффе в окружении закаленных ветеранов

войны, переданных толстяку. К нему совершенно не подобраться. Никому из наймитов СД. А что делает доктор Геббельс?

По всей вероятности, находится в самом сердце Берлина. Полагаясь, как всегда, на свой собственный ум, на свою способность уговорить или разубедить кого угодно в чем угодно. Если Гейдрих пошлет взвод убийц, чтобы покончить с ним, он, скорее всего, уговорит их переметнуться на его сторону, сделав их сотрудниками министерства пропаганды и народного просвещения.

Рейсс мог представить себе доктора Геббельса в данный момент в квартире какой-нибудь сногсшибательной киноактрисы, пренебрежительно глядящего на марширующие внизу, под окнами, подразделения вермахта. Ничто не пугает этого карлика. Геббельс всегда насмешливо улыбается… продолжая щекотать грудь прекрасной дамы левой рукой, в то время как правая пишет статью для сегодняшнего выпуска «Энгриффа».

Мысли Рейсса прервались стуком секретаря.

— Я прошу прощения. Краус фон Меер снова на проводе.

Поднявшись, рейсс подошел к письменному столу, снял трубку:

— Рейсс слушает.

В трубке раздался сочный баварский говор местного шефа СД.

— Что слышно новенького в отношении этого типа из абвера?

— Гм, промямлил он, пытаясь выяснить, кого именно имеет ввиду Краус фон Меер. — Насколько мне известно, в данный момент на тихоокеанском побережье имеется то ли три, то ли четыре «типа» из абвера.

— Того, что прибыл сюда «Люфтганзой» на прошлой неделе.

— О, — произнес Рейсс. Зажав трубку между плечом и ухом, вынул портсигар. — Он здесь так и не появился.

— Что он сейчас делает?

— Боже милостивый, откуда мне знать? Спросите у Канариса.

— Было бы желательно, чтобы вы позвонили в министерство иностранных дел и велели связаться с рейхсканцелярией и передать тому, кто поддерживает связь с адмиралтейством, выступить с требованием, чтобы абвер или отозвал своих людей отсюда, или давал нам полный отчет о том, что они тут делают.

— Вы не можете это сделать сами?

— У нас такая неразбериха…

Они полностью упустили этого человека из абвера, решил Рейсс. Им — местному СД — было велено кем-то из штаба Гейдриха следить за ним, а они упустили клиента. А теперь хотят, чтобы я их выручил.

— Если он появится здесь, — сказал Рейсс, — я велю кому-нибудь к нему пристроиться. Можете на меня положиться. — Разумеется, шансов на то, что этот человек зайдет сюда, было ничтожно мало — если они были вообще. И они оба это прекрасно понимали.

— Он, несомненно, прибыл под фиктивным именем — не унимался Краус фон Меер. — Нам оно, естественно, неизвестно. У этого малого аристократическая внешность. Примерно сорока лет. Настоящее имя — Рудольф Вегенер. В звании капитана. Он из одной старой, известной своими монархическими взглядами семей из Восточной Пруссии. Поддерживается, вероятно, Папеном в «Системцайт». — Рейсс устроился поудобнее за столом, видя, что Краус фон Меер и не думает прекращать монотонно бубнить в трубку. — Единственный ответ, какой приходил на ум, этим монархистам-любителям кортиков — так урезать бюджет флота, чтобы они не могли себе позволить…

В конце концов, Рейссу удалось избавиться от телефонной трубки. Вернувшись к завтраку, он обнаружил, что омлет остыл, но кофе был еще горячим. Отпив кофе, он принялся за чтение газет.

Нет этому конца, подумал он. Эти люди из СД дежурят и по ночам. Звонят тебе даже в три часа утра.

В кабинет заглянул его личный секретарь. Пфердехуф, и видя, что он уже закончил говорить по телефону, произнес:

— Только что звонили из Сакраменто. Они там крайне взбудоражены, утверждают, что по улицам Сан-Франциско шляется какой-то еврей.

Оба весело засмеялись.

— Ладно, — сказал Рейсс. — Скажите им, чтобы они успокоились и переслали нам все подобающие данному случаю документы. Что еще?

— Хотите прочитать соболезнования?

— Их много?

— Несколько. Я оставлю их у себя на столе на тот случай, если они вам понадобятся. Я уже отослал ответы.

— Мне нужно придумать обращение к назначенному на сегодня собранию бизнесменов, — сказал Рейсс. — На час дня.

— Я не забуду об этом, — ответил Пфердехуф.

Рейсс откинулся на спинку стула.

— Хотите пари?

— Только не в отношении партийных назначений. Вы именно это имеете в виду?

— Это будет Висельник.

Пфердехуф задумался на какое-то время, затем произнес:

— Гейдрих уже достиг потолка своих возможностей. Таким людям никогда не установить прямой контроль над партией, потому что все слишком их боятся. Партийные бонзы упадут в обморок от одной только мысли об этом. Возникнет коалиция в ближайшие двадцать пять минут, стоит только первому автомобилю СС выехать за Принц-Альбрехтштрассе. За ними стоят все эти крупные промышленные воротилы вроде Круппа или Тиссена… — Он замолк. Один из шифровальщиков с конвертом в руке подошел к нему.

Рейсс протянул руку, и секретарь передал ему конверт.

Это та самая срочная радиограмма, теперь расшифрованная и отпечатанная.

Когда он закончил ее чтение, то увидел, что Пфердехуф все еще стоит, весь обратившись в слух. Рейсс скомкал радиограмму, положил в большую керамическую пепельницу у себя на

столе и поджег ее зажигалкой.

— Предполагается, что сюда должен прибыть инкогнито один японский генерал. Некто Тедеки. Вам не мешало бы сходить в публичную библиотеку и взять один из официальных японских военных журналов, в котором должна быть его фотография. Постарайтесь проделать это, разумеется, с максимальной осмотрительностью. Не думаю, что мы в состоянии ему здесь чем-то помешать. — Он направился к запертому стенному сейфу, но передумал. — Раздобудьте любую информацию, какую только сможете. Биографические данные и все такое. Все это должно быть доступно в библиотеке. — Затем добавил:

— Этот генерал Тедеки был начальником генерального штаба несколько лет тому назад. Вы что-нибудь о нем припоминаете?

— Совсем немного, — ответил Пфердехуф. — Известный забияка и дуэлянт в молодости. Ему сейчас должно быть около восьмидесяти. Мне кажется, что он поддерживает какую-то провалившуюся программу по выведению Японии в космос.

— В этом он потерпел неудачу.

— Не удивлюсь, если он прибывает сюда на лечение, — заметил Пфердехуф. — Здесь уже по-

бывало немало японских военных преклонного возраста, чтобы воспользоваться услугами знаменитой клиники Калифорнийского университета. Таким путем им удается пройти курс лечения с применением достижений немецкой медицины, что недоступно им дома. Естественно, они сохраняют это в тайне. По патриотическим мотивам, как понимаете. Поэтому нам, наверное, следовало бы приставить какого-нибудь наблюдателя к клинике Калифорнийского университета, раз уж Берлину так хочется быть в курсе дела.

Рейсс кивнул.

— А еще старый генерал может быть замешан в торговых махинациях, львиная доля которых приходится на Сан-Франциско. Те связи, которыми он обзавелся на службе, могут принести ему теперь немалую пользу, когда он вышел в отставку. А в самом ли деле он в отставке? В шифровке он назван «генералом», а не «отставным генералом».

— Как только вы будете располагать его фотографией, — сказал Рейсс, — раздайте копии непосредственно нашим людям в аэропорту и в других подобных местах, вплоть до гавани. Он, возможно, уже прибыл. Вы знаете, сколько времени у них в Берлине занимает передача подобного

рода сведений. — И, разумеется, если генерал уже прибыл в Сан-Франциско, Берлин будет гневаться на консульство в ТША. Консул должен уметь перехватить его — еще до того, как будет передан из Берлина соответствующий указ.

— Я проставлю дату получения на шифровке из Берлина, — ответил Пфердехуф, — так что, если позже и возникнут вопросы, то мы сможем доказать, когда точно мы ее получили. Вплоть до часа и минут.

— Спасибо, — сказал Рейсс. Начальство в Берлине непревзойденные мастера перекладывать ответственность на других, а ему уже надоело быть козлом отпущения. Такое с ним уже бывало слишком много раз.

— Чтобы не попасть впросак, — продолжал он, — как мне кажется, будет лучше, если вы ответите на эту шифровку. Скажем так, «Ваши инструкции ужасно опаздывают. О появлении интересующего вас лица на данной территории уже сообщалось. Возможность успешного перехвата на данном этапе совершенно ничтожна». Подредактируйте это и отошлите в Берлин. Подберите выражения туманные, но почтительные. Вы понимаете, какие?

Пфердехуф кивнул.

— Я отправлю ответ немедленно. И зарегистрирую точную дату и час.

Он вышел, закрыв за собой дверь.

Приходится держать ухо востро, размышлял Рейсс, не то в один прекрасный день окажешься консулов в стаде ниггеров на каком-нибудь из островков берегов Южной Африки. А следующее, о чем узнаешь, так это то, что у тебя хозяйкой дома черная мамуля, а десять или одиннадцать или одиннадцать маленьких негритеночков называют тебя папулей.

Снова усевшись за сервировочный столик, он закурил египетскую сигарету «Симон-Арц № 70», тщательно закрыв металлический портсигар.

Поскольку теперь его вряд ли будут в скором времени беспокоить, он извлек из портфеля книгу, которую читал, открыл на том месте, где была оставлена закладка, уселся поудобнее и еще раз перечитал то место, на котором был вынужден остановиться в прошлый раз.

«…неужели он на самом деле бродил по этим улицам с бесшумно снующими автомобилями, наслаждался утренней тишиной Тиргартена, теперь уже в таком далеком прошлом? То была совсем иная жизнь. Мороженое, вкуса которого он теперь даже не может себе представить, буд-

то его никогда и не существовало. Теперь они кипятят крапиву и радуются, когда ее удается раздобыть. Боже, вскричал он. Неужели они никогда не остановятся? Огромные британские танки все шли и шли. Еще одно здание, это мог быть жилой дом или магазин, школа или учреждение. Сейчас он уже не мог сказать, что это было — разбитые снарядом стены обрушились, рассыпались на мелкие кусочки. Внизу, среди руин, погребена под обвалом еще одна горстка остававшихся до сих пор живыми, даже не успев услышать дыхание приближающейся смерти. Смерть в равной степени простирала свои руки повсюду — над живыми, калеками, трупами, лежавшими друг на друг и от которых уже начинал исходить всепроникающий смрад. Смердящий, еще трепещущий труп Берлина, со все еще возвышающимися тут и там безглазыми башнями, исчезающими, даже не издав звука протеста, как вот это безымянное здание, которое с такой гордостью когда-то воздвиг человек.

Руки его, заметил мальчик, были покрыты серым налетом пепла, частично неорганического происхождения, частично сгоревшего и тщательно просеянного конечного продукта эволюции жизни. Все теперь перемешалось понимал маль-

чик, и смахнул с себя этот налет. Он больше уже не думал о нем; другая мысль завладела его умом, если вообще еще можно было хоть как-то мыслить среди криков и взрывов снарядов. Голод, он уже шесть дней ничего не ел, кроме крапивы, а теперь и ее уже не стало. Выгон, поросший сорняками, превратился в одну огромную воронку. На краю ее появились какие-то другие, неясные, изможденные силуэты. Как и мальчик, они молча постояли какое-то время, а затем растворились в дымке. Какая-то старушка в повязанном на голове платке и с пустой корзиной под мышкой. Однорукий мужчина, глаза у которого были такими же пустыми, как и эта корзина. Девушка. Снова исчезнувшая среди обгоревших обрубков, некогда бывших стволами деревьев, где прятался и мальчик Эрик.

А змея танков все ползла и ползла.

„Когда-нибудь она закончится?“ — Ни к кому не обращаясь, задавался таким вопросом мальчик. И если все-таки закончится, что тогда? Наполнят ли они когда-нибудь свои чрева, эти…»

— Фрейгерр, — раздался голос Пфердехуфа. — Извините, что вас побеспокоил. Только одно слово.

Рейсс подскочил, закрыв книгу.

— Пожалуйста.

Вот здорово он пишет, подумал Рейсс. Полностью перенес меня туда. Заставил ощутить реальность падения Берлина под натиском британцев, столь ярко описанного, будто так было на самом деле. Бр-р. Он вздрогнул.

Неудивительно, что эта книга запрещена на всей территории Рейха. Я и сам бы ее запретил. Я уже сожалею о том, что начал ее читать, но уже слишком поздно. Теперь, хочешь — не хочешь, но нужно дочитать до конца.

— Пришли какие-то моряки с немецкого судна, — обратился к нему секретарь, — они требуют, чтобы о них доложили.

Рейсс вприпрыжку побежал к двери.

В приемной его ждали три моряка в плотных серых свитерах, все трое с густыми, светлыми копнами волос, суровым выражением лиц, все слегка нервничали.

Одарив их дружеской улыбкой, Рейсс поднял правую руку:

— Хайль Гитлер!

— Хайль Гитлер, — невнятно ответили моряки и начали выкладывать перед ним свои документы.

Зарегистрировав их посещение консульства,

он поспешно вернулся в свой кабинет.

Оставшись один, еще раз открыл «И саранча легла густо».

На глаза ему попался эпизод с упоминанием о… Гитлере. Теперь он уже чувствовал, что не в состоянии останов. Он начал читать с первой подвернувшейся фразы и почувствовал, как у него начинает гореть затылок.

Суд, сообразил он, над Гитлером. По окончании войны. Гитлер в руках у союзников. Боже ты мой! А также Геббельс, Геринг, все остальные. В Мюнхене. Очевидно, Гитлер отвечает на вопросы обвинителя-американца.

«…еще раз вспыхнул на мгновенье, казалось, черный, пламенный дух прежнего его. Упруго дернулось охваченное трепетом бесформенное тело; приподнялась голова. С губ, с которых непрерывно сочилась слюна, слетел каркающий наполовину лай, наполовину шепот: „Дейче, хир, стех… их…“ Дрожь пробежала по тем, кто видел и слышал это, кто сидел с плотно прижатыми к голове наушниками и напряженными лицами — русским, американцам, британцам, немцам — всем одинаково. Да, мелькнуло в голове у Карла. Вот он снова стоит здесь… он победил нас — и более того. Они раздели догола этого „сверхчело-

века“, показали, чем он является на самом деле. Только…»

— Фрейгерр…

До Рейсса дошло, что в кабинет вошел секретарь.

— Я занят, — сказал он сердито, захлопывая книгу. — Ради бога, не мешайте мне дочитать ее!

Безнадежно. Он понимал это.

— Еще одна шифровка из Берлина. Я мельком взглянул на нее, когда начали расшифровывать. Речь идет о политическом положении.

— Что же в ней говорится? — пробормотал Рейсс, потирая лоб кончиками пальцев.

— Доктор Геббельс неожиданно выступил по радио. Очень важная речь. — голос секретаря зазвучал взволнованно. — От нас требуется взять текст — сейчас его расшифровывают — и напечатать в местной прессе.

— Да, да, — согласился Рейсс.

В ту же секунду, когда секретарь покинул кабинет, Рейсс опять открыл книгу. Гляну-ка еще разок, несмотря на прежнее свое решение…

«…тишине Карл размышлял над убранным флагами гробом. Здесь он лежит, и теперь его уже нет, на самом деле нет. Нет даже таких демонических сил, которые могли бы воскресить его. Этого

человека — или был он все-таки „Юберменшем“, „сверхчеловеком“, — за которым слепо следовал Карл, которого боготворил… даже тогда, когда тот уже был по сути на самом краю могилы. Адольф Гитлер ушел в небытие, но Карлу совсем не хотелось умирать. Я не последую за ним, нашептывал ум Карла. Я остаюсь, я буду жить. Обновленным. Мы все станем обновленными. Должны стать.

Сколь далеко, сколь ужасно далеко завела его магия вождя. И что же она из себя представляла теперь, когда поставлена последняя точка в этой невероятной летописи, в этом путешествии из стоявшего на отшибе захолустного городишки в Австрии, через гноящееся нищенство в Вене, кошмарные муки в ее клоаке, через политические интриги, основание партии, к штурвалу канцлера, к тому, что на какое-то мгновенье показалось тогда почти что господством над всем миром.

Карл теперь все понимал. Это чудовищный обман. Адольф Гитлер лгал всем им. Он увлек их пустыми словами.

Но пока что еще не поздно. Мы разоблачили твой обман, Адольф Гитлер. И мы теперь понимаем, в конце концов, цели, к которым ты стремился. Цели партии нацистов. Установление чудовищной эры убийц и мегаломаниакальных

фантазий — вот в чем они состояли. Вот в чем.

Повернувшись, Карл побрел прочь от безмолвного гроба...»

Рейсс закрыл книгу и некоторое время неподвижно сидел. Несмотря на все свое отношение к прочитанному, он расстроился. Следовало бы посильнее прижать этих япошек, решил он про себя, чтобы пресечь распространение этой гнусной книги. Фактически, они откровенно умышленно потворствовали росту ее популярности. Ведь вполне можно было арестовать этого — как его там? Абендсена. Их влияние на Среднем Западе огромно.

И вот что больше всего его расстроило. Смерть Адольфа Гитлера, поражение и уничтожение Гитлера, партии и самой Германии, как описано в книге Абендсена... все это было сделано с этаким необыкновенным пафосом, скорее даже в старинном духе, по сравнению с тем, что происходило в реальном мире. Мире германской гегемонии.

Как могло так случиться, задумался Рейсс. Неужели это все сила писательского воображения?

* * *

Этим романистам известен миллион всяких фокусов. Взять, к примеру, доктора Геббельса, то,

как начинал он, занимаясь литературой. Обращаются к самым сокровенным желаниям, которые таятся в любом человеке, независимо от внешней респектабельности. Да, писатель знает человеческую натуру. Знает, насколько никчемны все эти людишки, чье поведение определяется работой желез в мошонке, которые со страху не знают, в какую щелку забиться, предают любое дело по причине своей алчности — все, что остается сделать писателю, это бить по барабану — а тот знай себе, откликается. А он, писатель, смеется, разумеется, втихомолку над тем эффектом, который производит.

Как он играет на моих чувствах, размышлял Рейсс, взывая к ним, а не к интеллекту. И, естественно, он намерен получить за это соответствующую плату — в деньгах все дело Очевидно, кто-то надоумил этого «Хундсфотта», проинструктировал его, что именно надо писать. Они напишут что угодно, когда знают, что им за это заплатят. Подбрось им любой набор бредней, а уж публика проглотит любое вонючее варево, если его соответственно подать. Где вышла эта пакость? Рейсс внимательно осмотрел книгу. Омаха, Небраска. Последний рубеж издательской индустрии прежних плутократических Соеди-

ненных Штатов, некогда располагавшейся в центральной части Нью-Йорка и оплачивавшейся еврейским и коммунистическим золотом…

Может быть, этот Абендсен — еврей?

Они все еще продолжают пытаться отравить нас. Это жидовская книга. Он с яростью захлопнул «Саранчу». Настоящая фамилия его, скорее всего, Абендштейн. Безусловно, СД к этому времени уже познакомилась с этой книгой.

Нет никакого сомнения в том, что нужно обязательно послать кого-нибудь в Скалистогорные Штаты нанести визит герру Абендштейну. Интересно, получил уже Краус фон Меер соответствующие инструкции на сей счет? Скорее всего, нет из-за неразберихи в Берлине. Все слишком заняты своими домашними делами.

Но эта книга, пришел к заключению Рейсс, очень опасна.

Если в дно прекрасное утро Абендштейна найдут висящим под потолком, это будет отрезвляющим предупреждением любому, кто мог попасть под влияние этой книги. Последнее слово должно остаться за нами. Мы должны написать послесловие.

Для этого потребуется, разумеется, человек белой расы. Интересно, что в наши дни делает

Скорцени?

Рейсс задумался, еще раз перечитал написанное на суперобложке. Этот кайк забаррикадировался в своем рыцарском замке. На дурачков рассчитывает, что ли? Того, кто пойдет достать его, это никак не остановит.

А может быть, это неразумная затея. Книга-то ведь, в конце концов, уже напечатана. Теперь уже слишком поздно. Да и территория эта находится под японской юрисдикцией… Эта желтая мелюзга поднимет ужасный гвалт.

Тем не менее, если бы только это проделать с умом, подготовившись соответствующим образом…

Фрейгерр Хуго Рейсс сделал пометку в настольном календаре. Переговорить на эту тему с генералом СС Отто Скорцени, или, что еще лучше, с Отто Олендорфом из III управления Госслужбы безопасности. Разве не Олендорф возглавлял Эйзентатц-группу Д?

И тогда вдруг как-то неожиданно, без всяких видимых причин, он испытал подлинный приступ бешенства. Я думал, что все это уже закончилось, сказал он самому себе. Неужели так будет продолжаться вечно? Война уже давно завершилась. И мы полагали, что тогда же покончено и

со всем этим. Но вот затем фиаско в Африке, это безумное воплощение Зейсс-Инквартом планов Розенберга.

Этот герр Хоуп прав в своих шутках относительно наших встреч с марсианами, подумал Рейсс. Марс населен евреями. Они нам видятся даже там. Даже, когда у них две отдельные головы и рост в один фут.

У меня есть масса повседневных обязанностей, решил он. У меня нет времени на любые безрассудные авантюры, на посылку эйнзатцкомандос за Абендсеном. У меня своих забот по горло — от встреч с немецкими моряками до ответов на шифрованные радиограммы. Пусть кто-нибудь повыше выйдет с инициативой подобного рода проектов — это их прямая обязанность.

Ведь если бы я раздул это дело, а оно не выгорело, то нетрудно представить, где бы я уже был — в заключении где-нибудь в Восточном генерал-губернаторстве, если не в газовой камере под струей Циклона-Б, цианистого водорода.

Протянув руку, он тщательно зачеркнул пометку на листе своего настольного календаря, затем вырвал его и сжег в керамической пепельнице.

Раздался стук, и дверь в кабинет отворилась. Вошел секретарь с пухлой пачкой бумаг.

— Речь доктора Геббельса. Полный текст. — Пфердехуф положил листы на стол. — Вы должны прочитать ее. Прекрасная речь. Пожалуй, одна из его лучших.

9

После двух недель почти непрерывной работы «ЭДФРЭНК — ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ НА ЗАКАЗ» закончила первую партию своих изделий. Они были выложены на двух демонстрационных дощечках, обтянутых черным бархатом, и все умещались в квадратной плетеной корзине японского происхождения. А еще Эд Маккарти и Фрэнк Фринк изготовили фирменные открытки. Для этого они использовали ластик из искусственного каучука, на котором вырезали название фирмы. С такой матрицы они отпечатали текст красной краской на открытках, а завершили их изготовление с помощью накатки из детского игрушечного печатного набора. Эффект — а они использовали высококачественную цветную плотную бумагу для рождественских открыток — оказался потрясающим.

Во всех отношениях работа была ими выполнена вполне профессионально. Тщательно осматривая свои ювелирные украшения, фирменные открытки и демонстрационные доски, они так и не заметили признаков любительской

работы. И почему они должны быть, — задумался Фрэнк Фринк, — ведь мы же оба профессионалы. Пусть и не настоящие ювелиры, но в тонком слесарном деле точно мастера на все руки.

На демонстрационных дощечках были выставлены самые разнообразные украшения: ручные браслеты из красной меди, латуни, бронзы и даже из вороненой стали горячей ковки. Подвески и кулоны, большей частью латунные, отделанные серебряным орнаментом. Серьги из серебра. Заколки из серебра или меди. Серебро обошлось им совсем недешево. Даже серебряный припой заметно истощил их финансовые ресурсы. Еще они приобрели некоторое количество полудрагоценных камней для украшения булавок: причудливые жемчужины, шпинели, желто-зеленые нефриты, осколки огненных опалов. Если дело пойдет на лад, они еще попробуют золото и, возможно, мелкие бриллианты.

Именно золото могло бы принести им солидную прибыль. Они уже начали выискивать источники золотого лома: переплавленные ювелирные изделия, не имевшие художественной ценности, — это было намного дешевле, чем покупать сортовое золото. Но даже в этом случае переход к золоту требовал огромных средств.

И все же одна золотая булавка принесет дохода больше, чем сорок латунных. Они могли бы запросить любую цену в розничной торговле за оригинально задуманную а соответственно исполненную золотую булавку — при условии, как на это указал Фрэнк, что вообще их изделия будут пользоваться спросом.

Пока что они еще не пробовали что-либо продать. Они решили, как им казалось, главные технические проблемы, сколотили верстаки и установили на них электроприводы, смонтировали приспособления для гибки и навивки, шпинделя для наждачных и полировальных кругов. По сути они располагали полным набором доводочных устройств, начиная с грубых сталепроволочных и медных щеток и кончая превосходными полировальными кругами из фетра, кожи, льняного холста, замши, которые можно было еще покрывать различными компаундами, начиная с корундовой крошки или пемзы и кончая наиболее мелкодисперсными пастами.

И, разумеется: обзавелись собственной газосварочной установкой, включая баки для ацетилена, кислородные баллоны, шланги, наконечники, редукторы, манометры, защитные маски. И еще великолепными инструментами для ювелирных

работ. Они приобрели щипцы германского и французского, производства, микрометры, алмазные сверла и ножовочные полотна, клещи, пинцеты, дополнительные зажимы для пайки, струбцины, тиски, полировочные суконки, ножницы, маленькие молоточки, откованные вручную, другой различный прецизионный инструмент. И запас присадочных прутков различного диаметра, металлический лист, звенья цепочек, прищепки для булавок и заколок. На все это ушло гораздо больше половины тех двух тысяч долларов. Но они организовали все по закону, у них было даже разрешение властей ТША. Оставалось только заняться реализацией своей продукции.

Никакой розничный торговец, подумал Фринк, рассматривая демонстрационные дощечки, не станет более придирчиво их изучать, выискивая недостатки, чем мы сами. Они и в самом деле выглядели очень неплохо, эти несколько отобранных образцов, каждый из которых прошел самую тщательную проверку, чтобы не было плохих паек, острых кромок или заусениц, пятнышек на поверхности... у них был отменно поставлен контроль качества. Малейшее потемнение полировки или царапинка от щетки было

достаточной причиной для возврата изделия в мастерскую. Мы не можем себе позволить показывать грубую или неоконченную работу. Одна незамеченная черная крапинка на серебряном ожерелье — и нам крышка.

В их перечне магазин Роберта Чилдэна числился первым. Но только Эд мог там показаться. Чилдэн определенно запомнил Фрэнка Фринка.

— Тебе не надо было заниматься сбытом наших изделий, — сказал Эд, но он уже смирился с тем, что на Чилдэна ему придется выходить самому. Он приобрел новый костюм, новый галстук, белую рубаху, чтобы произвести надлежащее впечатление. И тем не менее выглядел он очень скованно. «Я знаю, что товар у нас прекрасный», напомнил он самому себе вот уже в стотысячный раз, «Но чем черт...»

Большинство украшений были абстракциями — проволочные завитушки, петельки, различные переплетения тонких металлических нитей. Форму многих из них расплавленный металл принимал сам по себе. Некоторые производили впечатление тонкой паутины, воздушной невесомости. Другие же были массивными, прочными на вид, с какой-то даже варварской тяжеловесностью. Изделия поражали разнообразием форм,

если принять во внимание, сколь немного образцов лежало на бархатных дощечках. И тем не менее, Фринк понимал, что все, что мы здесь выложили, может купить всего лишь один магазин. По разу мы покажемся в каждом — если нас начнут преследовать неудачи. Но если нам будет сопутствовать успех, если нам удастся провести в жизнь намеченную линию, то заказов нам хватит на всю оставшуюся жизнь.

Вдвоем они уложили бархатные демонстрационные дощечки в плетеную корзину. Что-нибудь мы сможем получить за материал, успокаивал себя Фринк, если потерпим полную неудачу. И за приспособления, и за инструмент: мы, хоть потеряв, разумеется, сможем их распродать и тем самым что-нибудь вернуть.

Самое время посоветоваться с Оракулом. Спросить у него, чем завершится эта первая вылазка Эда с товаром? Но сейчас он слишком нервничает для этого. Это может вызвать неблагоприятные суждения Оракула, а он не ощущал в себе сейчас достаточно душевной стойкости, чтобы выдержать такое. В любом случае, жребий брошен. Образцы изготовлены, мастерская оборудована — что бы там не болтала «Книга перемен».

Она ведь не станет продавать за нас украше-

ния… она не сможет принести нам удачу.

— Я сначала попробую заинтересовать Чилдэна оригинальностью наших изделий, — сказал Эд. — Мы, возможно, все это и продадим ему. Но если не получится, то ты попытаешься заглянуть в еще несколько магазинов. Ты ведь тоже едешь со мною, не так ли? Останешься в кабине. Я припаркую пикап за углом.

Забираясь с плетеной корзиной в руке в кабину пикапа, Фринк подумал: один бог знает, какой с Эда продавец, да и с меня тоже. Чилдэну можно сбыть эти изделия, но, как они это называют, нужно надлежаще подать их.

Будь здесь Джулия, подумал он, она могла бы отправиться туда и все провернуть, не моргнув даже глазом. Она привлекательна, может заговорить кого угодно на свете, и она — женщина. А ведь это, в конце-то концов, женские украшения. Она могла бы примерить их прямо в магазине. Закрыв глаза, он пытался представить себе, как бы она выглядела, надев один из браслетов. Или одно из крупных ожерелий, как бы она смотрелась в нем вместе с ее черными волосами и светлой кожей, с ее грустными, все замечающими глазами… когда на ней будет серый тонкошерстный свитер, чуть-чуть тесноватый, а серебро будет

покоиться на ее обнаженной шее, металл будет подниматься и опускаться вместе с каждым ее вдохом и выдохом…

Боже, как ярко она стояла перед его мысленным взором, прямо сейчас. Вот она берет своими сильными, тонкими пальцами каждое сработанное ими изделие, внимательно рассматривает его, откидывает назад голову, чтобы выше поднять украшение. Проверяет его качество, всегда оставаясь первым контролером всего, что он делал.

Больше всего, решил он, пойдут ей серьги. Яркие, свободно свисающие, в особенности, латунные. Если заколет свои волосы сзади или подстрижет их коротко, чтобы были видны шея и уши. И мы бы могли сделать ее фотоснимки для рекламы образцов. Она бы выглядела потрясающе… у нее отличная кожа, очень чистая и здоровая, без складок или морщин и очень красивого цвета. Он с Эдом обсуждал подготовку издания каталога, который можно было бы рассылать по почте в магазины в других частях света. Согласится ли она, если мне удастся отыскать ее? Независимо от того, что она обо мне думает; наши личные взаимоотношения тут ни при чем. Это будет чисто деловое предложение.

А ведь для должного качества снимков придет-

ся пригласить профессионального фотографа. Это ей очень понравится. Тщеславие у нее, вероятно, осталось таким же сильным, что и всегда. Ей всегда очень нравилось, когда на нее смотрят, восхищаются ею. Кто угодно. Как мне кажется, большинство женщин точно такие же. Они страстно желают привлечь к себе внимание всегда и везде.

И вот еще о чем он подумал: Джулия никогда не могла оставаться одна; ей всегда нужно было, чтобы он был рядом с ней и непрерывно делал ей комплименты. Так и маленькие дети — стоит им почувствовать, что их родители не обращают никакого внимания на то, что они делают, как сразу же теряют интерес к своему занятию. Несомненно, она и сейчас заставляет какого-нибудь парня обращать на себя внимание. Говорить ей, какая она красивая. Какие у нее ноги, какой гладкий ровный живот…

— В чем дело? — спросил Эд, глядя на него. — Нервничаешь?

— Нет, — сказал Фринк.

— Я не намерен стоять там чурбан чурбаном, — сказал Эд. — У меня есть парочка собственных задумок. Меня совсем не пугает это шикарное место и то, что пришлось на себя напялить этот

модный костюм. Признаюсь, не люблю наряжаться. Признаюсь, что не очень-то удобно себя чувствую. Но это все не имеет ни малейшего значения. Я все равно намерен туда пойти и показать этому олуху, какая первоклассная у нас продукция.

Как это любезно с твоей стороны, подумал Фринк.

— Черт, если ты мог туда пойти и уверить его, что ты якобы поверенный японского адмирала, то и я вполне в состоянии уговорить его, что на самом деле настоящие ювелирные изделия ручной работы, продукт творчества, что это…

— Ручной выделки, — поправил его Фрэнк.

— Да. Ручной выделки. Так вот что я имею в виду. Я пойду туда и не уйду, пока не докажу, что это стоит его денег. Он должен будет купить. Если же он этого не сделает, то он на самом деле болван. Я уже присмотрелся — в продаже нигде нет ничего подобного тому, что мы предлагаем. Боже, когда я думаю о том, что он, может быть, посмотрит и ничего не купит — я злюсь настолько, что меня начинает трясти.

— Скажи ему обязательно, что это не гальванопокрытия, а высшего качества полировка, — сказал Фринк. — Что медь у нас — это настоящая

медь, а латунь — настоящая латунь.

— Позволь мне самому придумать, что и как ему говорить, — сказал Эд. — У меня есть пара по-настоящему превосходных идей.

Фринк задумался: я мог бы взять парочку образцов — Эд даже не заметит — упаковать их и послать Джулии. Пусть узнает, чем я сейчас занимаюсь. Почтовые чиновники разыщут ее. Я пошлю заказную бандероль по последнему известному мне адресу. Что она скажет, когда развернет пакет? Надо вложить туда записку, в которой я объясню, что это я сам изготовил; что я теперь партнер в одном небольшом бизнесе, связанном с созданием новых оригинальных женских украшений. Я распалю ее воображение, постараюсь так рассказать об этом, чтобы ей захотелось узнать больше, чтобы у нее появился интерес. Расскажу о драгоценных металлах и поделочных камнях. О тех местах, куда мы рассылаем эти украшения, в какие шикарные магазины…

— Он где-то здесь? — спросил Эд, притормаживая пикап. Сейчас они были в самой гуще уличного транспорта в центральной части города; коробки зданий затемняли небо. — Я, пожалуй, припаркуюсь.

— Еще пять кварталов, — сказал Фринк. — У тебя есть сигареты с марихуаной? Одна такая не помешала бы, чтобы успокоиться.

Фринк протянул ему пачку «Чиен-лаис», что означало «Музыка сфер», к этому сорту он пристрастился еще в «У-М Корпорейшн».

Я уверен в том, что она живет с кем-нибудь, подумал Фринк. Спит с ним. Будто она его жена. Я знаю Джулию. Иначе ей не прожить. Я знаю, какой она бывает с наступлением ночи. Когда становится холодно и темно, и все разбредаются по домам. Собираются в своих жилищах. Она не создана для одиночества. Как и я, отметил он про себя.

А может быть, у нее и в самом деле славный парень. Какой-нибудь робкий научный работник, которого она же сама и подцепила. Джулия как раз для такого рода молодого человека, у которого никогда не хватает смелого подхода к женщине. Она не грубая и не распущенная. Знакомство с такой, как она, это удача. Я очень надеюсь, что она не с каким-нибудь стариком — опытным и развращенным, который издевается над ней, не выпуская зубочистки из угла рта — вот этого я бы не смог перенести.

Он почувствовал, что начал тяжело дышать,

представляя себе волосатого мясистого мужлана, крепко закабалившего Джулию, сделавшего жизнь ее убогой и несчастной… Я знаю, что она в конце концов кончит тем, что убьет себя, если не найдет подходящего мужчину — нежного, чуткого, доброго, такие часто встречаются среди ученых, который был бы в состоянии понять все ее трудности, с которыми она сталкивается.

Я был слишком грубым с нею, подумал он. Но я не такой уж плохой, сколько есть мужчин гораздо хуже, чем я. Я всегда мог угадать, о чем думает, чего хочет, когда она начинала дурить или когда у нее было плохое настроение или меланхолия. Я так долго заботился о ней, стараясь ей угодить. Но этого оказалось недостаточно. Она заслуживала большего. Она заслуживает куда большего.

— Я ставлю машину, — сказал Эд. Он нашел подходящее место и теперь давал задний ход, оглядываясь через плечо.

— Послушай, — обратился к нему Фринк, — можно сделать парочку образцов моей жене?

— А я и не знал, что ты женат, — занятый всецело установкой машины, Эд ответил ему чисто машинально. — Разумеется, но только не из серебра.

Эд заглушил мотор пикапа.

— Вот здесь, — сказал он. Дыхнув дымом марихуаны, загасил окурок о крыло и швырнул его на пол кабины. — Пожелай мне удачи.

— Ни пуха, ни пера, — сказал Фрэнк Фринк.

— Вот, послушай. На обороте сигаретной пачки есть одна строфа японской «вака». — Эд вслух прочел стих, стараясь перекричать шум уличного движения:

Услышав крик кукушки,
Я поднял взор туда,
Откуда он пришел;
И что же я увидел —
Только бледную луну
На предрассветном небе.

Он вернул пачку «Чиен-лаис» Фринку и произнес:

— К черту! — после чего хлопнул Фринка по спине, ухмыльнулся, открыл дверцу, подхватил плетеную корзину и вышел из пикапа.

— Я разрешаю тебе бросить десять центов в счетчик, — сказал он, становясь на тротуар.

Еще через мгновенье он затерялся среди других пешеходов.

Фринк вышел из кабины и бросил монету в

прорезь счетчика.

Джулия, подумал он, ты так же одинока, как и я?

Я боюсь всей этой затеи с ювелирным промыслом. Что, если из этого ничего не выйдет? Именно так считает Оракул. Слезы, вопли, ругань…

Мужчина смело смотрит в лицо сгущающимся теням своей жизни. На своем пути к могиле. Будь она здесь, все было бы не так уж плохо. И вообще, не было бы так плохо.

Я боюсь, понял он. Предположим, Эд не продаст ни единого предмета, предположим, нас засмеют?

Что тогда?

* * *

На простыне, постланной на полу комнаты, Джулия лежала с Джо Чиннаделла, повернув его прямо перед собою. Было тепло и душно от полуденного солнца. Их тела стали влажными от обильного пота. Капля, скатившись со лба Джо, задержалась на мгновенье на его скуле, затем упала ей на горло.

— С тебя все еще капает, — прошептала она.

Он ничего не ответил. Дыхание у него было медленным, глубоким, монотонным… как дыха-

ние океана, подумала она. У нас внутри ничего нет, кроме воды.

— Ну как? — спросила она.

Он пробормотал, что это было просто здорово.

Еще бы, подумала Джулия. Я тоже так думаю. А теперь нам обоим надо подниматься, приводить себя в порядок. Но разве это плохо? Что это, признак подсознательного неодобрения?

Он пошевелился.

— Ты встаешь? — Она еще теснее прижала его к себе обеими руками. — Не надо. Подожди еще.

— Разве тебе не нужно идти в спортзал?

Я не пойду ни в какой спортзал, твердо решила она в душе. Неужели ты не догадываешься? Мы пойдем куда-нибудь. Мы не будем здесь больше оставаться. Но это будет такое место, где мы еще не были раньше. Пора.

Она почувствовала, как он начинает потягивать назад туловище, становясь на колени, почувствовал, как скользят ее ладони вдоль его влажной, скользкой спины. Затем услышала, как он пошел, шлепая по полу босыми ногами. В ванную, куда же еще.

Вот и кончилось, подумала она. Хорошо как. Она тяжело вздохнула.

— Я слышу, — донесся голос Джо из ванной. —

Как ты стонешь. Вечно недовольная. Разве не так? Тревога, страх и подозрение в отношении меня и всего остального на свете… — Он на несколько мгновений показался из ванной, весь в мыльной пене, лицо его так и сияло. — Ты не возражаешь, если мы укатим?

У нее участился пульс.

— Куда?

— В какой-нибудь большой город. Что ты скажешь, если подадимся на север, в Денвер? Я вытащу тебя. Куплю билет на концерт, зайдем в приличный ресторан, покатаемся на такси, достану тебе вечернее платье и всякое другое, что тебе понадобится. О'кей?

Она едва могла поверить ему, но ей очень хотелось. Она старалась поверить.

— На этот твой «студебеккер» можно положиться? — спросил Джо.

— А почему бы нет? — таким же тоном ответила она.

— Нам обоим надо купить приличную одежду, — сказал он. — Доставить себе удовольствие, может быть, в первый раз за всю свою жизнь. А заодно и не дать тебе совсем расклеиться.

— А где мы возьмем деньги?

— У меня есть, — сказал Джо. — Глянь в мой

саквояж. — Он прикрыл дверь ванной. Шум падающей воды заглушил остальные его слова.

Открыв кухонный стол, она извлекла небольшой саквояж весь в пятнах и вмятинах. И точно, в одном из углов она нашла конверт. В нем были купюры рейхсбанка, все крупного достоинства и имеющие хождение где угодно. Значит, мы можем гульнуть, наконец-то поняла она окончательно. Может быть, он совсем не собирается водить меня за нос. Как бы я хотела забраться к нему под череп и посмотреть, что там, подумала она, пересчитывая деньги.

Под конвертом она увидела огромную цилиндрической формы авторучку, так во всяком случае ей показалось. Главным образом из-за того, что у нее был соответствующий зажим. Но она была очень тяжелой. Сгорая от любопытства, Джулия вынула ее, отвинтила колпак. Так и есть, у ручки золотое перо. Вот только…

— Что это? — спросила она, увидев выходящего из ванной Джо.

Он отобрал у нее ручку, осторожно положил ее назад в саквояж. Это не ускользнуло от ее внимания и это привело ее в недоумение.

— Опять болезненные страхи? — заметил Джо. Он показался ей каким-то беспечным, гораздо

более беззаботным, чем за все то время, что она провела с ним. Издав одобрительный возглас, он восторженно обхватил ее за талию, затем поднял на руки, стал раскачивать из стороны в сторону, глядя ей прямо в лицо, обдавая своим жарким дыханием и сжимая все крепче и крепче, пока она не взмолилась.

— Нет… только… я не умею так сразу… Я все еще немного побаиваюсь тебя, подумала она. Так напугана, что даже не могу сказать об этом.

— Туда, в окно, — вскричал Джо, пересекая всю комнату с ней на руках. — Вот туда мы и пойдем.

— Пожалуйста, произнесла она.

— На волю. Послушай — мы устроим демонстрацию, такую, как в Риме. Ты, наверное, помнишь. Впереди всех шествовал дуче, ведя за собой таких, как, например, мой дядюшка Карло. А мы устроим совсем небольшую демонстрацию, не такую пышную, которую не отметят в учебниках истории. Верно? — Наклонив голову, он поцеловал ее прямо в рот, так яростно, что их зубы стукнулись друг об друга.

— Ох, как будем мы прилично выглядеть в своих новых одеждах. И ты не сможешь точно объяснить, что я должен говорить, как себя вести. Идет? Учить меня хорошим манерам. Идет?

— Ты говоришь вполне правильно, — заметила Джулия. — Даже лучше, чем я.

— Нет. — Он неожиданно стал серьезным. — Я говорю очень плохо. У меня на самом деле очень сильный акцент вопа. Разве ты сама этого не заметила, когда впервые встретилась со мною в кафе?

— Заметила, — сказала она, однако это не казалось ей чем-то существенным.

— Только женщине дано знать все условности, принятые в обществе, — сказал Джо, перенес ее назад и почти что уронил на кровать, да так неожиданно, что она даже испугалась, подброшенная вверх пружинами. — Не будь женщин, мы только и говорили бы о гоночных автомобилях и лошадях и рассказывали друг другу похабные анекдоты. Ни малейшей цивилизованности.

У тебя какое-то странное настроение сегодня, подумала Джулия. Такой неугомонный, такой настороженный — пока не принял решение трогаться дальше. А теперь чуть ли не до потолка прыгаешь. Неужели я в самом деле тебе нужна? Ты ведь можешь в любую минуту бросить меня, оставить здесь. Такое уже случалось со мною раньше. Я бы тебя бросила точно, если бы уезжать

нужно было мне.

— Это твоя зарплата? — спросила она, пока он одевался. — И долго ты ее копил? Ведь здесь так много. Разумеется, на востоке в самом деле хорошо платят. Все другие водители грузовиков, с которыми мне доводилось разговаривать, никогда не упоминали о таких…

— Ты думаешь, я водитель грузовика? — перебил ее Джо. — Послушай. Я болтаюсь в этой железяке не для того, чтобы крутить баранку, а чтоб охранять от бандитов. Делаю только вид, что водитель, посапывая в кабине. — Плюхнувшись в стоявшее в углу комнаты кресло, он откинулся назад, прикидываясь спящим, с отвисшей нижней челюстью и обмякшим телом. — Видишь?

Поначалу она ничего не увидела. А затем лишь до нее дошло, что в руке у него нож, такой тонкий, как вертел, на котором пекут картошку.

Боже мой, подумала она, только этого еще не хватало. И откуда же он взялся? Из рукава, что ли? То ли прямо из воздуха!

— Вот почему эти ребята из «фольксвагена» наняли меня. Хороший послужной список. Мы защищались от Хезелдэйна, его диверсантов. И мы взяли его. — Его черные глаза вспыхнули и он ухмыльнулся, глядя на Джулию. — Догадыва-

ешься, кто достал полковника, тогда, под конец, когда мы подхватили его на берегу Нила — его и еще четверых из его группы, прятавшейся далеко в пустыне много месяцев после окончания каирской битвы? Они как-то совершили на нас налет, им позарез нужен был бензин. Я был часовым тогда. Хезелдэйн подкрался, вымазав черным все лицо и тело, даже руки. При них не было тогда проволоки, при помощи которой они с такой жестокостью душили, только гранаты и автоматы. Все слишком шумное. Он пытался сломать мне шею. Я прикончил его. — Джо, смеясь, выпрыгнул из кресла и бросился к ней. — Давай собираться. Скажи своим в спортзале, что берешь на несколько дней отпуск. Позвони им.

Его рассказ звучал не очень-то убедительно. Возможно, он вообще не бывал в Северной Африке, да и не принимал участия в войне на стороне держав Оси, вообще нигде не воевал. Какие бандиты? Это ее очень насторожило. Еще ни один грузовик, насколько ей было известно, не проезжал через Кэнон-Сити, следуя с Восточного побережья с вооруженным профессиональным бывшим солдатом в качестве охранника. Возможно, он даже никогда и не жил в США, все придумал с самого начала и до конца. Чтобы

привлечь ее, заставить заинтересоваться своей особой, выглядеть поромантичнее.

Возможно, он просто не в своем уме, подумала Джулия. Забавно… Я могу сейчас сделать то, что я много раз проделывала: воспользоваться своими навыками дзюдо для самозащиты. Чтобы спасти свою невинность, что ли? Свою жизнь, поняла она. Но скорее всего, он всего лишь несчастный бедняк-воп, всю жизнь разгребавший грязь и вот теперь возмечтавший о триумфе. Ему хочется шикануть на всю катушку, потратить все свои деньги, промотать их — а затем вернуться к своему обычному нужному существованию. И для этого ему нужна девушка.

— О'кей, — сказала она. — Я позвоню в спортзал. — Проходя в сени, она подумала: он купит мне дорогой наряд, а затем поведет в какой-нибудь роскошный отель. И какой же мужчина не жаждет обладать по-настоящему шикарно одетой женщиной, даже перед своей смертью, даже если ему придется покупать ей наряды! Этот загул, возможно, был для Джо Чиннаделла мечтой всей его жизни. А он парень неглупый — держу пари, что он прав в своем анализе моего характера — у меня просто патологический страх перед всем тем, что характерно для мужского начала. Фрэнк

догадывался об этом тоже. Именно поэтому мы с ним разошлись. Вот почему я испытываю сейчас такое беспокойство, такое недоверие…

Когда Джулия вернулась из телефона-автомата, то увидела, что Джо снова всецело уткнулся носом в «Саранчу», то и дело хмурясь при чтении, забыв обо всем остальном на свете.

— Дашь мне почитать? — спросила она.

— Может быть, пока буду сидеть за рулем, — сказал Джо, не отрывая глаз от книги.

— Ты собираешься сесть за руль? Но ведь это же моя машина?

Он ничего не ответил, продолжая читать дальше.

* * *

Подняв голову над кассовым аппаратом, Роберт Чилдэн увидел вошедшего в магазин высокого худого темноволосого мужчину. На нем был далеко уже не модный костюм, в руке большая плетеная корзина. Бродячий торговец, коммивояжер, однако на лице не было характерной для его профессии приветливой улыбки. Наоборот, его изможденное лицо было мрачным, печальным, замкнутым. Он больше похож на водопроводчика или электромонтера, решил Чилдэн.

Рассчитавшись с одним из своих заказчиков, Чилдэн позвал мужчину.

— Кого вы представляете?

— «Ювелирные изделия ЭДФРЭНК», — промямлил он в ответ и поставил свою корзину на один из прилавков.

— Никогда не слышал о таких. — Чилдэн стал медленно прохаживаться по магазину, пока посетитель отстегивал верхнюю крышку корзины и, делая много лишних движений, открывал ее.

— Эти изделия представляют американское прикладное искусство. Современное. Ручной выделки. Каждое уникальное в своем роде. Каждое подлинное. Медь, латунь, серебро. Даже вороненная сталь горячей ковки.

Чилдэн заглянул в корзину. Металл на черном бархате. Это что-то новенькое.

— Спасибо. Но у меня совсем другой профиль. — И отрицательно покачав головой, Чилдэн вернулся назад, к кассе.

Какое-то время мужчина стоял, не зная, как ему быть с его бархатными демонстрационными досками и корзиной. Он и не вынимал дощечки из корзины, и не укладывал их аккуратно на прежнее место. У него, казалось, не было ни малейшего представления о том, что ему делать. Скрестив

руки на груди, Чилдэн молча наблюдал за ним, одновременно размышляя о других различных насущных делах. В два часа у него свидание, на котором он должен показать старинные чашки. Затем в три — еще одна партия товаров возвращается из лаборатории Калифорнийского университета после проверки на их подлинность. Последние две недели он непрерывно продолжал отправлять на проверку различные товары из своего магазина. После того злополучного происшествия с «Кольтом-44».

— И это не гальванопокрытия, — произнес мужчина с корзиной, подняв в руке браслет. — Чистая красная медь.

Чилдэн кивнул, ничего не ответив. Постоит он еще здесь какое-то время, перетасовывая свои безделушки, но в конце концов отправился восвояси.

Зазвонил телефон. Чилдэн поднял трубку. Один из заказчиков интересовался в отношении старинного кресла-качалки, которое Чилдэн взялся отремонтировать. Оно еще не было готово, и ему пришлось на ходу сочинять убедительную историю. Глядя на улицу через стекло витрины, он утешал и заверял клиента. В конце концов, заказчик повесил трубку.

У него не было сомнений в отношении этого кресла, но инцидент с «Кольтом-44» изрядно потрепал ему нервы. Он уже больше не обозревал имеющиеся у него товары с тем же благоговением, как раньше. Крупицы знания такого рода западают очень глубоко. Это как воспоминания о первых пробуждениях детского сознания, о фактах собственной жизни.

Устанавливая связь с нашими прежними временами — здесь оказывалась вовлеченной не просто история США, а события нашей собственной биографии. Так как если бы мог возникнуть вопрос о подлинности своего собственного свидетельства о рождении. Или наших представлений о родителях.

Может быть, я в самом деле не помню, например, Франклина Делано Рузвельта. Помню искусственно созданный образ, синтезированный из различных мнений и толков. Миф, незаметно имплантированный в ткани мозга. Подобно мифу о Хепплуайте. Мифу о Чиппендейле. Или, скорее, о скатертях, на которых обедал Авраам Линкольн. Пользовался вот этим старинным серебряным ножом, вилкой, ложкой. Этого уже нельзя увидеть воочию, но факт остается фактом.

Все еще бесцельно вертя в руках свои дощечки

и корзину, мужчина робко произнес:

— Мы можем изготавливать изделия на заказ. По наметкам заказчика. У кого-либо из ваших клиентов есть свои собственные наметки?

Голос его был каким-то сдавленным. Он нерешительно прочистил горло, глядя пристально то на Чилдэна, то на безделушку, которую вертел в руке, очевидно, не зная, как покинуть магазин.

Чилдэн улыбнулся, но предпочел промолчать.

Какое мне до него дело? Пусть сам, как хочет, выпутывается из этого положения. Сохранив лицо или нет.

Он представлял себе трудности этого человека, неудобство, испытываемое им. Не таким, как он, быть коммивояжерами. Мы все страдаем в этой жизни. Взгляните-ка на меня. Приходится целый день убивать на некоторых японцев, таких, например, как мистер Тагоми. Которые всего лишь малейшим изменением интонации своего голоса умудряются больно щелкнуть меня по носу, показать всю никчемность моего существования.

И вот тут-то и мелькнула у него в голове весьма неплохая мысль. Парень этот явно неопытен. Стоит только поглядеть на него. Может быть, я смогу взять у него кое-что на комиссию. Надо попытаться.

— Эй, — окликнул его Чилдэн.

Мужчина быстро повернулся, неторопливо приближаясь к нему, продолжая держать руки скрещенными на груди, Чилдэн произнес:

— Похоже, вы у меня здесь уже добрых полчаса. Я ничего вам не обещаю, но вы можете выложить некоторые из своих предметов. Отодвиньте в сторону вот эти несколько подставок с галстуками. — Он показал рукой какие.

Кивнув, посетитель стал расчищать место на прилавке. Он снова открыл корзину и начал возиться с бархатными дощечками.

Сейчас он выложит все, что у него есть, без тени сомнения решил Чилдэн. Будет старательно перекладывать их целый час. Суетиться и приводить в порядок, пока все не окажется на виду. Надеясь. Молясь в душе. Наблюдая за мною краешком глаза каждую секунду. Чтобы заприметить, не проявляю ли я хоть какой-нибудь интерес. Самый что ни на есть малейший.

— Когда вы их выложите, — сказал Чилдэн, — если я буду не слишком занят, я гляну на них.

Мужчина заработал так лихорадочно, будто его ужалили. В магазин зашло несколько покупателей, и Чилдэн радушно поприветствовал их. Теперь он все свое внимание обращал на

удовлетворение их желаний, начисто позабыв о коммивояжере, который трудился над своей экспозицией. Тот же, оценив ситуацию, стал более скрытным в своих движениях, старался все делать так, чтобы не бросаться в глаза. Чилдэн продал кружку для бритья, почти что продал плед ручной работы, взял задаток за вязаный шерстяной платок. Шло время, покупатели наконец разошлись. Снова в магазине никого не было, кроме этого торговца и его самого.

Коммивояжер закончил свои приготовления. Весь набор его украшений лежал на черном бархате.

Лениво подойдя к нему, Роберт Чилдэн закурил «Страну улыбок» и стал, мурлыкая что-то себе под нос, покачиваться вперед-назад на пятках. Коммивояжер застыл в ожидании. Оба они молчали.

Наконец Чилдэн протянул руку и показал одну из булавок.

— Вот эта мне нравится.

Торговец тут же быстро заговорил.

— Прекрасная работа. Вы здесь не найдете ни одной царапинки от проволочной щетки. Все отполировано особой пастой. И она не потускнеет со временем. Мы покрыли все тончайшим слоем синтетического лака методом напыления, чтобы

она могла служить много лет. Это самый лучший из изготовляемых промышленностью лаков, какой только можно достать.

Чилдэн слегка кивнул.

— Чего мы здесь достигли, — продолжал торговец, — это приспособили надежные и хорошо зарекомендовавшие себя в промышленности технологические приемы для изготовления ювелирных изделий. Насколько мне известно, никто еще не делал этого прежде. Здесь нет никакой штамповки или литья по моделям. Все металлом по металлу. Пайка и сварка. — Он сделал паузу. — Оборотная сторона многих изделий хорошо облужена.

Чилдэн выбрал два браслета. Затем заколку для волос. Еще одну булавку. Он подержал их в руке какое-то время, затем отложил в сторону.

Лицо коммивояжера слегка дернулось. В надежде.

Приглядевшись к ярлычку с ценой на ожерелье, Чилдэн спросил:

— Это…

— Розничная цена. С вас мы возьмем пятьдесят процентов от нее. И если вы приобретете, скажем, долларов на сто или около того, мы предоставим вам еще дополнительную двухпроцентную

скидку.

Один за другим Чилдэн отложил в сторону еще несколько предметов. С каждым новым отобранным им образцом торговец все более оживлялся. Он говорил все быстрее и быстрее, стал в конце концов повторяться и даже произносить всякие глупости, причем все это вполголоса и очень настойчиво. Он уже в самом деле считает, понял Чилдэн, что ему удастся продать все это. Его же собственное лицо оставалось непроницаемым. Он продолжал затеянную им игру в подборе изделий.

— Вот это особенно хороший экземпляр, — монотонно продолжал торговец, когда Чилдэн выудил большую подвеску и прекратил свои поиски. — Насколько я понимаю, вы собрали самое лучшее, чем мы располагаем. Все самое лучшее. — Он рассмеялся. — У вас действительно отменный вкус. — Взгляд его тут же стал каким-то отрешенным. Он, наверное, подбивал в уме стоимость предметов, выбранных Чилдэном. Общую сумму сделки.

— В отношении товаров, спрос на которые нам известен, мы придерживаемся комиссионной торговли, — заметил Чилдэн.

В течение нескольких секунд торговец никак

не мог сообразить, что же это означало. Он перестал говорить и устремил свой взор в Чилдэна, не в силах понять сказанное.

Чилдэн улыбнулся ему.

— Комиссионной торговли… — наконец эхом повторил торговец.

— Вы предпочитаете не оставлять их? — спросил Чилдэн. Запинаясь, мужчина в конце концов выговорил: — Вы хотите сказать, что я их оставлю, я вы со мною рассчитаетесь после того, как…

— Вы получаете две трети от суммы, вырученной после продажи этих предметов. Таким образом вы заработаете гораздо больше. Разумеется, придется подождать, но… — Чилдэн пожал плечами. — Дело ваше. Я, может быть, кое-что из этого выставлю на главной витрине. И если будет спрос, тогда, возможно, примерно через месяц, посмотрим в отношении следующего заказа: пожалуй, сможем приобретать кое-что непосредственно.

Торговец к этому времени потратил гораздо больше часа на выставку своих товаров, понял Чилдэн. И он выложил все до конца. Теперь все изделия нужно расставить по местам и надлежащим образом закрепить. На то, чтобы привести все в порядок, чтобы можно было показывать эти

изделия еще где-нибудь, у него уйдет не меньше часа работы. Воцарилась тишина. Оба молчали.

— Вот те образцы, что вы отложили в сторону… — тихо промолвил торговец. — Это именно то, что вы хотите?

— Да. Я позволю вам оставить их все у меня. — Чилдэн неторопливо направился в служебную часть магазина. — Я выпишу накладную, чтобы у вас был перечень всего, что вы мне оставили. — Возвращаясь со своей учетной книгой, он добавил. — Вы понимаете, что когда товар оставляется в магазине на комиссию, администрация магазина не несет ответственности за его пропажу или порчу. — Он протянул мужчине отпечатанный на ротапринте бланк на подпись. В тексте говорилось, что магазин не отвечает за оставленный на комиссию товар. При возврате непроданных товаров, если какие-то из них будут обнаружены — они, должно быть, украдены, решил про себя Чилдэн. Всегда в магазинах случаются кражи товара. Особенно таких мелких изделий, как ювелирные.

Ни при каких обстоятельствах Роберт Чилдэн не мог остаться внакладе. Ему не надо платить за безделушки этого торговца. Ему вообще не надо тратиться на эти изделия. Если же кое-что из

них будет продано, у него будет прибыль, а если нет — он просто вернет все это — или все то, что еще можно будет найти, при том еще неизвестно когда.

Чилдэн заполнил накладную, перечислив все предметы, подписал ее и один экземпляр протянул продавцу.

— Можете позвонить мне, — сказал он, — примерно через месяц. Чтобы узнать, имеется ли спрос.

Забрав понравившиеся ему украшения, чилдэн ушел в подсобку, оставив коммивояжера собирать остальные изделия.

Не уверен, что у него что-нибудь из этого выйдет. Никогда нельзя предугадать заранее. Но попытаться все равно стоит.

Когда он в следующий раз глянул в сторону продавца, то увидел, что тот собирается уходить. Плетеная корзина была уже у него подмышкой, а прилавок очищен. Продавец направлялся к нему, что-то протягивая.

— Слушаю? — произнес Чилдэн. Он как раз сейчас просматривал почту.

— Я хочу оставить вам нашу визитную карточку. — Продавец положил на стол Чилдэна весьма странный на вид квадрат бумаги серого

и красного цветов. — «ЭДФРЭНК — ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ НА ЗАКАЗ». Здесь есть наш адрес и номер телефона. На тот случай, если захотите связаться с нами.

Чилдэн поклонился, молча улыбнулся и снова углубился в разбор корреспонденции.

Когда он снова решил позволить себе передышку и поднял глаза, магазин был пуст. Коммивояжер ушел.

Бросив монетку в настенный автомат, Чилдэн налил себе чашку горячего чая мгновенной заварки и стал медленно его прихлебывать, размышляя над случившимся.

Интересно, будет ли спрос на эти украшения? Весьма маловероятно. Но сделаны они довольно искусно. И ничего подобного еще не наблюдалось. Он внимательно осмотрел одну из заколок. Просто потрясающая вещица. Работа явно не любительская.

Я сменю ярлычки. Проставлю более высокие цены. Буду напирать на то, что это ручная работа. И уникальная. Оригинальный дизайн. Маленькие абстрактные скульптуры. Носите произведения искусства. Изысканные творения на вашем лацкане или запястье.

И еще одна мысль никак не выходила из го-

ловы Роберта Чилдэна, а наоборот, занимала все большее место. В этих изделиях совершенно отсутствует проблема подлинности. А именно, эта проблема когда-нибудь вызовет крах всей подпольной промышленности, изготовляющей исторические американские изделия прикладного искусства. Не сегодня и не завтра — позже, одному Богу известно когда.

Лучше не браться за слишком много дел сразу. Этот визит еврея-мошенника. Это могло быть предвестником. Если я потихоньку поднакоплю изрядный запас неисторических предметов современных изделий без историчности в них, подлинной или фальшивой, я, возможно, окажусь впереди других конкурентов. И пока что это мне ничего не будет стоить…

Откинувшись к спинке стула, он продолжал прихлебывать чай и размышлять. Момент меняется. Нужно быть готовым, чтобы измениться вместе с ним. Иначе можно оказаться на мели. Надо приспосабливаться.

Закон выживания, подумал он. Зорко следи за тем, как развивается ситуация вокруг тебя. Изучай ее требования. И удовлетворяй их. Всегда оказывайся в нужное время в нужном месте и делай нужное дело.

Поступай в духе «инь». Восточный люд это знает. Эти хитрые иньские черные глазенки…

Внезапно его осенило — он тут же выпрямился. Одним махом двух зайцев. Вот так. Он возбужденно вскочил с места. Осторожненько заверни лучшие из украшений (не преминув, разумеется, снять ярлычки). Заколку, подвеску или браслет. Что-то, в любом случае, отменное. Затем — поскольку придется покинуть магазин, закрывай его в два часа, прямо сейчас — и прямиком к дому, где живут Казоура. Мистер Казоура Пол будет работать. Зато миссис Казоура, Бетти, скорее всего, будет дома.

Вот вам подарок это новое оригинальное произведение американского искусства. Тут же парочку комплиментов в ее адрес от себя лично, чтобы завоевать благосклонность. Вот так и вводится новая мода. Ну, разве не прелесть? В магазине еще целая подборка аналогичных изделий. Заходите и так далее. Вот это для вас, Бетти.

Он задрожал. Только она и я, больше никого в квартире. Муж на работе. Вот такие-то превратности судьбы. Лучшего предлога не сыскать.

Воздуха!

Достав небольшую коробочку, упаковочную бумагу и декоративную ленту, Роберт Чилдэн начал

готовить подарок для миссис Казоура. Смуглой красавицы. Стройной в своем шелковом восточном одеянии на высоких каблуках… Или сегодня на ней голубой хлопчатобумажный брючно-пиджачный костюм в стиле «кули». Очень легкий, удобный, такой домашний.

Или это слишком уж смело. Муж Пол будет раздосадован этим. Разнюхает причину и поступит дурно. Лучше зайти с другого конца. Сделать подарок ему, в его конторе? Изложить примерно такую же историю, но ему. А уж он пусть и передает подарок ей. Это не вызовет подозрений. А тогда уже, подумал Чилдэн, я позвоню Бетти на следующий день или через несколько дней и узнаю, какое впечатление на нее произвел подарок.

Еще воздуха!!!

* * *

Когда Фрэнк Фринк увидел, как понуро бредет по тротуару его партнер, он сразу же догадался, что у него ничего не вышло.

— Что случилось? — спросил он, принимая у Эда корзину и ставя ее на пол кабины. — Господе Иисусе, ты пропадал целые полтора часа. Неужели у него ушло столько времени на то, чтобы сказать тебе «нет»?

— Он не сказал «нет», — ответил Эд. У него был усталый вид. Он забрался в кабину и сел.

— Что же тогда он сказал? — открыв корзину, Фринк увидел, что не хватает многих предметов, притом самых лучших. — В чем же дело?

— Взял на комиссию, — сказал Эд.

— И ты ему позволил? — он не мог поверить этому. — Ведь мы же договаривались…

— Сам не пойму, как это получилось.

— Господе Иисусе, — взмолился Фринк.

— Извини меня. Он спрашивал так, будто намерен был купить. Выбрал много. Я решил, что он покупает.

Они еще долго сидели вместе в кабине пикапа и ничего не говорили…

10

Для Бейнса последние две недели тянулись мучительно долго. Он ежедневно звонил из своего номера гостиницы в торговую миссию, интересуясь, не появился ли пожилой господин. Ответ неизменно был отрицательным. Голос Тагоми с каждым днем становился все более сдержанным и официальным. Собираясь позвонить в шестнадцатый раз, Бейнс подумал, что рано или поздно, ему скажут, что мистер Тагоми отсутствует. Или, что он больше уже не отвечает на мои звонки. И тем дело закончится.

Что же произошло? Куда запропастился мистере Ятабе?

У него было одно весьма правдоподобное предложение. Смерть Мартина Бормана привела Токио в состояние оцепенения. Мистер Ятабе несомненно был уже неподалеку от Сан-Франциско, всего лишь в одном-двух днях морского плаванья, когда к нему поступили новые инструкции: вернуться на острова метрополии для проведения дальнейших консультаций.

Мне очень не повезло, подумал Бейнс, возмож-

но, даже фатально не повезло.

Но он вынужден был оставаться там, куда прибыл, в Сан-Франциско, все еще не прекращая попытки добиться встречи, куда он добрался из Берлина на ракете «Люфтганзы» за сорок пять минут. И вот такое невезение. В очень своеобразную эпоху мы живем. Мы способны путешествовать куда только не пожелаем, даже на другие планеты. И все ради чего? Чтобы сидеть здесь бездействуя, день за днем все больше падая духом и теряя надежду, впадая в бесконечную апатию. А тем временем другие не дремлют, они не сидят, сложа руки, безнадежно добиваясь.

Бейнс развернул дневной выпуск «Ниппон Таймс» и еще раз прочитал заголовки:

> «ДОКТОР ГЕББЕЛЬС НАЗНАЧЕН РЕЙХСКАНЦЛЕРОМ.
>
> Вызывающее удивление решение проблемы верховного руководства комитетом партии. Речь по радио расценена как решающий фактор. Толпы берлинцев встретили сообщение дружным одобрением.
>
> Ожидается правительственное заявление.

Геринг будет назначен шефом полиции вместо Гейдриха.»

Он еще раз прочел всю статью, затем отложил газету, поднял трубку и назвал номер Торговой миссии.

— Это мистер Бейнс. Могу ли я связаться с мистером Тагоми?

— Одну минуту, сэр.

Минута затянулась надолго.

— Мистер Тагоми слушает.

Бейнс сделал глубокий вздох и произнес:

— Простите за это удручающее нас обоих положение, сэр…

— О, мистер Бейнс.

— Нет пределов вашему долготерпению по отношению ко мне, сэр. Когда-нибудь, я в этом убежден, вы поймете причины, которые побуждают меня откладывать наше совещание, пока не прибудет пожилой господин…

— К сожалению, он еще не прибыл.

Бейнс закрыл глаза.

— Я считал, что, возможно, со вчерашнего дня…

— Боюсь, что нет. — Чисто формальная вежливость. — Я надеюсь, вы извините меня, мистер

Бейнс, но возросшая загруженность делами…

— Всего доброго, сэр.

Щелчок телефона. Сегодня мистер Тагоми положил трубку даже не попрощавшись. Бейнс медленно опустил руку на рычаг.

Нужно что-то предпринимать, я не могу больше ждать.

Его руководство очень ясно дало ему понять, что он не имеет права ни при каких обстоятельствах устанавливать связь с абвером. Он должен просто ждать, пока ему не удастся связаться с представителями японского верховного военного командования; он должен принять участие в совещании с японцами, после чего вернуться в Берлин. Но никто не мог предусмотреть заранее, что Борман умрет именно в этот специфический отрезок времени. Следовательно…

Приказы следует поменять. На более практичные рекомендации. В данном случае, его собственные, поскольку здесь не было никого другого, с кем можно было бы проконсультироваться.

В ТША были задействованы, по меньшей мере, десять агентов абвера, но часть из них — а возможно и все — были известны местному отделению СД и его правомочному старшему

региональному шефу, Бруно Краусу фон Мееру. Много лет назад у него была мимолетная встреча с Бруно на одном из партийных собраний. У этого человека была весьма сомнительная репутация в кругах полиции, поскольку именно он в 1943 году раскрыл британско-чешский заговор с целью покушения на Рейнхарда Гейдриха, и следовательно, он, можно сказать, спас вешателя от смерти. В любом случае, Бруно Краус фон Меер уже пошел в гору среди высших чинов СД. Он не был рядовым полицейским чиновником.

Он был, по сути, весьма опасным человеком.

Не исключена была также возможность, что, несмотря на все предпринятые меры предосторожности, как со стороны абвера в Берлине, так и Токкока в Токио, служба СД уже знала об этой попытке встречи в Сан-Франциско в конторе одной из высоких торговых миссий. Однако, эта территория находилась под полным контролем японцев. Служба СД не располагала здесь официальными полномочиями вмешиваться. Она могла только предпринять все необходимые меры для того, чтобы ответственный представитель немецкой стороны на этой встрече — в данном случае, он сам — был незамедлительно арестован, как только снова ступит на территорию рейха,

однако она вряд ли могла что-либо предпринять против представителей с японской стороны либо против осуществления самой этой встречи.

По крайней мере, он на это надеялся.

Существовала ли возможность того, что СД удалось задержать пожилого японского господина где-то по дороге? Из Токио в Сан-Франциско путь долгий, особенно для лица столь престарелого и болезненного, что оно даже не решилось попытаться прибегнуть к услугам воздушного транспорта.

Что мне надо сделать, сообразил Бейнс, это выяснить у тех, кто стоит выше меня, ожидается ли все еще прибытие мистера Ятабе. Они обязаны это знать. Если служба СД перехватила его, или правительство в Токио отозвало — они должны знать об этом.

Но если им удалось подобраться к этому пожилому господину, рассудил он тут же, то они определенно намерены добраться и до меня.

И все же, даже при таких обстоятельствах, положение не было безнадежным. И мистера Бейнса, пока он ждал день за днем в одиночестве в своем номере «Абирати-отеля», осенила такая идея.

Уж лучше передать Тагоми информацию, которой я располагаю, чем возвращаться в Берлин с

пустыми руками. По крайней мере, так будет хотя бы шанс, пусть хоть и весьма незначительный, что в конце концов эта информация достигнет тех, кому она с самого начала предназначалась. Однако Тагоми может только слушать — в этом был главный недостаток идеи. В самом лучшем случае, он сможет его выслушать, зафиксировать услышанное в своей памяти, а затем как можно быстрее отправиться в служебную командировку на острова метрополии. Тогда как мистер Ятабе принадлежит к тем высшим кругам, где делается политика. Он может не только слушать, но и говорить.

И все же это лучше, чем ничего. Времени оставалось все меньше. Чтобы начинать все сначала, надо старательно все утрясти, осторожно, не вызывая подозрений, на что уйдет еще несколько месяцев, пока не удастся вновь установить такой хрупкий контакт между одной из группировок Германии и одной из группировок в Японии…

Это, несомненно, очень удивит мистера Тагоми, подумал он не без злорадства. Неожиданно узнать, какого рода знание обременяло мою душу. И насколько далеко оно от технологии изготовления деталей из пластмасс.

Возможно, у него даже будет нервное рас-

стройство. Он либо выболтнет эту информацию кому-нибудь из своего окружения или целиком замкнется в себе; прикинется даже перед самим собою, что он ничего такого не слышал. Просто откажется мне поверить. Встанет, раскланяется со мною и, извинившись, покинет комнату, едва я начну говорить.

Несообразной. Вот какой он сочтет для себя складывающуюся ситуацию. Ему не положено слышать о таких вещах.

Так легко, подумал Бейнс. Выход для него настолько простой, настолько доступный. Я хотел бы оказаться на его месте.

И се же, поразмышляв, он рассудил, что подобное невозможно даже для мистера Тагоми. Мы не так уж сильно отличаемся друг от друга. Он может заткнуть уши, когда это сообщение будет исходить от меня, исходить в словесной форме. Но позже… Когда уже дело будет не в словах… Если б я только был в состоянии растолковать ему это сейчас. Или кому бы то ни было, с кем мне придется в конце концов говорить…

Выйдя из номера гостиницы, мистер Бейнс спустился на лифте в вестибюль. Ступив на тротуар, он велел швейцару нанять для себя велокэб и вскоре уже следовал в направлении Маркет-

стрит при содействии энергично работавшего ногами ездового-китайца.

— Здесь, — сказал он ездовому, когда заметил нужную ему вывеску. — Протяните к самому бордюру.

Велокэб остановился у пожарного гидранта. Мистер Бейнс расплатился с ездовым и отпустил его. За ними как будто никто не следовал. Бейнс прошелся немного по тротуару пешком и вскоре еще с несколькими покупателями вошел в крупный центральный магазин готового платья «Фуга».

Внутри повсюду толпились покупатели. За прилавками стояли девушки-продавщицы, большей частью белые, заведующими секциями служили японцы. Шум стоял ужасающий.

Несколько освоившись, мистер Бейнс отыскал отдел мужской одежды, остановился возле стоек с висевшими на них брюками и начал их рассматривать. Вскоре к нему подошел приказчик, молодой белый и поздоровался с ним.

— Я возвратился за парой темно-коричневых широких брюк, которые присмотрел вчера. — Встретившись со взглядом приказчика, он добавил. — Я вчера разговаривал с другим человеком. Он повыше вас. С рыжими усами. Довольно ху-

дой. На пиджаке у его было имя «Ларри».

— Он сейчас ушел на обед, — сказал приказчик, — но скоро вернется.

— Я пока пройду примерить эти брюки, — сказал мистер Бейнс, снимая их со стойки.

— Пожалуйста, сэр. — Приказчик показал ему пустую примерочную и отошел в ожидании других покупателей.

Бейнс вошел в примерочную и прикрыл за собой дверь. Сел на один из двух находившихся там стульев и стал ждать.

Через несколько минут раздался стук. Дверь отворилась, и в примерочную вошел невысокий японец средних лет.

— Вы из-за границы, сэр? — спросил он у Бейнса. — А я должен подтвердить вашу платежеспособность? Позвольте взглянуть на ваши бумаги. — Он прикрыл за собой дверь.

Бейнс достал бумажник. Японец присел и начал изучать его содержимое. Приостановился, увидев фотографию девушки.

— Очень хорошенькая.

— Моя дочь Марта.

— Мою дочь тоже зовут Марта, — сказал японец. — Сейчас она в Чикаго, проходит курс игры на фортепиано.

— Моя дочь, — сказал Бейнс, — скоро выходит замуж.

Японец вернул бумажник Бейнсу и замер в ожидании.

— Я здесь вот уже две недели, — начал Бейнс, — я мистер Ятабе еще не показался. Я хочу выяснить, прибудет ли он все-таки сюда. А если нет, то что мне делать.

— Приходите сюда завтра во второй половине дня, — сказал японец. Он поднялся со стула, вслед за ним поднялся и Бейнс. — До свидания.

— До свидания, — произнес Бейнс. Выйдя из примерочной, он повесил брюки назад на стойку и направился к выходу из магазина готового платья «Фуга».

Это не отнимет много времени, рассуждал он, идя вместе с другими пешеходами по заполненному людьми тротуару. Сможет ли он на самом деле к завтрашнему дню получить столь необходимые ему сведения? Успеет ли связаться с Берлином, проделать все работы по шифровке и расшифровке радиограмм, соблюдая всю необходимую предосторожность при каждом предпринимаемом шаге?

По-видимому, успеет.

Теперь я жалею, что не вышел на связь с этим

агентом раньше. Я бы избавил себя от стольких тревог и беспокойств. И, очевидно, это не связано с таким уж большим риском; похоже, что все прошло достаточно гладко и потребовало фактически всего-то минут пять или шесть.

Бейнс бесцельно брел по улице, разглядывая витрины магазинов. Чувствовал он теперь себя гораздо лучше. Вскоре он обнаружил, что разглядывает почерневшие от копоти и загаженные мухами рекламные фотоафиши притонов и кабаре, на которых у совершенно голых белых обольстительниц груди свисали, как наполовину выпустившие воздух волейбольные мячи. Это зрелище немало позабавило его, и он замешкался у афиши, а мимо него все спешили вверх и вниз по Маркет-стрит занятые своими делами пешеходы.

По крайней мере, он все-таки, наконец-то, что-то сделал.

На душе стало легче.

* * *

Упершись поудобнее в дверцу машины, Джулия читала. Рядом с нею, высунув из окна локоть, Джо правил машиной, слегка касаясь баранки одной рукой. Из угла его рта торчала сигарета.

Он был хорошим водителем, и они уже отъехали довольно далеко от Кэнон-сити.

Из автомобильного радиоприемника лилась слащавая популярная музыка, вроде той, что играют в пивных на открытом воздухе — аккордеоны наигрывали одну за другой бесчисленные польки или тирольки — она никогда не могла уловить разницы между ними.

— Дешевка, — изрек Джо, когда музыка прекратилась. — Послушай, я неплохо разбираюсь в музыке. Я скажу тебе, кто был великим дирижером. Ты, наверное, его не помнишь. Артуро Тосканини.

— Не помню, — машинально произнесла Джулия, не отрываясь от книги.

— Он был итальянцем. Но нацисты так и не дали ему дирижировать… после войны. Из-за его политических взглядов. Сейчас его уже нет в живых. Мне не нравился этот фон Кароян, бессменный дирижер Нью-йоркского филармонического оркестра. Мы должны были посещать его концерты, все наше рабочее общежитие. Что мне нравится, поскольку я воп — попробуй-ка догадаться? — Он взглянул на нее. — Тебе нравится эта книга? — спросил он.

— Очень увлекательная.

— Я обожаю Верди и Пуччини. Все, чем нас пичкали в Нью-Йорке, это тяжеловесные, напыщенные Вагнер и Орф, и мы еще были обязаны ходить на эти пошлые драматические партийные спектакли нацистов США в Мэдисон Сквер Гарден, со всеми этими знаменами, барабанами, фанфарами и мерцающими факелами. История готических племен или другой общеобразовательный вздор, где вместо нормальной речи говорили нараспев, чтобы это считалось «искусством». Ты хотя бы бывала в Нью-Йорке до войны?

— Да, — ответила она, стараясь не прерывать чтения.

— Там на самом деле были в те годы шикарные театры? Я много об этом слышал. Теперь там то же самое, что и в киноиндустрии. Все под контролем берлинского картеля. За тринадцать лет, что я бывал в Нью-Йорке, не было ни одной премьеры хорошего мюзикла или оперы, только эти…

— Не мешай мне читать, — сказала Джулия.

— И то же самое в книжном бизнесе, — продолжал Джо как ни в чем не бывало. — Все тоже. Один картель, управляемый из Мюнхена. В Нью-Йорке теперь только печатают. Одни только огромные печатные станки — а вот перед войной Нью-Йорк

был центром мировой издательской индустрии, так во всяком случае говорят.

Заткнув уши пальцами, чтобы не слышать его голоса, она вся сосредоточилась на книге, лежавшей у нее на коленях. Она сейчас читала ту главу «Саранчи», где описывалось совершенно сказочное телевидение; особенно понравилась ей та часть, в которой говорилось о дешевых небольших приемниках для отсталых народов Африки и Азии.

> «...только присущие янки „ноу-хау“ и система массового производства — Детройт, Чикаго, Кливленд, какие волшебные названия! — могли совершить это чудо, наводнить этим бесконечным и до глупости благородным потоком однодолларовых (в китайских неконвертируемых долларах) телевизионных комплектах в каждую деревню, любое захолустье Востока. И когда такой комплект собирался каким-нибудь изможденным, лихорадочно-восторженным юношей в деревне, жаждущим не упустить шанс, тот, который предоставили ему великодушные американцы, этот крохотный аппаратик

со встроенной в него батарейкой величиной не больше игрушечного биллиардного шарика начинал принимать. И что же он принимал? Сгрудившись перед экраном, деревенская молодежь — а зачастую и старшие — видела слова. Наставления. Прежде всего, как научиться читать. Затем остальное. Как выкапывать более глубокий колодец, как вспахивать более глубокую борозду. Как очищать воду для питья, лечить своих больных. А над головой у них вращалась американская искусственная луна, разнося телевизионные сигналы по всему миру… всем страждущим, всем алчущим массам Востока.»

— Ты читаешь все подряд, — спросил Джо, — или многое пропускаешь?

— Это ведь замечательно, — сказала она. — У него мы посылаем еду и знания всем азиатам, миллионам их.

— Благотворительность во всемирном масштабе, — заметил он.

— Да. Новый курс правительства Тагвелла. Оно поднимает благосостояние масс. Вот послу-

шай. — Она начала читать вслух.

«…чем был Китай? Единым нищим организмом, с жадностью взирающим а Запад; его великий президент-демократ, который провел китайский народ сквозь военные годы, теперь вел его в годы мира, вел в Декаду перестройки. Но для Китая это было никакая не перестройка, потому что эта почти сверхъестественная плоская и обширная равнина никогда не была обустроенной, все еще дремала в своем извечном сне. Пробуждающееся, да, существо, гигант, которому еще нужно было обрести сознание взрослого, войти в современный мир с его реактивными самолетами и атомной энергией, его автострадами и заводами, с его достижениями в области медицины. И откуда же раздаться тем раскатам грома, которые разбудят полностью этого гиганта? Чан Кай-Ши знал это, знал еще тогда, когда сражался, чтобы победить Японию. Он раздастся из Соединенных Штатов. И к 1950 году американские инженеры и техники, преподаватели, врачи, агрономы

наводнили подобно какому-то новому виду жизни каждую провинцию, каждый…»

— Ты знаешь, что он сделал, автор этой книги? — прервал ее чтение Джо. — Он позаимствовал лучшее у нацистов, их социализм, организацию Тодта и те успехи в экономике, которых мы добились при Шпеере, и кому же он все это приписал? Новому курсу. И отбросил то, что было плохого, связанное с СС, истреблением целых народов и расовым неравенством. Но ведь это же утопия! Ты себе можешь представить, если бы союзники победили, был бы способен этот Новый курс оживить экономику и обеспечить тот подъем всеобщего благосостояния, о котором он твердит? Черта с два. Он рассказывает нам об одной из форм государственного синдикализма, корпоративного государства, вроде того, что мы создали под руководством дуче. Он говорит, у вас будет все только хорошее и ничего…

— Да не мешай же мне читать! — свирепо воскликнула Джулия.

Он пожал плечами. Но разглагольствовать перестал. Она продолжала читать, но уже про себя.

«…и эти рынки сбыта, эти бесчислен-

ные миллионы китайского населения заставили развить максимальные обороты заводы в Детройте и Чикаго; этот огромный рот, который никогда нельзя было насытить, этому народу нельзя даже за сто лет дать достаточно грузовиков и кирпичей, стальных слитков и пишущих машинок, консервированного гороха и часов, радиоприемника и капель от насморка. Американский рабочий к 1960 году имел самый высокий в мире жизненный уровень, и все благодаря тому, что статья, касающаяся предоставления, как его жеманно называли „режима наибольшего благоприятствования“ непременно фигурировала в каждом договоре со странами Востока. США уже больше не оккупировали Японию, а та так и никогда и не оккупировала Китай, и все ж таки неоспоримым фактом оставалось то, что Кантон, Токио и Шанхай покупали не у британцев, они покупали у американцев. И с каждой такой покупкой рабочему в Балтиморе, Лос-Анджелесе или Атланте улыбалось еще большее благоденствие.

Тем, кто занимался планированием

в Белом Доме, людям, в общем-то, дальновидным, уже казалось, что они почти достигли своих целей Уже в самом скором времени устремятся в бездны космоса исследовательские ракетные корабли, покинув планету, которая наконец-то рассталась со своими застарелыми бедами — голодом, болезнями, войнами, невежеством. В Британской империи аналогичные меры, направленные на экономическое и социальное развитие, принесли такое же облегчение народам в Индии, Бирме, Африке, на Ближнем Востоке. Продукция заводов Рура, Манчестера, Саара, бакинская нефть — все это хлынуло и взаимодействовало друг с другом в замысловатой, но впечатляющей согласованности; население Европы грелось в том, что казалось…»

— Мне кажется, что именно им следовало быть правителями, — произнесла Джулия, делая передышку. — Они всегда были первыми. Британцы.

Джо промолчал, хотя она ждала, что он ответит на это. Тогда она стала читать дальше.

«…осуществление заветной мечты

Наполеона: разумная однородность различных этнических общностей, которые ссорились между собой и разделили Европу на бесчисленное множество карликовых государств со времен падения Рима. Мечты также и Карла Великого: объединенное христианство, находящееся в мире не только с самим собой, но и с остальным миром. И тем не менее — все еще оставалась одна досадная рана.

В малайских штатах имелась значительная часть китайского населения, большей частью предприниматели, бизнесмены, и эта энергичная, процветающая буржуазия видела в американском способе обращения с Китаем более справедливое разрешение вопроса, который назывался „национальным“. Под властью британцев представители более темных рас не допускались в местные спортивные клубы, гостиницы, лучшие рестораны; они оказывались, как и в древнейшие времена, ограничены определенными секциями в трамваях и автобусах и — что было наихудшим из всего — ограничены в своем выборе места проживания в лю-

бом городе. Это не могло не возмущать „коренных жителей“, и они отмечали в своих застольных разговорах и газетах, что в США к 1950 году проблема цвета кожи была уже решена. Белые и негры работали, ели и жили все вместе, даже в самых глубинных районах Юга. Вторая мировая война покончила с дискриминацией…»

— Ты сердишься? — спросила Джулия Джо.

Он что-то пробурчал в ответ, не отрывая глаз от дороги.

— Скажи мне, что же произойдет дальше? Я знаю, что мне не удастся закончить книгу; мы довольно скоро будем в Денвере. Неужели Америка и Англия передерутся друг с другом, и одна из них окажется хозяйкой всего мира?

Подумав немного, Джо произнес:

— В некоторых отношениях это не такая уж плохая книга. Он все рассматривает очень подробно, как США управляется с Тихоокеанским регионом — примерно так же, как Япония со «Сферой сопроцветания» в Восточной Азии. Они поделили Россию. Этого хватило примерно на десять лет. Затем возникли трения — естественные.

— Почему естественные?

— Человеческая натура, — пояснил Джо. — Натура государств. Подозрительность, страх, жадность. Британцы считают, что США подорвут британское господство в Южной Азии, взывая к огромному китайскому населению, которое, естественно, настроено проамерикански благодаря Чан-Кай-Ши. Британцы начинают создавать, — ухмыльнувшись, глянул в ее сторону, — то, что назвали «зонами сдерживания». Другими словами, концентрационные лагеря. Для тысяч предполагаемых нелояльных китайцев. Их обвиняют в саботаже и пропаганде. Черчилль настолько…

— Ты хочешь сказать, что он все еще у власти? Разве ему к этому времени не около девяноста лет?

— Вот в чем британская система превосходит американскую, — сказал Джо. — Америка каждые восемь лет дает пинка под зад всем своим лидерам вне зависимости от их компетентности — зато Черчилль все время остается. У США нет такого же, подобного ему, руководства после Тагвелла. Одни ничтожества. И чем больше он стареет, тем более своенравным и жестким становится — я имею ввиду Черчилля. К 1960 году

он уже кое-что вроде древнего владыки из Центральной Азии. Никто не смеет ему перечить. Он властвует двадцать лет.

— Боже праведный, — произнесла Джулия и стала перелистывать последнюю часть книги, пытаясь удостовериться в том, о чем сказал ей Джо.

— С чем я согласен, — сказал Джо, — так это с тем, что Черчилль был единственным неплохим руководителем, которым располагали британцы во время войны; если бы они поддержали его, то все кончилось для них намного благополучнее. Вот что скажу тебе — государство ничем не лучше своего руководителя. «Фюрер-принсип» — принцип фюрерства, как говорят нацисты. Они правы. Даже американцы вынуждены с ними считаться. Правда, США пережили экономический бум после победы над Японией, так как им достался этот гигантский рынок сбыта в Азии, тот, который они силой отняли у япошек. Но этого недостаточно. Они не приобрели той духовности, какая была у британцев. Оба эти государства были плутократиями, в них правили богачи. Раз они победили, все, о чем им нужно было думать — это о том, как делать еще большие деньги правящему классу. Абендсен, он не прав;

не было бы никаких социальных реформ, никаких планов благотворительных общественных работ — англо-саксонские плутократы ни за что бы не пошли на это.

Говорит, как убежденный фашист, подумала Джулия.

Очевидно, Джо почувствовал по выражению ее лица, о чем она думает. Он повернулся к ней, сбросил скорость и, глядя одним глазом на машины впереди, другим на нее, произнес:

— Послушай, я не принадлежу к интеллектуалам — у фашизма нет в них необходимости. Что требуется — это «Действие». Теория выходит из поступка. Что наше корпоративное государство требует от нас, это понимание движущих сил истории. Поняла? Это я говорю. И я знаю, Джулия, что говорю. — Тон его голоса стал искренним, почти умоляющим. — Эти старые прогнившие империи, где правят деньги, британская, французская, американская, хотя последняя на самом-то деле что-то вроде незаконнорожденного отпрыска, не являются империей в прямом понимании этого слова, но все равно ориентированы на капитал. У них всех нет души, поэтому, естественно, нет будущего. Нет роста. Нацисты — это банда уличных головорезов. Я с этим согла-

сен. Ты тоже согласна? Верно?

Ей пришлось улыбнуться. Его итальянская манерность выражений позволяла одновременно вести машину и держать речь.

— Абендсен говорит, будто это так уж важно, кто в конце концов победит — США или Британия. Чушь. Они не обладают ни нужными качествами для того, чтобы править миром, ни соответствующей историей. Они одного поля ягоды. Ты когда-нибудь читала, что писал наш дуче? Вдохновенный, красивый человек. И пишет красиво. Объясняет подноготную каждого события. Главным вопросом войны было — старое против нового. Деньги — вот почему к этому вопросу нацисты ошибочно притянули еврейский вопрос — против духа и общих чаяний широких народных масс, того, что нацисты называли «Гемайншафтом» — народностью. Как Советы. Это у них общее. Верно? Только коммунисты притянули сюда еще тайком панславянские амбиции Петра великого создать великую империю, сделав социальные реформы средством осуществления их великодержавных устремлений.

Так же, как и сделал это Муссолини, подумала Джулия. Точно так же.

— Массовые зверства — это трагедия нациз-

ма, — тут Джо осекся, пойдя на обгон медленно тащившегося грузовика. — Но изменение всегда жестоко отыгрывается на проигравшем. В этом нет ничего нового. Взгляни на прошлые революции. Такие, как французская или вторжение Кромвеля в Ирландию. В германском темпераменте слишком много умствования, а также слишком много и театральности. Все эти шествия. Ты никогда не увидишь разглагольствующего настоящего фашиста, он только действует — вот как я. Верно?

Рассмеявшись, Джулия заметила:

— Боже, да ведь ты как раз-то и разглагольствуешь, да еще со скоростью одну милю в минуту.

Он возбужденно крикнул в ответ:

— Я объясняю фашистскую теорию действия.

Она не смогла ответить — ей стало слишком уж смешно. Но человек рядом с нею совсем не считал, что это смешно. Он метал громы и молнии, лицо его раскраснелось, раздулись вены на лбу, его снова начало трясти. Он глубоко запустил пальцы в свои взъерошенные волосы и, ничего при этом не говоря, только пристально глядя на нее.

— Ну, ну, не обижайся на меня, — сказала Джулия.

На какое-то мгновенье ей показалось, что он собирается ее ударить. Он отвел в сторону руку… нос затем что-то буркнул, протянул руку и включил радиоприемник.

Теперь из динамика были слышны оркестровая музыка, статические разряды в атмосфере. Джулия снова пыталась сосредоточиться на книге.

— Ты права, — сказал Джо после продолжительной паузы.

— В чем?

— В отношении двухгрошовой империи. Паяца в качестве ее вождя. Неудивительно, что нам шиш достался после окончания войны.

Она похлопала его по руке.

— Джулия, все это кромешная тьма, — сказал Джо. — Ни в чем нельзя быть абсолютно уверенным.

— Может быть, — рассеянно произнесла она, не отрываясь от книги.

— Британия побеждает, — сказал он, указывая на книгу. — Я избавлю тебя от лишних хлопот. США приходят в упадок, Британия продолжает их теснить, совать нос в их дела, все больше расширяет свои владения, сохраняя инициативу. Так что можешь теперь ее отложить.

— Надеюсь, мы хорошо проведем время в Ден-

вере, — сказала она, закрывая книгу. — Тебе нужно расслабиться. Я хочу, чтобы ты хорошо отдохнул, успокоился. — Если тебе это не удастся, ты разлетишься на миллион осколков. Как сломанная от перегрузки пружина. А что же тогда будет со мной? Как я вернусь домой. Или… я просто брошу тебя?

Я на самом деле очень хочу хорошо провести время, как ты мне обещал. Я не хочу быть обманутой. Меня слишком часто обманывали в моей прежней жизни, слишком многие люди.

— Мы постараемся, — сказал Джо. — Послушай. — Он изучающе стал смотреть в ее сторону, при этом у него было какое-то странное, пытающееся проникнуть вглубь нее, выражение лица. — Ты слишком близко принимаешь к сердцу эту «Саранчу». Я бы хотел вот что знать — как ты думаешь, человеку, который написал бестселлер, автору вроде этого Абендсена… ему пишут письма читатели? Держу пари, множество людей расхваливает эту книгу в своих письмах к нему, может быть, даже навещают его.

Она сразу все поняла.

— Джо — это же всего лишь в еще одной сотне миль!

Глаза у него засияли; он улыбнулся ей, он снова

был счастлив, он уже успокоился и больше не кипятился.

— Мы могли бы! — воскликнула она. Ты ведь хорошо водишь машину — тебе ничего бы не стоило туда добраться, верно?

Подумав немного, Джо ответил:

— Ну, я сомневаюсь, что такая знаменитость позволяет посетителям запросто к себе заглядывать. По всей вероятности, их так много…

— Почему бы не попытаться, Джо… — она схватила его за плечо, взволнованно сжала. Самое большее, что он сможет сделать — это прогнать нас. Пожалуйста!

Джо ответил, тщательно подбирая слова:

— Когда мы пройдемся по магазинам и купим себе новую одежду, принарядимся как следует… это очень важно произвести хорошее впечатление. И, может быть, даже возьмем напрокат новый автомобиль по дороге туда, в Шайенн. Тогда вот и попытаемся.

— Верно, — согласилась Джулия. — А тебе надо подстричься. И разрешить мне подобрать тебе одежду. Пожалуйста, Джо. Я часто это делала для Фрэнка. Мужчины не умеют покупать себе одежду.

— У тебя хороший вкус, — сказал Джо, и, хмуро

глядя вперед, снова сосредоточил все внимание на дороге. — Как и в других отношениях тоже. Лучше, если ты позвонишь ему. Договоришься с ним.

— Мне еще нужно сделать прическу.

— Ладно.

— Я совсем не боюсь подойти и позвонить в звонок, — сказала Джулия. — Я хочу сказать, живем мы только один раз. Почему мы должны чего-то опасаться? Он такой же человек, как и все мы. Фактически, он, наверное, будет польщен, узнав, что кто-то заехал так далеко только для того, чтобы сказать ему, как сильно понравилась его книга. Мы можем взять у него автограф. Разве не так? Только надо купить новый экземпляр. Этот такой затасканный и нехорошо смотрится.

— Все, как ты посчитаешь нужным, — произнес Джо. — Я не против того, чтобы ты сама решила в отношении всех этих мелочей. Я знаю, ты с этим справишься. Красивая женщина всегда добивается своего. Когда он увидит, какая ты сногсшибательная, он широко распахнет перед тобой дверь. Вот только послушай — чтобы без дураков.

— Что ты имеешь ввиду?

— Обязательно скажи ему, что ты замужем. Я

не хочу, чтобы ты с ним спуталась, ты понимаешь. Это было бы ужасно. Стало бы крушением для каждого из нас. Это награда ему за то, что он пустил гостей, забавно, а? Так что остерегайся, Джулия.

— Ты мог бы с ним поспорить, — сказала Джулия. — В отношении той части книги, где Италия, предав державы Оси, становится причиной их поражения. Скажи ему то, что говорил мне.

Джо кивнул.

— Это так. Мы можем подробно обсудить этот вопрос.

Они продолжали мчаться на север.

* * *

На следующее утро, в семь часов по времени ТША, мистер Нобусуке Тагоми, поднявшись с постели, направился в ванную, однако тут же передумал и решил лучше обратиться к Оракулу.

Усевшись, скрестив ноги, на полу своей гостиной, он начал столь привычные манипуляции с сорока девятью высушенными стебельками тысячелистника. У него было глубокое ощущение безотлагательности интересовавших его вопросов, и он действовал с лихорадочной быстротой, пока наконец не получил все шесть линий

жизни.

Жуть! Гексаграмма 51!

Бог является в образе Грома и Молнии. И громко смеется — он непроизвольно заткнул пальцами уши. — Ха! Ха! Хо-хо! Великий грохот, который заставил его вздрогнуть и зажмурить глаза. Быстро убегает ящерица и ревет тигр, а затем является сам Бог.

Что это означает? Он обвел взором гостиную. Явление — чего? Он вскочил на ноги и, тяжело дыша, застыл в ожидании.

Ничего не произошло. Только стучит сердце. Учащенное дыхание, все другие условные и безусловные рефлексы различных автономных систем организма адекватны ожидаемой кризисной ситуации — выделение адреналина, учащение пульса, усиление сокращений сердечной мышцы, паралич гортани, неподвижность глаз, слабость кишечника и так далее. Желудок подташнивает, сексуальный инстинкт подавлен.

И все же, он ничего не видит особого. Ничего такого, что должно побудить тело к экстренным действиям. Бежать? Все готово для панического бегства. Но куда и зачем? — спросил у самого себя Тагоми. Никакой путеводной нити. И поэтому ничего нельзя осуществить. Дилемма цивилизо-

ванного человека — тело отмобилизовалось, но опасность непонятна.

Он прошел в ванную и начал намыливать лицо перед бритьем.

Зазвонил телефон.

— Спокойно, — воскликнул, откладывая в сторону бритву. — Будь готов. — Он быстро прошел в гостиную. — Я готов, — произнес он и поднял трубку. — Тагоми слушает.

Пауза. А затем откуда-то издалека слабый, сухой, шуршащий голос, почти такой, как шелест опадающих листьев:

— Сэр. Это Синиро Ятабе. Я прибыл в Сан-Франциско.

— Приветствую вас от имени Высокой Торговой миссии, — сказал Тагоми. — Как я рад! Вы в добром здравии и хорошем расположении духа?

— Да, мистер Тагоми. Когда я могу встретиться с вами?

— Очень скоро. Через полчаса. — Тагоми посмотрел на часы в спальне, пытаясь рассмотреть, что они показывают. — Имеется еще третья сторона — мистер Бейнс. Я должен связаться с ним. Возможна задержка, но…

— Ну, скажем, через два часа, сэр, — предложил Ятабе.

— Да, — согласился Тагоми.

— В вашей конторе «Ниппон Таймс Билдинг».

Ятабе повесил трубку.

Бейнс будет очень доволен, подумал Тагоми. Как кот, которому бросили кусок семги, например, роскошный жирный хвост. Он нервно постучал несколько раз по рычагу аппарата, затем поспешно набрал номер гостиницы «Абирати».

— Испытания подошли к концу, — произнес он, услышав заспанный голос Бейнса.

Сон как рукой сняло с голоса шведа.

— Он здесь?

— У меня в конторе, — сказал Тагоми. — В десять двадцать. Завтракать времени уже не было — придется потрудиться Рамсэю, когда закончится официальная часть, связанная с прибытием гостя. Все трое нас, вероятно, дадут волю своему аппетиту одновременно. У себя в уме он уже, продолжая бриться, продумывал, как устроить прекрасный завтрак для них всех.

* * *

Бейнс, все еще в пижаме, стоял у телефона, потирая лоб и напряженно размышлял. Какой позор, я потерял голову и вышел на связь с агентом, подумал он. Если бы только я подождал еще

всего лишь один день…

Но, по всей вероятности, это нисколько мне не повредит. Однако сегодня еще нужно вернуться в магазин готового платья. Предположим, я туда не пойду. Это может вызвать цепную реакцию, подумают, что я убит или со мной случилось что-то… Будут предприняты попытки выяснить, где я нахожусь…

Все это мелочи. Главное — он здесь. Наконец-то. Ожидание закончилось.

Бейнс поспешил в ванную и приготовился бриться.

Не сомневаюсь, рассуждал он, Тагоми узнает его то же мгновенье, как только встретится с ним. Мы теперь можем отбросить это принятое в качестве прикрытия «Мистер Ятабе». Фактически, мы теперь можем отбросить вообще все прикрытия, все условности.

Побрившись, Бейнс тотчас же прыгнул под душ. Под грохот низвергавшейся на него воды, он пел во всю силу своих легких:

Кто скачет, кто мчится,
Под хладною мглой?
Ездок запоздалый
С ним сын молодой.

Теперь уже, наверное, слишком поздно для СД что-либо предпринимать, подумал он.

Даже если они обнаружат это. Поэтому мне, пожалуй, можно перестать беспокоиться, по крайней мере, по пустякам. За свою бесценную, принадлежащую только мне одному, собственную шкуру.

Что же касается всего остального — для нас самое беспокойство только начинается.

11

Для рейхсконсула в Сан-Франциско фрейгерра Хуго Рейсса даже начало этого рабочего дня оказалось неожиданным и вселило в него немалое беспокойство. Когда он вошел в приемную своего кабинета, то обнаружил гостя, который уже давно дожидался его — крупного мужчину средних лет с тяжелой челюстью, изрытым оспинами лицом и неприветливым хмурым взглядом из-под близко расположенных черных лохматых бровей. Мужчина поднялся, формально приветствуя взмахом руки, одновременно буркнув себе под нос:

— Хайль.

— Хайль, — ответил Рейсс. В душе он жалобно застонал, но сохранил деловую официальную улыбку на лице. — Герр Краус фон Меер? Какими ветрами? Не угодно ли пройти?

Он открыл дверь кабинета, задумавшись при этом, куда запропастился его заместитель, который пропустил сюда шефа СД. Но как бы то ни было, этот человек уже здесь. С этим ничего не поделаешь.

Следуя за ним, не вынимая рук из карманов

своего темного шерстяного пальто, Краус фон Меер произнес:

— Послушайте, фрейгерр. Мы отыскали этого парня из абвера. Это Рудольф Вегенер. Он показался на старой явке абвера, которую мы держим под наблюдением. — Краус фон Меер самодовольно осклабился, обнажив огромные золотые зубы. — И мы следили за ним до самой гостиницы.

— Прекрасно, — сказал Рейсс, замечая, что на его столе уже лежит почта. Значит, Пфердехуф где-то поблизости. Несомненно, это он, уходя из приемной, запер кабинет на ключ, чтобы не дать возможности шефу СД совать нос в чужие, хотя и не столь уж важные дела.

— Дело это очень серьезное, — сказал Краус фон Меер. — Я уже уведомил об этом Кальтенбруннера. В экстраординарном порядке. Вы наверняка получите инструкции из Берлина в любое время. Если только эти недоумки у нас дома все не перепутают. — Он без разрешения расселся за письменным столом консула, вытащил из кармана пальто пачку сложенных бумаг и, шевеля губами, стал их старательно расправлять. — Фиктивная фамилия — Бейнс. Выдает себя за шведского промышленника или коммерсанта, в общем, за кого-то, так или иначе связанного с

производством. Сегодня утром, в восемь десять по официальному японскому времени, перехвачен телефонный разговор, в котором договорено о свидании в десять двадцать в каком-то японском офисе. Мы сейчас пытаемся проследить, откуда был произведен звонок Бейнсу. Вероятно, на это уйдет еще полчаса. Результат мне будет доложен прямо сюда.

— Понятно, — промолвил Рейсс.

— Теперь мы, возможно, заберем этого малого, — продолжал Краус фон Меер. — Если мы это сделаем, то, естественно, отошлем его назад в рейх на борту следующего самолета «Люфтганзы». Тем не менее, японцы или Сакраменто могут выразить протест и попытаются помешать. Если станут протестовать, то обратятся к вам. И, вероятно, будут оказывать сильнейший нажим. Да еще пошлют целый грузовик этих бандитов из Токкока в аэропорт.

— Вы не можете сделать так, чтобы об этом ничего не знали?

— Слишком поздно. Он уже на пути к своему свиданию. Не исключено, что брать его придется прямо там, на месте. Ворваться, схватить его, выскочить наружу.

— Мне это не очень нравится, — заметил

Рейсс. — Предположим, что он встречается с кем-то из особо высокопоставленных японских должностных лиц. Здесь, в Сан-Франциско как раз сейчас может оказаться личный представитель императора. До меня дошел слух об этом на следующий же день…

— Это не имеет никакого значения, — перебил его Краус фон Меер. — Он — германский подданный и подчиняется закону Рейха.

И мы знаем, каков закон Рейха, подумал Рейсс.

— У меня наготове штурмовая группа, — продолжал Краус фон Меер. — Пятеро отличных ребят. — Он рассмеялся. Выдают себя за скрипачей. Прекрасные аскетичные лица. Очень одухотворенные. Такие, наверное, бывают у семинаристов. Они пройдут внутрь без помех. Японцы подумают, что это скрипичный квартет…

— Квинтет, — поправил его Рейсс.

— Да. Они пройдут к самой двери — все одеты соответствующим образом. — Он внимательно осмотрел консула с головы до ног. — Примерно, почти так же, как вы.

Большое спасибо, подумал Рейсс.

— Прямо у них на виду. Средь бела дня. К самому Вегенеру. Окружат его, сделав вид, будто с ним совещаются. О чем-то очень важном, — пока Краус

фон Меер продолжал монотонно бубнить, консул начал вскрывать корреспонденцию. — Никакого принуждения. Просто, «Герр Вегенер, пройдемте с нами, пожалуйста. Вы понимаете.» И между позвонков его спинного хребта маленький укол. Джиг. Парализованы высшие нервные центры.

Рейсс кивнул.

— Вы меня слушаете?

Ганц бештиммт.

— И все на выход. В свою машину. И в мое заведение. Японцы поднимут дикий гвалт. Но будут вежливы. До предела. — Краус фон Меер проковылял от письменного стола к двери, изображая, как японцы кланяются. — «В высшей степени неприлично вводить нас в заблуждение, герр Краус фон Меер». Тем не менее, гуд-бай, герр Вегенер.

— Бейнс, — произнес Рейсс. — Ведь он же здесь под фиктивной фамилией.

— Бейнс. «Очень сожалеем, что вы нас покидаете. Продолжим наши переговоры, возможно, в следующий раз…» На столе Рейсса зазвонил телефон, и он мгновенно перестал паясничать. — Это, наверное, мне. — Он протянул руку, чтобы поднять трубку, но Рейсс остановил его движение и сам ее поднял.

— Рейсс слушает.

— Консул, — раздался незнакомый голос, — это «Аусланд Ферншпрехамт»[2] в Новой Шотландии. Трансатлантический вызов из Берлина, очень срочный.

— Я здесь, — наступила томительная пауза, которую Рейсс начал заполнять, перебирая свободной рукой почту. Краус фон Меер небрежно наблюдал за ним, свесив нижнюю челюсть.

— Герр консул, извините, что отнимаю у вас время, — раздался в трубке мужской голос. Кровь в венах Рейсса мгновенно остановилась. Баритон, прекрасно поставленный, гладко льющийся голос, столь знакомый Рейссу. — Это доктор Геббельс.

— Слушаю, канцлер, — произнес Рейсс. Стоявший напротив него Краус фон Меер слегка улыбнулся. Его нижняя челюсть уже дрябло не отвисала.

— Только что меня попросил позвонить вам генерал Гейдрих. В настоящее время в Сан-Франциско находится один из агентов абвера. Его зовут Рудольф Вегенер. Вы должны оказать максимальное содействие полиции во всем, что его касается. Сейчас не время объяснять все подроб-

---

[2] Примечания: 2
Центральная Международная Телефонная станция (*нем.*).

ности. Просто предоставьте свою службу в ее распоряжение. Их данке инен зер дабай[3].

— Понимаю, герр канцлер.

— До свидания, консул, — рейхсканцлер дал отбой.

Краус фон Меер внимательно следил за тем, как Рейсс кладет телефонную трубку.

— Я был прав.

— А я что — спорил? — пожал плечами Рейсс.

— Подпишите нам санкцию на принудительное возвращение этого Вегенера в Германию.

Взяв ручку, Рейсс подписал санкцию, скрепил ее печатью и передал шефу СД.

— Спасибо, — сказал Краус фон Меер. — Теперь, когда японские власти позвонят вам и станут жаловаться…

— Если они это сделают.

Краус фон Меер критически посмотрел на Рейсса.

— Сделают. Они будут здесь, самое позднее, через пятнадцать минут после того, как мы возьмем этого Вегенера. — Теперь в его манерах не было и тени недавнего фиглярства.

— Никаких скрипичных квинтетов, — произ-

---

[3] Примечания: 3
Крайне вам благодарен (*нем.*).

нес Рейсс.

Краус фон Меер ничего на это не ответил, затем спокойно произнес:

— Мы будем брать его сегодня утром, так что будьте готовы. Можете сказать японцам, что он гомосексуалист или фальшивомонетчик, что-нибудь в этом роде. Разыскивается в Рейхе по обвинению в тяжком уголовном преступлении. И не говорите им, что он разыскивается за политические преступления. Вы ведь знаете, что они не признают девяносто процентов национал-социалистических законов.

— Мне это известно, — произнес Рейсс. — И я знаю, как мне надлежит поступать. — Он испытывал болезненное раздражение и чувствовал себя обманутым. Перескочил через мою голову, отметил он про себя. Как обычно. Связался с канцелярией напрямую. Ублюдок.

Звонок от доктора Геббельса. Руки его затряслись. Это из-за него? От страха перед его всемогуществом? Или от обиды, от сознания того, что его обошли в… Черт побери этих полицейских, в сердцах выругался он про себя. Они становятся все более наглыми. Они уже заставили работать на себя Геббельса. Это они верховодят в Рейхе.

Но что я могу сделать? Что может сделать лю-

бой другой?

Смирившись, в душе он подумал — лучше сотрудничать. Не время отказываться по разные стороны с этим человеком; он в состоянии, вероятно, добиться от центра чего только пожелает, а это может включать в себя отставку любого другого, кто ему неугоден.

— Теперь я понимаю, — произнес он вслух, — что вы нисколько не преувеличивали серьезность этого дела, герр полицайфюрер. — Очевидно, безопасность Германии зависит от вашего быстрейшего разоблачения этого шпиона или предателя, или еще что он там из себя представляет. — Про себя он съежился от страха, услышав слова, которые только что произнес.

Тем не менее, Краус фон Меер, казалось, был очень доволен.

— Спасибо, консул.

— Возможно, вы спасли всех нас.

— Ну, так уж, — угрюмо произнес Краус фон Меер. — На еще не удалось взять его. Давайте подождем немножко. Желаю вам дождаться этого звонка.

— Я сумею поладить с японцами, — сказал Рейсс. — У меня, насколько вам известно, богатый опыт подобного рода. Их жалобы…

— Не болтайте зря, — неожиданно хамовато перебил его Краус фон Меер. — Мне нужно поразмышлять. — Очевидно, телефонный звонок из рейхсканцелярии немало его обеспокоил. Он тоже испытывал теперь тяжесть навалившейся на него ответственности.

Вдруг этот малый убежит, и это будет стоить вам должности, подумал консул Хуго Рейсс. Моя работа, ваша работа — мы оба в один прекрасный день можем оказаться выброшенными на улицу. Вы себя ощущаете ничуть не в большей безопасности, чем я.

А в общем-то, может быть, и стоило поглядеть на то, как совсем ничтожные помехи здесь и там могли бы, пожалуй, заблокировать вашу деятельность, герр полицайфюрер. Гадить потихоньку, но так, чтобы потом никак нельзя было к этому придраться. Например, когда прибегут сюда японцы жаловаться, намекнуть каким-нибудь образом на тот рейс «Люфтганзы», на котором будут волочь этого малого отсюда… Или, все огульно отрицая, привести их в еще большую ярость едва заметными презрительными или самодовольными ухмылками в ответ на их жалобы, как бы давая им понять, что Рейх смеется над ними, не признает всерьез этих маленьких

желтых людишек… Их самолюбие так легко уязвить. И если они сильно рассердятся, то со своими протестами могут обратиться непосредственно к самому Геббельсу.

Существует множество самых различных таких возможностей. Службе СД в самом деле никак не забрать этого малого из ТША без моего активного содействия. Если б только мне удалось угодить в самую точку…

Ненавижу людей, который прут через мою голову, продолжал думать фрейгерр Рейсс. Из-за этого мне становится просто нехорошо. Я начинаю так сильно нервничать, что теряю сон, а когда я не высыпаюсь, то не в состоянии исполнять свои служебные обязанности. Поэтому долг Германии состоит в том, чтобы исправить это положение. Мне было бы куда спокойнее по ночам, да и днем тоже, если б за свое нахальство этот плебей-баварец, бандит да и только, оказался бы где-то в пределах отечества и подписывал бы доносы в каком-то захолустье, в деревенском полицейском участке.

Вся трудность только в том, как бы не упустить время, пока я буду пытаться решить, каким образом…

Зазвонил телефон.

На этот раз, когда Краус фон Меер протянул руку, чтобы поднять трубку, Рейсс не стал ему препятствовать.

— Алло, — произнес в микрофон Краус фон Меер. Какое-то время, пока он слушал, в кабинете было совсем тихо.

Уже? — удивился Рейсс.

Но шеф СД передал ему трубку.

Вздохнув в душе с облегчением, Рейсс взял ее.

— Какой-то школьный учитель, — сказал Краус фон Меер, — интересуется, нет ли у вас для него плакатов с видами Австрии для его класса.

* * *

К одиннадцати часам утра Роберт Чилдэн закрыл свой магазин и отправился пешком в контору, где работал мистер Пол Казоура.

К счастью, Пол оказался свободен. Он вежливо поздоровался с Чилдэном и предложил ему чай.

— Я не стану отнимать у вас много времени, — произнес Чилдэн после того, как он пригубил чай. Кабинет Пола, хоть и невелик, был по-современному просто обставлен. На стене единственный превосходный эстамп — Моккайский тигр, шедевр конца тринадцатого столетия.

— Я всегда рад вас видеть, Роберт, — произнес

Пол тоном, в котором, как подумал Чилдэн, звучала некоторая отчужденность. Или, возможно, ему это просто почудилось. Чилдэн осторожно выглянул из-за чашки. Вид у собеседника определенно был дружелюбный. И все же, Чилдэн уловил некоторую перемену в нем.

— Ваша жена, — сказал Чилдэн, — разочарована моим неуклюжим подарком. Возможно, я обидел ее. И в самом деле, когда имеешь дело с чем-то новым, еще не апробированным, как я уже объяснял вам, когда передавал это изделие, нельзя еще вынести надлежащую или окончательную оценку — по крайней мере тому, для кого это еще и бизнес. Безусловно, вы и Бетти находитесь в лучшем положении, чтобы судить, чем я.

— Она не была разочарована, Роберт, — возразил Пол. — Я не передавал ей это украшение. — Запустив руку в один из ящиков стола, он извлек небольшую белую коробочку. — Она не покидала стен этого кабинета.

Он все понял, подумал Чилдэн. Ну и пройдоха! Даже не сказал ей. Вот так-то. Теперь, сообразил Чилдэн, будем надеяться, что он не станет бушевать и обвинять меня в попытке соблазнить его супругу.

Он мог бы запросто затоптать меня, отметил

про себя Чилдэн, аккуратно продолжая потягивать чай с невозмутимым лицом.

— Да, — кротко произнес он. — Интересно.

Пол открыл коробочку, вынул оттуда булавку и начал внимательно ее осматривать, поворачивая во все стороны.

— Я позволил себе показать ее некоторым своим знакомым бизнесменам, — произнес Пол, — людям, которые разделяют мой вкус в отношении художественных и эстетических качеств — в широком понимании — американских исторических предметов или изделий прикладного искусства. — Он пристально посмотрел на Роберта Чилдэна. — Никому из них, разумеется, не приходилось ни с чем подобным сталкиваться. Как вы и объяснили, до настоящего времени неизвестны подобные современные произведения искусства. Я полагаю, вам также известно, что вы являетесь единственным представителем данного направления.

— Да, это так, — сказал Чилдэн.

— Вы хотите узнать их реакцию?

Чилдэн склонил голову.

— Эти люди рассмеялись, — сказал Пол. — Рассмеялись.

Чилдэн молчал.

— Даже я, тоже, смеялся в душе так, чтобы вы не видели, — продолжал Пол, — в тот самый день, когда вы появились и показали мне эту штуковину. Естественно, дабы пощадить ваше самолюбие, я замаскировал свое отношение и оставался более или менее сдержанным в своих внешних проявлениях.

Чилдэн кивнул.

Рассматривая булавку, Пол продолжал:

— Нетрудно понять такую реакцию. Это просто кусочек металла, который, будучи расплавлен, потерял всякую форму. Он ничего из себя не представляет. В нем отсутствуют какого-либо рода глубинный смысл, какой-либо преднамеренный замысел. Это просто аморфное вещество. Можно было бы сказать, что это одно лишь содержание, лишенное формы.

Чилдэн кивнул.

— И тем не менее, — сказал Пол, — я уже в течение нескольких дней продолжаю его рассматривать и без всяких на то логических причин стал постепенно испытывать определенное эмоциональное влечение к нему. Почему это так? — мог бы я спросить. Я даже не проецирую на эту каплю металла, как это делается в германских психологических тестах, свой собственный

духовный мир. Я все еще не усматриваю в нем следов какой-либо формы. Но эта вещица уже каким-то образом отражает Дао. Понимаете? — Он показал жестом Чилдэну, что от того не требуется ответа. — Она уравновешена. Силы внутри этой частицы стабилизировались. Наступил покой. Так сказать, этот предмет находится в мире со всей остальной вселенной. Он отделился от нее, зажил самостоятельной жизнью и после этого ему удалось прийти в согласие с оставшейся частью окружающего нас мира.

Чилдэн кивнул и тоже стал внимательно глядеть на булавку. Но тут Пол совсем сбил его с толку.

— У этой вещицы совсем нет «ваби», — сказал Пол, — и не могло быть никогда. Но... — Он прикоснулся ногтем к головке. — Роберт, этот предмет обладает «ву».

— Я не сомневаюсь в вашей правоте, — произнес Чилдэн, лихорадочно соображая, что же означает это слово «ву». Оно не японское — китайское. Мудрость, решил он. Или постижение. В любом случае, нечто высокое, очень значительное.

— Руки ремесленника, — произнес Пол, — обладают «ву» и позволяют этому «ву» перетекать в

обрабатываемый им предмет. Возможно, только он один и знает, когда этот предмет удовлетворит его. Тогда он завершен, Роберт. Размышляя над этим, мы сами приобретаем больше «ву». Мы познаем умиротворенность, связанную не с искусством, а святыми вещами. Я вспоминаю часовню, в которой можно было любоваться берцовой костью одного средневекового святого. А здесь это творение рук человеческих, то же было реликвией. Эта вещица жива сейчас, в то время, как та просто оставалась, не подвергаясь каким-либо изменениям. Посредством подобного рассуждения, проделанного мною в течение весьма длительного времени, поскольку это касалось вас, я установил ценность, которой этот предмет обладает в противоположность историчности. И я глубоко тронут, как вы в этом можете убедиться воочию.

— Да, — произнес Чилдэн.

— Не иметь историчности, а также никакой художественной или эстетической ценности, но тем не менее, приобщиться к чему-то эфемерному, неземному, но очень высокому — это чудо. Подлинное чудо для такой маленькой, жалкой, совершенно никчемной на вид капли металла. Этим, Роберт, она обязана тому, что обладает «ву».

Потому что издавна установлено как факт, что «ву» обычно находят в самых невзрачных, ничем внешне не примечательных предметах, таких, которые в известном христианском афоризме названы «камнями, отвергнутыми строителем». Они испытывают присутствие «ву» в таком хламе, как старая палка или ржавая жестянка из-под пива в придорожном кювете. Однако, в этих случаях «ву» в том, кто этим любуется. Это сродни мистическим переживаниям. Здесь ремесленник скорее заложил «ву» в этот предмет, чем просто содержал внутренне присущее это капле «ву». — Он поднял глаза. — Я выражаюсь достаточно ясно?

— Да, — ответил Чилдэн.

— Другими словами, эта вещица открывает нам двери в совершенно новый мир. Имя ему не искусство, поскольку она не обладает формой, ни религия. Что же это тогда? Я бесконечно долго размышлял, глядя на эту булавку, но так и не пришел к какому-либо определенному выводу. Очевидно, нам недостает слова для обозначения класса предметов, подобных этому. Так что вы оказались правы, Роберт. Это доподлинно новое образование в пределах нашего мира.

Подлинное, отметил про себя Чилдэн. Да, в этом

у него уже не было сомнений. Эту часть рассуждения я уловил. Что же касается всего остального…

— Потратив столько времени на размышления о том, а какова же будет польза от этой вещицы, — продолжал Пол, — я в качестве следующего шага пригласил сюда вот тех же самых знакомых, о которых упоминал. Я взял это на себя, как это проделал с вами только что, донести до их сознания свои соображения, отбросив всякую тактичность при этом. Тема эта весьма пикантна в связи с тем, что касается смены владения этой вещицей, поэтому мне столь необходимо было донести то, что, кажется, уже осознал я. Я потребовал, чтобы эти лица внимательно меня слушали.

Чилдэн знал, что для таких японцев, как Пол, навязывать свои мысли другим людям настолько противоречило всем основам их воспитания, что ставило его почти в немыслимое положение.

— Результат, — сказал Пол, — придал мне уверенности в своей правоте. Подвергнувшись такому давлению с моей стороны, они разделил мою точку зрения. Они постигли то, что я им пытался обрисовать. Так что моя попытка не оказалась бесплодной. Проделав это, я успокоился. Вот и все, Роберт, Я выдохся. — Он положил булавку назад в коробочку. — Совесть моя чиста.

Примите мою отставку. — С этими словами он пододвинул коробочку в сторону Чилдэна.

— Сэр, она ваша, — произнес Чилдэн, испытывая сильную тревогу. Ситуация не вписывалась ни в одну из моделей, которые он когда-либо испытывал. Высокопоставленный японец, расхваливавший до небес поднесенный ему дар, затем возвращает его. Чилдэн почувствовал, как у него задрожали колени. Он не имел ни малейшего представления, что делать. Он встал, дергая себя беспричинно за рукав, лицо его раскраснелось.

— Роберт, вам следует более смело смотреть в лицо действительности.

Теперь, уже побледнев, Чилдэн произнес:

— Я… совершенно… сбит с толку.

Пол тоже встал лицом к лицу с ним.

— Мужайтесь. Это ваше предназначение. Вы единственный посредник в нашем мире этого предмета и других того же рода. Но вы также еще и профессионал. Уединитесь на некоторое время. Поразмышляйте, возможно, даже посоветуйтесь с «Книгой перемен». Затем снова внимательно взгляните на свои витрины и прилавки, пересмотрите свою систему торговли.

Чилдэн в изумлении уставился на него.

— Вы тогда найдете путь, который нужно избрать, — сказал Пол. — Что предпринять с вашей стороны, чтобы возникла повальная мода на такие изделия.

Чилдэн был ошеломлен. Этот человек пытается втолковать мне, что я обязан принять на себя моральную ответственность (которой, кстати, он не захотел взять на себя) за эти эдфрэнковские безделушки! Извращение, шизофреническое видение мира, столь свойственное японцам; ничто иное, как первостепенное духовное и деловое внимание к ювелирным изделиям, терпимым в глазах Пола Казоура.

И самым худшим из всего было то, что Пол определенно придавал очень большое внимание своим словам, опираясь на вековую японскую культуру и традиции.

Моя обязанность, с горечью подумал он, мой долг. Это может так ко мне прилипнуть, что не отвязаться за всю оставшуюся жизнь, стоит только раз проявить слабость. До самой могилы. Пол — к своему собственному удовлетворению, во всяком случае — освободился от этого. А вот для Чилдэна — это, к прискорбию, остается никогда уже не выводимым клеймом.

Они совсем с ума спятили, успокаивал себя

Чилдэн. Например, не помочь человеку выкарабкаться из сточной канавы из-за тех моральных обязательств, которые на них накладывает такой поступок. Как это назвать? Я бы сказал, что это символично; чего еще можно ожидать от представителей расы, которая, когда было велено воспроизвести один к одному английский эсминец, умудрились скопировать даже заплаты на котле наряду с…

Пол продолжал пристально смотреть на него. К счастью, давно уже укоренившаяся привычка заставила Чилдэна подавить в себе автоматически любое внешнее проявление подлинных чувств, обуревавших его. Он придал своему лицу спокойное, бесстрастное выражение, характерное для человека, который в состоянии правильно оценить суть любой возникающей перед ним ситуации. Он уже нутром ощущал эту личину, которой научился прикрывать свои чувства.

А ведь это же ужасно, неожиданно понял Чилдэн. Катастрофа. Уж лучше бы Пол подумал, что я пытаюсь соблазнить его жену.

Бетти. Теперь уже не было никаких шансов на то, что она увидит этот подарок, поймет подлинную его, Чилдэна, артистическую натуру. «Ву» несовместимо с сексуальностью, это, как

выразился Пол, нечто высокое и священное, как реликвия.

— Я раздал всем этим людям ваши визитные карточки, — сказал Пол.

— Простите? — рассеянно промолвил Чилдэн.

— Ваши рекламные открытки. Чтобы они могли зайти к вам и посмотреть другие образцы.

— Понятно, — сказал Чилдэн.

— И вот еще что, — сказал Пол. — Один из этих людей желает всесторонне обсудить данный вопрос с вами у себя дома. Я записал его имя и адрес. — Пол передал Чилдэну сложенный лист бумаги. — Он хочет послушать, что скажут его партнеры. Он импортер. Занимается экспортом и импортом крупных партий товаров. Особенно в Южную Америку. Радиоприемники, фотокамеры, бинокли, магнитофоны и тому подобное.

Чилдэн уставился на бумагу.

— Он имеет дело, разумеется, с огромными количествами, — сказал Пол. — Наверное, с десятками тысяч каждого наименования. Его компания контролирует различные предприятия, которые производят товары для него с низкими накладными расходами, все они расположены на Востоке, где дешевле рабочая сила.

— Почему он… — начал было Чилдэн.

— Предметы, подобные этому… — тут Пол еще раз взял в руки на несколько секунд булавку, затем положил ее на место, закрыл крышку и вернул коробочку Чилдэну, — …могут пойти в массовое производство. Изготовлять их можно как из металла, так и из пластмассы. Штамповать, отливать, прессовать. В любом требуемом количестве.

Чилдэн задумался, затем спросил:

— А как же «ву»? Оно останется в этих предметах?

Пол ничего на это не ответил.

— Вы рекомендуете мне повидаться с ним?

— Да.

— Почему?

— Это амулеты, — сказал Пол.

Чилдэн, ничего не понимая, уставился на японца.

— Амулеты, приносящие удачу. Чтобы их носили. Сравнительно бедные люди. Бесчисленное множество амулетов, которыми можно торговать по всей Латинской Америке, Африке и на Востоке. Широкие массы, вы прекрасно об этом знаете, все еще верят в магию, волшебство. В заговоры. В зелья. Это большой бизнес, как мне сказали. — Лицо Пола оставалось сосредоточенным, голос

выразительным.

— Похоже на то, — медленно произнес Чилдэн, — что здесь пахнет очень большими деньгами.

Пол кивнул.

— Это ваша идея? — спросил Чилдэн.

— Нет, — ответил Пол и надолго замолчал.

Вашего начальника, подумал Чилдэн. Вы показали этот образец своему начальнику, который знаком с этим импортером. Ваш начальник — или какое-либо стоящее выше вас лицо, некто, кому вы подчиняетесь, кто богат и могущественен, — связался с этим импортером.

Вот почему вы вернули его мне, сообразил Чилдэн. Вы не хотите принимать в этом участия. Но вы понимаете, что я пойду по этому адресу и повстречаюсь с этим импортером. Я вынужден. У меня нет иного выбора. Я дам разрешение на подобный дизайн или продам его в качестве модели, рассчитывая на определенный процент от продажи продукции; будет заключено что-то вроде сделки между мной и этой стороной.

Но вы к этому не хотите иметь никакого отношения. На малейшего. И с вашей стороны будет проявлением дурного тона позволить себе воспрепятствовать мне или спорить со мной.

— У вас есть возможность, — наконец произнес Пол, — стать чрезвычайно богатым. — Он продолжал стоически смотреть впереди себя.

— Эта мысль поразила меня своей необычностью, — сказал Чилдэн. — Изготовлять амулеты на счастье, взяв в качестве модели подобные произведения искусства — я как-то даже не в состоянии представить это.

* * *

— Потому что это не вяжется с основным направлением вашей деятельности. Вы ее посвятили тому, что имеет налет эзотеричности, тому, что может быть оценено только посвященными. Я, например, точно такой же. И те лица, которые в скором времени наведаются в ваш магазин.

— А как бы вы поступили, будь бы вы на моем месте? — спросил Чилдэн.

— Не недооценивайте возможности, предоставляемой этим уважаемым импортером. Это очень умный и практичный человек. Вы и я — мы даже не представляем себе, какое есть огромное количество людей необразованных. Они могут извлекать радость даже из штампованных, совершенно идентичных предметов, радость, которой не дано испытать нам. Мы же должны предпола-

гать, что обладаем чем-то уникальным в своем роде или по крайней мере настолько редким, что им обладают очень немногие. И, разумеется, это должно быть поистине аутентичным. Не копия или репродукция. — Он продолжал смотреть куда-то в пустоту, мимо Чилдэна. — Не то, что может штамповаться десятками тысяч.

Неужели и он догадался, захотелось узнать Чилдэну, что значительная часть исторических предметов в магазинах, подобных моему (не говоря уже о многих экземплярах в его собственной личной коллекции) являются подделками? В его словах прослеживается какой-то намек на это. Как будто ирония, с которой он мне все это излагает, является прикрытием для чего-то другого, о чем бы он хотел мне сказать, причем прямо противоположное тому, что выражается внешне? Все та же двусмысленность, на которую так часто наталкиваешься в Оракуле… свойство, как говорят, восточного склада ума.

И вот еще что, подумалось Чилдэну. Ведь он же на самом деле что говорит… ну кто ты такой, Роберт? Ты, кого Оракул называет «человеком низким», или ты — другой, кому предназначены все добрые его советы? Вот ты и должен решить, здесь. Ты выберешь один путь или другой, но не

оба вместе. Наступил момент выбора.

А какой путь изберет этот ваш начальник? — Задумался Роберт Чилдэн. — Тоже в соответствии с советом, высказанным его молодым подчиненным? Ведь это все-таки не мысль, внушенная многотысячелетним кладезем божественной мудрости — это всего лишь мнение одного смертного, одного молодого японского бизнесмена.

И все же в этом есть зерно истины. «Ву», как сказал бы Пол. «Ву» этой ситуации таково: какою бы ни стала наша личная неприязненность, реальность на стороне импортера. Хотя и намерения наши были совсем не такими. Но мы должны приспосабливаться, именно об этом говорит Оракул.

А оригиналы, несмотря на все это, можно продавать в моем магазине. Знатокам, таким, например, как друзья Пола.

— Вы боретесь с самим собой, — заметил Пол. — Ситуация сейчас, несомненно, такая, когда предпочтительнее остаться самому. — Сказав это, он направился к двери.

— Я уже решил.

Глаза Пола оживились.

Поклонившись, Чилдэн произнес:

— Я последую вашему совету. А теперь я вас

покидаю, чтобы подготовиться к визиту к этому импортеру. — Он поднял со стола сложенный лист бумаги.

Странно, Пол, казалось, остался недоволен. Он что-то буркнул и вернулся к письменному столу. Они умеют до конца сдерживать свои эмоции.

— Я очень вам благодарен за содействие, — произнес Чилдэн, собираясь уходить. — Когда-нибудь, при первой же представившейся возможности, я отплачу вам тем же. Я не забуду.

Но молодой японец и теперь никак не среагировал на слова Чилдэна. Глубоко правы те, подумал Чилдэн, кто не устает повторять, что они непостижимы для нас.

Провожая его из кабинета, Пол, казалось, со всей очевидностью подтверждал эту мысль. И только у самой двери он неожиданно раскрылся:

— Американские мастеровые делали эту вещицу вручную, верно? Затрачивая труд своего собственного тела?

— Да, от первоначального замысла до окончательной полировки.

— Сэр! А согласятся ли с такой постановкой вопроса эти мастеровые? Насколько я себе это представляю, они мечтали о совсем иной судьбе своих трудов.

— Я бы рискнул утверждать, что их нетрудно убедить, — сказал Чилдэн, для которого эта проблема казалась чем-то второстепенным.

— Возможно, так оно и есть, — сказал Пол.

Что-то в тоне его голоса заставило Роберта Чилдэна неожиданно насторожиться. Какая-то явно проступающая недосказанность. А затем, как-то сразу все прояснилось, и он, несомненно, разгадал эту двусмысленность японца, все до конца поняв.

Конечно же. Вся эта словесная шелуха была лишь прикрытием отвергнуть попытки возродить американское ювелирное искусство, мастерски разыгранного прямо у него на глазах. Циничное по своей сути, а он, не приведи господь, проглотил крючок, а с ним и леску, и грузило. Он заставил меня согласиться, шаг за шагом водил по узкой тропе в саду восточной изощренной мудрости к единственно возможному заключению: творение американских рук годится разве только для того, чтобы служить шаблоном для утиля — дешевых амулетов на счастье.

Вот каким методом господствуют японцы: не методом жестокого подавления, а исподволь, с утонченным искусством безграничной хитрости.

Господи! Какие же мы варвары по сравнению с ними, понял Чилдэн. Мы всего лишь жалкие простаки перед их безжалостной логикой. Пол не сказал мне прямо, не стал мне доказывать, что наше искусство ничего не стоит. Он заставил меня самого сказать это вместо себя. И этой насмешкой он уже до конца меня добивает, а еще скорбит о том, что я так сказал. Приторно-вежливый жест сочувствия, когда услышал от меня эту горькую истину.

Он сломал меня, почти вслух произнес Чилдэн, однако, к счастью, ему удалось оставить эти слова только в своих мыслях. Как и раньше, он держал истинные свои чувства наглухо запертыми в своем внутреннем мире, обособленном и тайном, открытом только для себя одного. Он унизил меня и всех моих соотечественников. И я беспомощен. Мне нечем отплатить за это; мы — побежденный народ, и наше поражение в войне сродни тому, какое потерпел я сам только что, это поражение такое тонкое, такое внешне незаметное, что мы едва ли в состоянии постичь всю степень его тяжести. Фактически, мы скоро должны будем поднимать все наши архивы, чтобы выяснить, что оно вообще имело место.

Какие еще можно предъявить доказатель-

ства пригодности японцев господствовать? Он почувствовал, как его начинает душить смех, возможно, от понимания происходящего. Да, так оно и есть. Это как крепкий отборный анекдот, который нужно хорошо запомнить, посмаковать на досуге и даже рассказать. Вот только кому? Вот в этом-то и проблема. Слишком он личного свойства, чтобы его пересказывать.

В углу кабинета Пола он заметил корзину для ненужных бумаг. В нее! — Сказал себе самому Роберт Чилдэн, туда эту каплю металла, туда эту безделушку вместе с вцепившимся в нее «ву».

В состоянии ли я так поступить? Вышвырнуть ее? Покончить с создавшимся невыносимым положением прямо на глазах у Пола?

Но, думал он, крепко сжимая в пальцах коробочку, не имею права, если все еще надеюсь встретиться с этим своим приятелем-японцем.

Черт бы их всех побрал, я не в состоянии освободиться из-под их влияния, не в состоянии дать волю охватившему меня порыву. Вся непосредственность момента пропала… Пол внимательно смотрит на меня, ему все ясно без слов. Загнав мою совесть в ловушку, он протянул невидимую струну от этой безделицы металла в моей ладони через мою руку и плечи прямо в душу.

Догадывается, что слишком уж долго прожил я, околачиваясь возле них. Слишком уже поздно бежать сломя голову, возвращаться к своим былым соотечественникам, их нравам и обычаям.

— Пол… — начал Роберт Чилдэн. Голос его, он сам это тут же обнаружил, треснул, не выдержав тяжести его безумных мыслей о попытке бегства — перестал его слушаться, и он уже не в состоянии был придать ему ту или иную тональность.

— Да, Роберт.

— Пол, меня… это… унижает.

Комната закружилась перед его глазами.

— Почему, Роберт? — спросил японец огорченно, но как-то отрешенно. Будто он здесь совершенно ни при чем.

— Пол. Одну минутку. — Он выудил крохотное ювелирное украшение из коробочки. Оно стало скользким от пота. — Пол… я горжусь этой работой. Не может быть и речи о том, чтобы из нее лепили такую халтуру, как амулеты на счастье. Я отвергаю это.

И снова он никак не мог определить реакцию этого молодого японца. Он весь был только слух, только простое восприятие.

— Тем не менее, я благодарен вам, — сказал Роберт Чилдэн.

Пол поклонился.

Поклонился и Роберт Чилдэн.

— Люди, изготовившие это, — сказал Чилдэн, — гордые американские художники. Я в том числе. Поэтому предложение пустить их труд на дрянные амулеты оскорбляет нас, и я прошу вас извиниться.

Воцарилось казавшееся вечностью молчание.

Пол внимательно разглядывал Чилдэна. Одна его бровь приподнялась слегка, чуть искривились в улыбке тонкие губы.

— Я требую, — сказал Чилдэн. Это все. На большее он чувствовал, что не способен. Он просто ждал.

Пожалуйста, взмолился он. Ну помогите мне.

— Простите, что я ошибся в своей самонадеянности, — произнес Пол и протянул руку.

— Вот и прекрасно, — ответил Роберт Чилдэн.

Они пожали друг другу руки.

Удивительное спокойствие снизошло на душу Чилдэна. Я пережил это. Я остался цел и невредим. Все кончено. Бог милостив; он не обошел меня в нужный момент своим вниманием. В другой раз все может получиться совершенно иначе. Смогу ли я отважиться еще раз, можно ли еще раз так искушать судьбу? Вероятнее всего, нет.

Ему взгрустнулось. На короткий миг он будто поднялся на поверхности и увидел себя свободными.

Жизнь коротка, подумал он. Искусство или еще что-нибудь, только не жизнь, могут жить долго, простираясь в бесконечность, как бетонная лента шоссе. Равная, белая, нераздираемая пересечениями. Вот я стою перед нею. Но это уже все.

Взяв маленькую коробочку, он положил ее вместе с ювелирной вещицей фирмы «Эдфрэнк» во внутренний карман своего пальто.

12

— Мистер Тагоми, — произнес Рамсэй, — это мистер Ятабе. — Он удалился в угол кабинета, а вперед вышел невысокий старичок.

Протянув руку, Тагоми сказал:

— Я очень рад встретиться с вами лично, сэр. — Легкая, хрупкая рука пожилого господина скользнула в его ладонь. Он осторожно слегка пожал ее и тут же отпустил, надеясь, что ничего не сломал. Тагоми внимательно всматривался в черты лица пожилого господина и остался доволен тем, что увидел. Такой твердый, ясный взгляд, в глазах ни малейшего ослабления умственных способностей. Во всем облике ощущалась прочность старинных традиций. Лучшее качество, которым в состоянии похвастаться старость… И вот тут-то он понял, что перед ним стоит генерал Тедеки, бывший начальник имперского генерального штаба.

Тагоми низко поклонился.

— Генерал, — только и вымолвил он.

— А где третья сторона? — спросил генерал Тедеки.

— Сейчас прибудет, он уже близко, — сказал Тагоми. — Я лично позвонил ему в гостиницу. — В голове у него шумело, в низкой согбенной позе он отступил на несколько шагов назад, чувствуя, что вряд ли в состоянии будет выпрямиться.

Генерал сел. Мистер Рамсэй, все еще в неведении относительно личности пожилого господина, помог ему, пододвинув стул, но не выказывал особой почтительности. Тагоми нерешительно занял место напротив генерала.

— Мы зря теряем время, — произнес генерал. — Прискорбно, но неизбежно.

— Верно, — согласился Тагоми.

Прошло десять минут. Никто из них не нарушал молчания.

— Извините меня, сэр, — произнес, засуетившись, наконец Рамсэй. — Я удалюсь, если позволите.

Тагоми кивнул, и Рамсэй покинул кабинет.

— Чай, генерал? — спросил Тагоми.

— Нет, сэр.

— Сэр, — произнес Тагоми, — я должен признаться в том, чего боюсь. Я ощущаю в этой встрече нечто, внушающее ужас.

Генерал склонил голову.

— Мистер Бейнс, которого я встречал, — продол-

жал Тагоми, — и принимал у себя дома, называет себя шведом. Однако при более близком рассмотрении я убедился в том, что на самом деле это, по всей вероятности, весьма высокопоставленный немец. Я это говорю, потому что…

— Пожалуйста, продолжайте.

— Благодарю вас. Генерал, его взволнованность относительно задержки этой встречи побудила меня сделать заключение, что она вызвана политическими неурядицами в Рейхе. — Тагоми тактично не уведомил его о том, что ему известен другой факт — неприбытие генерала в заранее обусловленное время.

— Сэр, — произнес генерал. — Сейчас в излагаете свои предположения. Меня же интересуют только достоверные факты. — В его глазах на мгновенье загорелся почти отеческий блеск. В них не было злобы или неудовольствия.

Тагоми учел это замечание.

— Сэр, мое присутствие на этой встрече — простая формальность, чтобы сбить со следа нацистских ищеек?

— Естественно, — сказал генерал. — Мы заинтересованы в поддержании определенной фикции. Мистер Бейнс является представителем «Тор-Ам Индастриз» в Стокгольме, сугубо деловой чело-

век. А я — Синиро Ятабе.

А я — мистер Тагоми, подумал Тагоми. Такова моя участь.

— Нацисты, безусловно, скрупулезно следят за всеми передвижениями мистера Бейнса, — сказал генерал. Руки его покоились на коленях, а туловище держалось так прямо, будто аршин проглотил… — И чтобы разоблачить эту фикцию, им придется прибегнуть к соблюдению буквы закона. В этом истинная цель нашей маскировки — не ввести их в заблуждение, но потребовать выполнения всех подобающих данному случаю формальностей в том случае, если участники встречи будут разоблачены. Вы, например, понимаете, что их интересует гораздо большее, чем просто убийство мистера Бейнса… Пристрелить его они могли бы независимо от того, было ли у него это фиктивное прикрытие или нет.

— Понимаю, — сказал Тагоми. — Похоже на какую-то игру. Но в Токио хорошо известен образ мышления нацистов. Поэтому, как я полагаю, в этом есть определенный смысл.

На столе зажужжал интерком.

— Сэр, — раздался голос Рамсэя, — мистер Бейнс здесь. Пропустить его?

— Да! — выкрикнул Тагоми.

Дверь отворилась, и мистер Бейнс, одетый во все с иголочки, в великолепно сшитом и тщательно отутюженном костюме, подтянутый, уверенный в себе, вошел в кабинет.

Генерал Тедеки поднялся, чтобы поздороваться с ним. Тагоми тоже встал. Все трое раскланялись.

— Сэр, — обратился Бейнс к генералу. — Я — капитан Рудольф Вегенер из контрразведки военно-морских сил Рейха, как вам дано было понять, я не представляю никого, кроме себя самого и определенной группы частных лиц, имена которых я не имею права называть, как не представляю и какое-либо министерство или управление правительства Рейха.

— Герр Вегенер, — заявил генерал, — я понимаю, что вы никоим образом не являетесь официальным уполномоченным одного из учреждений правительства Рейха. Я здесь — неофициально частное лицо, о котором благодаря его прежнему положению в императорской армии можно сказать, что оно имеет доступ к определенным кругам в Токио, которые желают услышать все, что бы вы не соизволили высказать.

Весьма таинственные речи, подумал Тагоми. — Но не враждебные. Что-то в них было почти

музыкальное. Содержали какое-то освежающее облегчение для каждой стороны.

Все участники встречи сели.

— Без какой-либо преамбулы, — начал мистер Бейнс, — мне хочется проинформировать вас и тех, к кому вы имеете доступ, о том, что в Рейхе находится уже на завершающей стадии разработка программы под кодовым названием «Левенцан». Одуванчик.

— Да, — сказал генерал, кивнув, как будто это было уже известно и раньше, но Тагоми тут же понял, что он с нетерпением ждет продолжения рассказа.

«Одуванчик», — продолжал Бейнс, — это прежде всего инцидент на границе между Скалистогорными Штатами и Соединенными Штатами.

Генерал кивнул, слегка улыбнувшись.

— Если войска США подвергнутся нападению, они ответят тем, что пересекут границу и откроют огонь по регулярным войскам СГШ, расквартированным поблизости. Войска США располагают подробными картами с указанием размещения подразделений средне-западной армии. Шаг номер два заключается в заявлении Германии относительно этого конфликта. Отряд добровольцев-десантников вермахта будет по-

слан на помощь США. Но и это лишь очередная маскировка.

— Да, — произнес генерал, внимательно слушая.

— Главной целью «Операции „Одуванчик“», — произнес Бейнс, — является массированное ядерное нападение на острова Метрополии без какого-либо предварительного уведомления. — Сказав это, он надолго замолчал.

— С целью уничтожения императорской семьи, армии береговой обороны, большей части имперского флота, гражданского населения, промышленности, ресурсов, — продолжил генерал Тедеки. — Оставив нетронутыми заморские владения для поглощения их Рейхом.

Бейнс продолжал молчать.

— Что еще? — спросил генерал.

Бейнс, казалось, язык проглотил.

— Дата, сэр, — произнес генерал.

— Все изменилось, — сказал Бейнс. — Из-за смерти Мартина Бормана. По крайней мере, я так полагаю. Сейчас у меня нет связи с абвером.

Помолчав некоторое время, генерал произнес:

— Продолжайте, герр Вегенер.

— Мы рекомендуем, чтобы японское правительство с пониманием относилось к внутреннему

положению Рейха. Или, по крайней мере, к тому, с чем я сюда прибыл. Определенные группировки в Рейхе благосклонно относятся к «Операции „Одуванчик“»; некоторые — против ее осуществления. Были надежды на то, что противники ее могут прийти к власти после смерти канцлера Бормана.

— Но пока вы были здесь, — сказал генерал, — герр Борман скончался, и политическое положение утряслось само собой. Доктор Геббельс ныне рейхсканцлер. Неурядицы окончились. — Он сделал паузу. — Как его группировка относится к «Операции „Одуванчик“»?

— Доктор Геббельс, — сказал Бейнс, — является сторонником ее проведения.

Незамечаемый участниками переговоров, Тагоми закрыл глаза.

— А кто против нее? — спросил генерал Тедеки.

Тагоми услышал слова мистера Бейнса.

— Генерал СС Гейдрих.

— Меня это удивляет, — сказал генерал Тедеки. — У меня есть сомнения на сей счет. Это абсолютно достоверная информация или только точка зрения, которой придерживаетесь вы и ваши коллеги?

— Управление Востоком, — сказал Бейнс, — то есть территорией, ныне удерживаемой Японией, — должно осуществляться министерством иностранных дел, людьми Розенберга, работающими под непосредственным началом рейхсканцелярии. Это было предметом ожесточенных споров на многочисленных совещаниях высших должностных лиц в прошлом году. У меня имеются фотокопии протоколов. Полиция требовала власти, но ей только поручили колонизацию космоса, Марса, Луны, Венеры. Это их сфера деятельности. Как только это разделение полномочий было произведено, полиция все свои усилия сосредоточила на космической программе в противовес «Операции „Одуванчик“».

— Вечное соперничество, — произнес генерал Тедеки. — Одна команда играет против другой. А судья — вождь. Поэтому его положение остается незыблемым и никем не оспаривается.

— Верно, — подтвердил Бейнс. — Вот почему меня сюда послали ходатайствовать о вашем вмешательстве. Пока еще есть возможность вмешаться. Ситуация еще способна измениться. Пройдет еще несколько месяцев, пока доктор Геббельс сможет закрепиться на своем посту. Ему придется сломить сопротивление полиции,

возможно, даже казнить Гейдриха и других высших руководителей СС и СД. Как только это будет сделано…

— Мы, значит, должны поддерживать службы безопасности, — перебил его генерал Тедеки, — это наиболее злокачественное образование в теле германского общества?

— Да, это так, — произнес Бейнс.

— Император, — сказал генерал Тедеки, — ни за что не даст согласия на проведение подобной политики. Он расценивает все элитные формирования Рейха — будь то чернорубашечники, члены организации «Мертвая голова» или воспитанники замковой системы — в равной степени порочными, воплощающими в себе зло.

Зло, повторил про себя Тагоми. Да, оно существует. И нам ему способствовать в достижении власти, чтобы спасти свои жизни? Не в этом ли главный парадокс создавшегося по всему земному шару положения?

Я не в состоянии судить в таком затруднительном положении. Этому человеку приходится действовать в условиях раздвоения совести. Из этого нет выхода. Все так перепуталось. Все хаос света и тьмы, тени и материи.

— Вермахт, — сказал Бейнс, — является един-

ственным обладателем водородной бомбы в Рейхе. Там, где ее применяли чернорубашечники, они делали это под присмотром армии. Канцелярия при Бормане всегда препятствовала передаче ядерного оружия в руки полиции. В «Операции „Одуванчик“» все будет проводиться ОКВ, «Верховным армейским командованием».

— Я отдаю себе отчет в этом, — произнес генерал Тедеки.

— Морально-этические принципы чернорубашечников превосходят в своей жестокости вермахт. Но власти у них меньше. Мы должны опираться исключительно на действительность, на реальную власть. А не на морально-этические принципы.

— Да, нам приходится быть реалистами, — заметил Тагоми вслух.

И мистер Бейнс, и генерал Тедеки обернулись в его сторону.

Обращаясь к мистеру Бейнсу, генерал спросил:

— Что конкретно вы предлагаете? Чтобы мы вошли в контакт с людьми из СД здесь, в Тихоокеанских Штатах? Обратились непосредственно к… не знаю, кто здесь шеф СД. Воображаю, насколько это омерзительный тип.

— Местной службе СД ничего не известно, —

сказал Бейнс. — Здешний шеф СД Краус фон Меер заскорузлый партийный подонок. Айн альтпартайгеноссе. Полный идиот. Никто в Берлине и не подумает сказать ему что-нибудь; он просто выполняет текущие поручения.

— Тогда что же? — в голосе генерала появились сердитые нотки. — Связаться со здешним консулом или послом Рейха в Токио?

Эти переговоры обречены на провал, — подумал Тагоми. — Независимо от того, что поставлено на карту. Мы не в состоянии даже ногой ступить в чудовищную шизофреническую трясину нацистских междоусобиц. Наши умы не в состоянии приспособиться к этому.

— Это нужно проделать очень тонко, — заметил мистер Бейнс. — Через целую цепь посредников. Через кого-нибудь, близкого к Гейдриху, кто живет вне Рейха, в нейтральной стране. Или кого-то, кто часто вояжирует между Берлином и Токио.

— Вы имеете кого-нибудь на примете?

— Итальянского министра иностранных дел графа Чиано. Умный, заслуживающий доверия, очень смелый человек, преданный делу международного взаимопонимания. Однако, у него нет никаких контактов с аппаратом СД. Но он мог бы работать через кого-то еще в Германии, через

таких промышленников, как Крупп или таких военных, как генерал Шпейдель. Возможно, даже через представителей Ваффен-СС. Ваффен-СС наименее фанатичная, наиболее умеренная ветвь германского общества.

— А если взять ваше ведомство, абвер — через вас, наверное, совершенно бесполезно подступиться к Гейдриху?

— Чернорубашечники сильно оклеветали нас. Они вот уже в течение 20 лет не оставляют попыток добиться партийного одобрения на ликвидацию нас как отдельного ведомства.

— Разве вы не подвергаете себя чрезвычайной личной опасности с их стороны? — спросил генерал Тедеки. — Они, как я понимаю, очень активны здесь, на Тихоокеанском побережье.

— Активны, но глупы, возразил Бейнс. — А представитель министерства иностранных дел Рейсс — дипломат умелый, но находится в оппозиции к СД. — Он пожал плечами.

— Мне бы хотелось получить ваши фотокопии, — сказал генерал Тедеки. — Чтобы передать их нашему правительству. Любые материалы, которыми вы располагаете, имеющие отношение к этим дискуссиям в Германии. И… — Он задумался. — Доказательства. Объективного свойства.

— Разумеется, — сказал Бейнс. Он опустил руку в карман, вытащил серебряный портсигар и протянул его генералу Тедеки. — В каждой сигарете вы обнаружите полный контейнер с микрофильмом.

— А как быть с самим портсигаром? — спросил генерал, рассматривая его и выкладывая сигареты. — Это, кажется, слишком ценная вещь, чтобы с нею расстаться.

Бейнс в ответ улыбнулся:

— Портсигар тоже.

— Благодарю вас. — Генерал спрятал портсигар в карман пальто.

Снова зажужжал настольный интерком. Раздался голос Рамсэя.

— Сэр, в вестибюле первого этажа группа людей СД. Они пытаются овладеть зданием. С ними дерутся охранники «Ниппон Таймс Билдинга». — Откуда-то издалека послышалась сирена. Снаружи здания, с улицы, далеко внизу под окнами кабинета Тагоми. — Военная полиция уже выехала, вместе с кампанией Сан-Франциско.

— Спасибо, мистер Рамсэй, — произнес Тагоми. — Вы поступили очень благоразумно, спокойно сообщив нам об этом. — Мистер Бейнс и генерал Тедеки напряженно прислушивались. —

Господа, — обратился к ним мистер Тагоми. — Мы несомненно уничтожим бандитов из СД прежде, чем им удастся достигнуть этого этажа. — Мистеру Рамсэю он велел:

— Отключите немедленно электропитание лифтов.

— Слушаюсь, мистер Тагоми. — Рамсэй дал отбой.

— Подождем, — произнес Тагоми. Он открыл один из ящиков письменного стола и вынул шкатулку из тикового дерева. Раскрыв ее, он извлек великолепно сохранившийся кольт 44-го калибра производства 1860 года, применявшийся в гражданской войне на территории США — бесценное сокровище его личной коллекции. Вынув также коробку с амуницией — рассыпным порохом, пулями и капсюлями, — и начал заряжать револьвер. Бейнс и генерал Тедеки следили за его действиями, широко раскрыв глаза.

— Часть моей личной коллекции, — пояснил Тагоми. — Изрядно с ним повозился в часы досуга в тщетных попытках освоить славное искусство заряжания и стрельбы. Но в деле пользоваться им не приходилось. — Держа револьвер в руке, он прицелился в дверь кабинета. И стал ждать.

* * *

Фрэнк Фринк работал за верстаком в их подвальной мастерской, занимаясь полировкой на вращающемся шпинделе. В руке он держал наполовину завершенную серьгу, с силой прижимая ее к фетровому кругу. Очки его были сильно забрызганы частицами полировочной пасты, он нее же были черными ладони и ногти. Серьга в виде спирально изогнутой раковины стала горячей от трения, но Фрэнк с еще большей силой продолжал прижимать ее к вращающемуся фетру.

— Не надо, чтобы она так уж сильно блестела, — заметил Эд Маккарти. — Просто сними выпуклости, впадинки оставь как они есть.

Фрэнк Фринк что-то невразумительно буркнул.

— Отполированное серебро раскупается не лучше, — продолжал он. На изделиях из серебра должен быть характерный черный налет.

Рынок, отметил про себя Фрэнк Фринк.

Они еще ничего не продали. Кроме того, что они сдали на комиссию в «Художественные промыслы Америки», никто больше ничего у них не взял, хотя они посетили еще пять магазинов.

Мы работаем бесплатно, отметил про себя Фринк. — Делаем все больше и больше украшений и только загромождаем ими все вокруг себя. Тыльная часть застежки серьги попала под круг, ее вырвало из пальцев Фринка, и она, ударившись о защитный щиток, упала на пол. Фринк выключил двигатель.

— Держи крепче такие серьги, — заметил Маккарти, возясь с газовой горелкой.

— Господи, да ведь она вся величиной с горошину. Совершенно не за что ухватиться.

— Все равно, подними ее.

Черт бы побрал все это дело, подумал Фринк.

— В чем дело? — спросил Маккарти, видя, что Фринк ничего не делает, чтобы поднять с пола серьгу.

— Мы зря сорим деньгами.

— Но мы ведь не можем продать то, чего не сделали.

— Мы еще ничего не продали, — сказал Фринк. — Сделанного или несделанного.

— Пять магазинов — это капля в море.

— Этого достаточно, чтобы понять.

— Не заводись.

— А я и не завожусь, — ответил Фринк.

— Что же ты тогда имеешь ввиду?

— Имею ввиду, что пора искать сбыт металлолома.

— Ладно, — согласился Маккарти. — Тогда выходи из дела.

— А я и выхожу.

— Я буду продолжать сам, — сказал Маккарти, поджигая горелку.

— А как мы поделим барахло?

— Не знаю. Что-нибудь придумаем.

— Плати мне отступного, — предложил Фринк.

— Черта с два.

Фринк стал прикидывать в уме.

— Плати мне шестьсот долларов.

— Нет, забирай половину всего.

— Пол-электромотора?

Оба замолчали.

— Еще три магазина, — сказал Маккарти, — тогда и поговорим об этом. — Опустив маску, он начал впаивать сегмент медной проволоки в наручный браслет.

Фрэнк Фринк отошел от верстака. Он нашел на полу серьгу в виде раковины и положил ее в коробку для незаконченных изделий.

— Выйду на воздух покурить, — сказал он и пересек подвал, направляясь к ступенькам.

Через несколько секунд он уже стоял на тротуа-

ре с сигаретой «Чиен-лаис» в руке.

Все кончено, подумал он. Чтобы это понять, нет даже необходимости обращаться к Оракулу. Я ощущаю, что за момент сейчас. Нутром чую. Поражение.

И трудно, на самом деле сказать, почему. Может быть, теоретически, мы бы могли продолжать. Ходить из магазина в магазин, попробовать в других городах. Но что-то не так. И никакие усилия и мастерство не изменят этого.

Я хочу знать, почему, подумал он. Но никогда этого не узнаю. Чем нам следовало заняться? Что делать вместо этого?

Мы не уловили момент. Не уловили дух Дао. Бросились против течения, поплыли в неверном направлении. И теперь — распад. Крушение.

Инь одолел нас. Свет показал нам свою задницу и куда-то пропал.

Мы можем только махать кулаками.

Пока он так стоял под карнизом здания, делая быстрые затяжки от сигареты с марихуаной, и тупо глядел на движение транспорта по проезжей части улицы, к нему не спеша подошел заурядный человек средних лет.

— Мистер Фринк? Фрэнк Фринк?

— Он перед вами, — ответил Фринк. Мужчина

предъявил сложенную бумагу и удостоверение.

— Я из управления полиции Сан-Франциско. Это ордер на ваш арест.

Он уже держал Фринка за локоть; все было сделано.

— За что? — возмущенно воскликнул Фринк.

— Обман. Мистера Чилдэна из «Художественных промыслов Америки», — полицейский насильно повел Фринка по тротуару; к ним подошел еще один переодетый фараон, подхватил его с другого бока, и быстро подтащил его к стоявшему тут же небольшому фургону без номеров.

Это само веление момента, подумал Фринк, когда его заталкивали на заднее сиденье между двумя полицейскими. Дверца захлопнулась. Машина, за рулем которой сидел третий полицейский, в форме, вырулила на середину проезжей части улицы. Вот они, гнусные сукины дети, которым мы должны подчиняться.

— У вас есть адвокат? — спросил один из фараонов.

— Нет, — ответил он.

— Вам дадут список адвокатов в участке.

— Благодарю, — произнес Фринк.

— Что вы сделали с деньгами? — спросил один из фараонов позже, когда они остановились внут-

ри гаража полицейского участка на Кэрни-стрит.

— Потратил их.

— Все?

Он ничего не ответил.

Один из фараонов покачал головой и рассмеялся.

Когда они стали выбираться из машины, один из фараонов спросил у Фринка:

— Ваша настоящая фамилия Финк?

Фринк похолодел от ужаса.

— Финк, — повторил полицейский. — Вы — кайк. — Он показал на большую серую папку. — Беженец из Европы.

— Я родился в Нью-Йорке, — возразил Фрэнк Фринк.

— Вы бежали от наци, — сказал фараон. — Вы знаете, что это означает.

Фрэнк Фринк вырвался и побежал по гаражу. Три фараона закричали, и у ворот он натолкнулся на полицейскую машину с вооруженными фараонами, которая перегородила ему путь. Полицейские улыбались, глядя на него, а один из них, с пистолетом в руке, вышел вперед и с треском защелкнул наручники вокруг запястий. Дернув за цепочку — тонкий металл глубоко врезался в тело, чуть ли не до самой кости, — фа-

раон протащил его назад по тому же пути, что он пробежал, направляясь к воротам.

— Назад, в Германию, — сказал один из фараонов, глядя на него с нескрываемым интересом.

— Я — американец, — возмутился Фрэнк Фринк.

— Вы — еврей, — сказал полисмен.

Уже на втором этаже один из фараонов спросил у другого:

— Его зарегистрируют здесь?

— Нет, — ответил тот. — Здесь он будет содержаться до передачи германскому консулу. Они хотят подвергнуть его суду по законам Германии.

Никакого списка адвокатов, разумеется, не было.

* * *

В течение двадцати минут мистер Тагоми оставался неподвижен за письменным столом, держа дверь под прицелом револьвера, а мистер Бейнс в это время мерил шагами его кабинет. Престарелый генерал после некоторого раздумья поднял телефонную трубку и стал пытаться созвониться с японским посольством в Сан-Франциско. Однако ему не удалось добраться до барона Калемакуле;

посла, как сказал ему чиновник посольства, нет в городе.

Затем генерал Тедеки предпринял попытки установить связь с Токио.

— Я хочу обратиться к руководству военной коллегии, — пояснил он Бейнсу. — А они свяжутся с имперскими вооруженными силами, расквартированными поблизости от границы с Соединенными Штатами. — Внешне он казался таким же невозмутимым, как и всегда.

Так что нас через пару часов выручат, отметил про себя Тагоми. Возможно, японские морские пехотинцы с авианосца, вооруженные пулеметами и минометами.

Действия по официальным каналам, безусловно, высокоэффективны, если говорить о результате… но, к великому сожалению, они отнимают много времени. А внизу, на нижних этажах, бандиты-чернорубашечники устроили тем временем настоящее побоище среди секретарей и клерков.

Однако лично он практически ничего не мог с этим поделать.

— Может быть, стоило бы попытаться связаться с германским консулом? — предложил Бейнс.

Тагоми представилась картина, как он вызы-

вает мисс Эфрикян с ее магнитофоном и диктует экстренный протест герру Р. Рейссу.

— Я позвоню герру Рейссу, — сказал Тагоми, — по другому телефону.

— Пожалуйста, — произнес Бейнс.

Продолжая держать в руке Кольт-44, бесценный экспонат своей личной коллекции, Тагоми нажал кнопку на письменном столе. Из-под столешницы появился незарегистрированный телефон, установленный специально для строго конфиденциальных разговоров.

Он набрал номер германского консульства.

— Добрый день, кто звонит?

Отрывистый, с сильным немецким акцентом голос мужчины. Несомненно, весьма мелкого служащего.

— Его превосходительство герра Рейсса, пожалуйста. Экстренно. Это мистер Тагоми из Высшей имперской торговой миссии, глава ее. — Он прибегнул к жесткой, не терпящей баловства тональности своего голоса.

— Да, сэр. Извольте подождать один момент. Момент длился очень долгий. Из трубки не раздавалось никаких звуков, даже треска помех на линии. Он просто стоит с телефонной трубкой, решил Тагоми. Обманывает с типично нордиче-

ской подлостью.

— От меня, естественно, хотят отмахнуться, — произнес он, обращаясь к застывшему в ожидании у другого телефона генералу Тедеки и шагающему по кабинету мистеру Бейнсу.

Наконец снова раздался голос служащего.

— Извините, что заставил вас ждать, мистер Тагоми.

— Вовсе нет.

— Консул на совещании. Однако…

Тагоми положил трубку.

— Напрасная трата сил, это самое мягкое, что можно сказать, — сказал он, испытывая неловкость. Кому еще позвонить? Токкока уже проинформирована, так же, как и расквартированная у самой воды в порту военная полиция. Туда звонить уже не имеет смысла. Вызвать непосредственно Берлин? Рейхсканцлера Геббельса? Имперский военный аэродром в Напа с просьбой, чтобы выручили с воздуха?

— Я позвоню шефу СД герру Краусу фон Мееру, — решил он вслух, — и стану жаловаться в самых разных выражениях. В самых напыщенных, с оскорбительными выпадами. — Он начал набирать номер официально — мягко говоря — зарегистрированного в сан-францисском теле-

фонном справочнике, как «Дежурное помещение охраны ценных грузов терминала „Люфтганзы“ в аэропорту».

Пока в трубке раздавались продолжительные гудки, Тагоми произнес:

— Буду браниться на самых высоких исторических нотах.

— Желаю хорошего представления, — улыбаясь, сказал генерал Тедеки.

В трубке раздался типичный немецкий грубоватый говор:

— Кто это? — голос, в еще большей степени не терпящий каких-либо шуток. Но Тагоми решил не отступать. — Ну, что там у вас? — требовательно вопрошал голос.

— Я приказываю, — закричал в трубку Тагоми, — арестовать и отдать под суд вашу банду головорезов и дегенератов, которые настолько обезумели, превратившись в белокурое зверье — берсерков, что это уже не поддается никакому описанию! Вы разве меня не узнаете, КЕРЛ! Это мистер Тагоми, Советник имперского правительства! Даю вам пять секунд, после чего, плевать мне на все законы, приказываю штурмовым группам морской пехоты начинать резню с применением огнеметов и фосфорных гранат. Какой

позор для народа, который хочет называть себя цивилизованным!

На другом конце линии эсдешный чернорабочий-поденщик стал от волнения исходить слюной.

Тагоми подмигнул Бейнсу.

— ...нам ничего неизвестно об этом, — отнекивался незадачливый лакей СД.

— Лжец! — завопил Тагоми. — Тогда у нас нет выбора! — он швырнул трубку. — Это, сами понимаете, всего лишь жест, — пояснил он Бейнсу и генералу Тедеки. — Но в любом случае, вреда от него не будет. Всегда имеется некоторая вероятность того, что даже у СД могут не выдержать нервы.

В этот момент начавший говорить по своему телефону генерал Тедеки тут же положил трубку.

Двери широко распахнулись и появились двое здоровенных белых с пистолетами, оборудованными глушителями. Глазами они искали Бейнса.

— Да ист эр[4], - крикнул один из них, и они бросились к мистеру Бейнсу.

Не поднимаясь из-за стола, Тагоми прицелился из своего древнего коллекционного Кольта-44 и

---

[4] Примечания: 4
Он здесь (*нем.*).

нажал на спуск. Один из людей СД рухнул на пол Другой мгновенно направил пистолет на Тагоми и выстрелил.

Тагоми не услышал звук выстрела, только увидел тонкий шлейф дыма из дула и услышал свист пронесшейся рядом пули. С затмевающей всякие рекорды скоростью он оттягивал курок неавтоматического, рассчитанного только на одиночные выстрелы, Кольта-44, стреляя из него снова и снова.

Челюсть человека из СД разлетелась на куски. Взлетели в воздух частицы кости и тканей, осколки зубов. Попал прямо в рот, понял Тагоми. Страшное место, особенно если пуля на взлете. В глазах штурмовика из СД, оставшегося без челюсти, все еще теплилась жизнь, какая-то ее частица. Он все еще видит меня, подумал Тагоми. Затем глаза потеряли блеск, и штурмовик повалился вниз, выпустив из рук пистолет и издавая какие-то нечеловеческие клокочущие звуки.

— Мне дурно, — взмолился Тагоми.

В открытом дверном проеме других штурмовиков не было видно.

— Неверное, это все, — после некоторой паузы произнес генерал Тедеки.

Тагоми, всецело поглощенный обременитель-

ной трехминутной перезарядкой кольта сделал остановку, чтобы нажать на кнопку настольного интеркома.

— Немедленно пришлите медицинскую помощь, — распорядился он. — Здесь раненый бандит.

Ответа не последовало, только шум.

Наклонившись, мистер Бейнс подобрал пистолеты немцев. Один из них он передал генералу, другой оставил у себя.

— Теперь мы сможем их просто косить, — заметил Тагоми, занимая прежнюю позицию с Кольтом-44 в руке. — Грозный триумвират собрался в этом кабинете.

В коридоре раздался громкий голос:

— Германские хулиганы, сдавайтесь!

— О них уже позаботились, — отозвался Тагоми. — Лежат или мертвые или умирающие. Заходите и проверьте на месте.

Появилась группа служащих здания «Ниппон Таймс Билдинг», некоторые из них несли в руках топоры, ружья и гранаты со слезоточивым газом.

— Скандальное дело, — произнес Тагоми. — Правительству ТША в Сакраменто могло бы без колебаний объявить войну Рейху. — Он разрядил револьвер. — Пожалуй, уже не нужен.

— Они будут всячески отрицать свою причастность, — сказал Бейнс. — Стандартный прием. Многократно применявшийся. — Он положил оборудованный глушителем пистолет на письменный стол Тагоми. — Сделано в Японии.

Он не шутил. Это было правдой. Отличного качества японский спортивный пистолет. Тагоми внимательно осмотрел его.

— А они — не немцы, — продолжал Бейнс. Он взял бумажник одного из убитых. — Гражданин ТША. Проживает в Сан-Хосе. Ничто не указывает на его принадлежность к СД. Зовут его Джек Сандерс. — Он отшвырнул бумажник.

— Налет с целью ограбления, — произнес Тагоми. — Наших сейфов. Политические мотивы отсутствуют. — Он встал из-за стола. Ноги его дрожали.

В любом случае, попытка СД убийства или похищения потерпела полный провал. По крайней мере, первая из них. Но было ясно, что они знали, кто такой мистер Бейнс и, в чем тоже можно было не сомневаться, для чего он сюда явился.

— Прогноз, — сказал Тагоми, — весьма мрачен.

Интересно, задумался он, вот в этот самый момент мог бы оказаться чем-нибудь полезен Оракул? Вероятно, он смог бы защитить нас.

Предостеречь, оградить своим советом.

Все еще испытывая слабость в ногах, он начал вытаскивать сорок девять стебельков тысячелистника. Положение, в котором мы оказались, решил он, запутанное и ненормальное. Человеческому уму не дано расшифровать его; здесь пригодна только пятитысячелетняя совокупная мудрость. Германское тоталитарное общество скорее напоминает какую-то извращенную форму жизни, чем естественное образование. Наихудшую во всех проявлениях причудливой смеси жестокости и бессмысленности.

Здесь, подумал он, местная служба СД действует в качестве инструмента политики в полном противоречии с головой в Берлине. Где в этом составном существе разум? Чем на самом деле является Германия? Чем была она когда-то? Это как разлагающаяся заживо кошмарная пародия решения проблем, с которыми приходится сталкиваться в процессе существования.

Оракул проникает в саму суть ее. Даже такая загадочная порода зверя, каким является нацистская Германия, доступна постижению «Книге перемен».

Бейнс, увидев, как отрешенно Тагоми возится с горстью травянистых стеблей, понял, насколько

глубоко страдает этот человек. Для него, подумал Бейнс, весь этот инцидент, то, что ему пришлось убить и покалечить этих двух человек, не просто ужасно. Это непостижимо.

Что бы я мог сказать ему в утешение? Что он стрелял ради меня. Следовательно, на мне лежит моральная ответственность за эти две жизни. И я принимаю ее на себя. Так я на это смотрю.

Став рядом с Бейнсом, генерал Тедеки произнес тихо:

— Вы являетесь свидетелем человеческого отчаянья. Он, вы понимаете, несомненно воспитан в буддистском духе. Даже если не внешне, в формальных проявлениях, все равно ощущается глубокое влияние буддизма. Культуры, в которой нельзя отнимать жизнь ни у кого — все живущее священно.

Бейнс понимающе кивнул.

— Он обретет душевное равновесие, — продолжал генерал Тедеки. — Со временем. Сейчас пока что у него нет такой точки зрения, с помощью которой он мог бы оценить и постичь то, что он совершил. Эта книга поможет ему, ибо она подскажет ему на что опереться, чтобы вынести верное суждение.

— Понимаю, — произнес Бейнс. Такой внешней

опорой, которая могла бы ему помочь, могла бы быть доктриной первородного греха. Интересно, слышал ли он вообще о ее существовании. Мы все обречены на то, чтобы совершать акты жестокости, насилия и зла; такая уж наша судьба, обусловленная нашей тяжелой наследственностью. Это наша карма.

Чтобы спасти одну жизнь, мистер Тагоми отнял Две. Логический, сбалансированный разум не в состоянии этого осмыслить. Человека по натуре доброго, такого, как мистер Тагоми, может довести до умопомешательства сопричастность к таким свершившимся фактам.

Тем не менее, подумал Бейнс, решающий момент находится не в настоящем, это не моя смерть или смерть этих двух штурмовиков из СД; он лежит — предположительно — в будущем. То, что сейчас произошло, оправданно или бессмысленно в зависимости от того, что произойдет в будущем. Удастся ли нам спасти жизнь миллионов людей, фактически всех японцев?

Но человек, который столь вдохновенно возится с растительными стеблями, не в состоянии так думать; настоящее, действительность слишком для него осязаемы — это один мертвый и другой умирающий немцы на полу его кабинета.

Генерал Тедеки прав — только время может вернуть Тагоми взгляд в будущее. Или это произойдет, или он, возможно, спрячется в тени душевной болезни, навсегда отвратит свой взор от будущего…

И мы на самом-то деле не так уж сильно от него отличаемся, подумал Бейнс. Мы сталкиваемся с подобными же трудностями. И поэтому, к несчастью своему, мы не в состоянии чем-либо помочь мистеру Тагоми. Мы можем только ждать, что в конце концов он придет в себя, а не станет жертвой того, что совершил.

13

В Денвере они нашли шикарные современные магазины. Одежда, как посчитала Джулия, была поразительно дорогой, но Джо, казалось, это было как-то безразлично, он как-будто и не замечал дороговизны. Он просто платил за все, что она выбирала, и они спешили в следующий магазин.

Ее главное приобретение — после многочисленных примерок платьев и очень долгих раздумий, заканчивавшихся отказом — состоялось в этот день довольно уже поздно: светло-голубое атласное платье оригинального покроя с короткими пышными рукавами и доходящим до неприличия огромном декольте. В магазине европейской моды ей попался на глаза манекен в таком платье; оно в этом сезоне считалось последним криком моды и обошлось Джо почти в двести долларов.

Наряду с платьем ей понадобилось три пары обуви, еще больше нейлоновых чулок, несколько шляпок и новая дамская черная кожаная сумочка ручной работы. И, как она обнаружила, декольте этого атласного платья потребовало приобретения новых бюстгальтеров, которые прикрывали

хотя бы нижнюю половинку груди. Обозревая себя в полный рост в зеркало магазина, она испытывала такое ощущение, будто слишком уж сильно раздета и что ей небезопасно даже слегка наклоняться в этом платье. Но девушка-продавщица заверила ее, что половинки бюстгальтера нового покроя остаются непоколебимо на своих местах даже несмотря на отсутствие шлеек.

Едва прикрывают соски, подумала Джулия, глядя на себя в уединении в примерочной, и ни на один миллиметр выше. Бюстгальтеры тоже стоили весьма недешево — импортные, ручной работы, как объяснила продавщица. Она также показала ей спортивную одежду, шорты, купальные костюмы и еще махровый пляжный ансамбль, но Джо заторопился и они двинулись дальше.

Когда Джо грузил пакеты и сумки в машину, она спросила:

— Как ты считаешь, я буду выглядеть потрясающе?

— Да, — ответил он озабоченным тоном. — Особенно в этом голубом платье. Надень его, когда мы отправимся туда, к Абендсену. Поняла? — Последнее слово он произнес резко, отрывисто, как будто это был приказ. Тон, с каким он произнес

его, очень удивил Джулию.

— У меня то ли 12, то ли 14 размер, — сказала она, когда они вошли в следующий магазин. Продавщица мило улыбнулась и провела их к стеллажам. Что мне еще нужно, задумалась Джулия. Лучше накупить как можно больше, пока они в состоянии это себе позволить. Глаза ее охватили все сразу — блузки, юбки, свитера, брюки, пальто… Да, пальто.

— Джо, — сказала она. — Мне нужно пальто. Но не шерстяное.

Они остановились на пальто из синтетической ткани германского производства; оно было более носким, чем из натурального меха и менее дорогим. Но Джулия испытывала некоторое разочарование. Чтобы поднять настроение, она начала рассматривать украшения. Но все они были на вид какими-то унылыми, дешевыми, сплошная дрянь, сделанная без намека на воображение или оригинальность.

— Мне нужны настоящие украшения, ювелирной работы, — объяснила она Джо. — Хотя бы серьги. И булавка — чтобы можно было выйти в голубом платье. — Она повела его по тротуару в ювелирный магазин. — И еще тебе нужно приодеться, — напомнила она виновато. — Нам

нужно выбрать одежду тебе тоже.

Пока она рассматривал украшения, Джо зашел в парикмахерскую подстричься. Когда он вышел через полчаса, она была поражена и едва его узнала: он не только подстриг волосы как можно короче, но еще и перекрасил их, стал блондином. Боже праведный, подумала она, глядя на него. Зачем?

Пожав плечами, Джо произнес:

— Я устал быть вопом. — Он отказался обсуждать этот вопрос дальше, и они вошли в магазин мужской одежды.

Они купили хорошо сшитый костюм из искусственного волокна — дакрона, также носки, нижнее белье и пару модных остроносых полуботинок. Что еще, подумала Джулия. Рубахи. И галстуки. Она вместе с продавцом отобрала две белые рубахи с отложными манжетами, несколько галстуков французского производства и пару серебряных запонок, и черное портмоне из крокодиловой кожи. Все покупки для него отняли у них всего сорок минут. Она очень удивилась, обнаружив, насколько это легче сделать по сравнению с ее покупками.

Джо стал нервничать. Он расплатился по счету имевшимися у него банкнотами Рейхсбанка и

они вышли из магазина, направившись к машине. Было уже полпятого и с покупками — по крайней мере, во всем, что было связано с Джо, — они разделались.

Костюм его, подумала Джулия, не мешало бы чуть подправить.

— Ты не хочешь слегка заузить пиджак в талии? — спросила она у Джо, когда они влились в поток машин, проезжавших по центральной части Денвера.

— Нет, — голос его отрывистый и какой-то безликий даже испугал ее.

— Что-то не так? Слишком много накупила? Я это и сама понимаю, отметила она про себя. Я много потратила денег, даже слишком много. Можно вернуть несколько юбок.

— Давай пообедаем, — сказал Джо.

— О, видит Бог, я поняла, что еще забыла купить. Ночные рубашки.

Он бросил в ее сторону свирепый взгляд.

— Неужели ты не хочешь, чтобы я приобрела несколько приличных ночных рубашек? — спросила она. — Я тогда буду вся такая свежая и…

— Нет, — он покачал головой. — Забудь об этом. Смотри лучше, где бы мы могли пообедать.

Джулия твердо произнесла:

— Сначала мы поедем и устроимся в гостинице, чтобы сменить одежду. А потом уже пообедаем. Будет лучше, если это будет по-настоящему хорошая гостиница, подумала она, или тогда к чему все это? Даже этот обед. Узнаем в гостинице, где в Денвере лучше всего готовят. И название хорошего ночного клуба, куда мы сможем заглянуть, ведь в самом-то деле, можно хоть раз в жизни побывать в таком месте, где выступают не местные таланты, а настоящие знаменитости из Европы, вроде Элеоноры Перес или Вилли Бека. Я знаю, что великие кинозвезды студии «УФА», вроде этих, заезжают в Денвер, потому что я видела афиши с их именами. И я не соглашусь ни на что меньшее.

Пока они подыскивали подходящую гостиницу, Джулия, не отрываясь, глядела на человека рядом с ней. После того, как он подстригся и стал блондином, переоделся в новую одежду, он уже совсем не был похож на того, кем был раньше, отметила она про себя. Таким он мне нравится больше? Трудно сказать. И я — когда сделаю новую прическу, мы оба станем двумя почти что совсем другими людьми, созданными из ничего, или, вернее, из денег. Но я обязательно должна привести в порядок свои волосы, решила она

окончательно.

Они нашли большую величественную гостиницу в самом центре Денвера, со швейцаром в ливрее у входа, который взял на себя заботу поставить машину на стоянку. Именно о такой гостинице она мечтала. И бой — на самом-то деле взрослый мужчина в темно-бордовой униформе — быстренько подскочил к ним и понес их пакеты и багаж, не оставив им ничего другого, как только подняться по широким, устланным ковром ступеням под защитным навесом к входу из красного дерева со стеклянными дверьми.

В вестибюле с каждой стороны небольшие киоски, цветочные стойки, лотки с подарками, сладостями, почтовое отделение, стол заказов билетов на авиарейсы, суета у стойки администратора и у лифтов, огромные растения в кадках, и под ногами, куда ни ступишь, ковры, толстые и мягкие… Джулия почувствовала подлинную атмосферу настоящей приличной гостиницы с ее многолюдьем и бурной деятельностью. Неоновые надписи показывали, где находятся ресторан, коктейль-холл, буфет. Она едва запоминала все, пока они пересекали вестибюль, направляясь к стойке администратора.

Здесь был даже книжный киоск.

Пока Джо записывался у дежурного администратора, она извинилась и поспешила к книжному киоску проверить, имеется ли здесь «Саранча…». Да, здесь есть, целая стопка экземпляров в ярких обложках да еще и рекламная надпись, сообщающая, насколько это популярная и замечательная книга и, разумеется, запрещенная на контролируемых Германией территориях. Улыбающаяся почти по матерински женщина средних лет, казалось, уже давно поджидала именно ее. Книга стоила почти четыре доллара, что показалось Джулии очень дорого, однако она расплатилась купюрами Рейхсбанка из своей новой сумочки и быстро вернулась к Джо.

Прокладывая себе дорогу багажом, бой провел их к лифту и дальше, на второй этаж, затем по коридору — такому тихому, теплому, устланному коврами, — в великолепный, просто потрясающий номер. Бой отпер дверь, занес все внутрь, поправил у окна шторы и занавеси. Джо дал ему на чай, и он ушел, закрыв за собой дверь.

Все пока что складывалось так, как она хотела.

— Сколько дней мы проведем в Денвере? — спросила она у Джо, который начал на кровати разворачивать пакеты. — Прежде, чем мы отправимся дальше, в Шайенн?

Он не ответил, увлекшись проверкой содержимого своего саквояжа.

— Один день или два? — спросила она, снимая новое пальто. — Или ты считаешь, что мы могли бы оставаться здесь все три?

Подняв голову, Джо ответил:

— Мы собираемся туда сегодня вечером.

Сначала Джулия ничего не поняла; когда же до нее дошел смысл сказанных им слов, она не могла поверить. Она с изумлением посмотрела на него, в его ответном взгляде было непреклонное, почти даже насмешливое выражение, а лицо его настолько неестественно и страшно напряглось, что приняло такое выражение, какого она никогда еще не видела ни у кого из людей за всю свою жизнь. Он, казалось, застыл как мертвый, с руками, полными своей же собственной одежды из саквояжа и наклонившимся туловищем.

— После того, как пообедаем, — добавил он.

Она даже не могла ничего придумать, что ответить ему.

— Так что одевай это голубое платье, которое стоит так много, — сказал он. — То, которое тебе так нравится. Оно и на самом деле очень хорошее — понимаешь? — Он начал расстегивать рубашку. — Я хочу побриться и принять хоро-

ший горячий душ. — Голос его стал каким-то механическим, будто он говорил с расстояния в несколько миль с помощью какого-то аппарата. Повернувшись, он направился в ванную окостеневшим, дергающимся шагом.

С большим трудом ей удалось вымолвить:

— Сегодня уже слишком поздно.

— Нет. Мы разделаемся с обедом до половины шестого, до шести самое позднее. Будем там всего лишь в пол-девятого. Ну, скажем, самое позднее, в девять. Мы можем позвонить отсюда, сказать Абендсену, что мы приезжаем; объясним наше положение. Это произведет впечатление, дальний междугородний звонок. Скажем так — мы вылетаем на Западное побережье. В Денвере мы всего лишь один вечер. Но мы в таком восторге от его книги, что хотим поехать в Шайенн и сегодня же вечером вернуться, что мы не можем упустить такую возможность…

Она перебила его:

— Почему?

На глаза у нее начали накатываться слезы, и она обнаружила, как больно сжала кулаки, заложив большие пальцы внутрь, как делала это, когда была еще совсем маленькой. Она почувствовала, как задергалась ее нижняя челюсть, и

когда она заговорила, голос ее едва был слышен.

— Я не хочу ехать и встречаться с ним сегодня вечером. И не подумаю. Вообще не хочу туда ехать, даже завтра. Я только хочу посмотреть здесь всякие интересные зрелища. Как ты обещал мне. — И пока она говорила, снова появился страх и сдавил ее грудь, тот особый слепой панический страх, который вряд ли вообще ее оставлял даже в самые приятные моменты, пока она была с ним. Он охватил все ее тело и подчинил ее себе; она ощутила, как этот страх мелкой рябью пробежал по ее лицу, так на нем отразился, что Джо легко мог его заметить.

— Мы туда быстро смотаемся, — сказал он, — а потом, когда вернемся — вот тогда-то и займемся зрелищами. Он говорил рассудительно, но почти механически, как будто отвечал урок.

— Нет, — сказала она. — Одень это голубое платье. — Он стал рыться в пакетах, пока не нашел его в самой большой коробке. Осторожно сняв веревку, вынул платье, аккуратно разложил на кровати, совершенно не торопясь. — О'кей? Ты будешь в нем сногсшибательная. Послушай, мы еще купим бутылку дорогого виски и возьмем ее с собой.

Фрэнк! — Взмолилась Джулия. Помоги мне. Я

столкнулась с чем-то таким, чего совершенно не понимаю.

— Шайенн гораздо дальше, — ответила она, — чем тебе кажется. Я посмотрела по карте. Будет на самом деле очень поздно, когда мы туда доберемся, скорее всего, не меньше одиннадцати, а то и за полночь.

— Одень платье или я тебя убью, — сказал Джо.

Закрыв глаза, она начала потихоньку хихикать. Мои тренировки, подумала она. Значит, в конце концов, не зря. Теперь посмотрим. Сможет ли он убить меня или мне удастся прищемить нерв у него на спине и искалечить на всю жизнь? Но он дрался с этими английскими диверсантами. Он проходил через все это, много лет тому назад.

— Я знаю, что тебе, может быть, удастся швырнуть меня на пол, — сказал Джо. — А может быть и нет.

— Не швырну тебя, а искалечу на всю жизнь, — сказала она. — Я на самом деле могу. Я долго жила на Западном побережье. Японцы научили меня, еще в Сиэттле. Поезжай, если тебе так невмоготу, в Шайенн сам, а меня оставь здесь. Не пытайся принудить меня. Я боюсь тебя, и я попытаюсь… — голос ее сорвался, — я попытаюсь сделать тебе

очень плохо, если ты посмеешь подойти ко мне.

— Ну, ну, давай, только одень это чертово платье! Что это на тебя нашло? Ты, должно быть, чокнулась, говоря о каком-то убийстве, о каком-то членовредительстве только из-за того, что я хочу, чтобы ты после обеда прыгнула в машину и поехала со мной по автобану повидаться с этим малым, чью книгу…

В дверь постучали.

Джо крадущейся походкой подошел к двери и отворил. Бой в униформе, стоя в коридоре, произнес:

— Служба быта. Вы справлялись у администратора, сэр.

— Да, да, — сказал Джо и вприпрыжку бросился к кровати. Он собрал новые белые рубахи, которые купил, и понес бою. — Вы можете вернуть их через полчаса?

— Только разгладим складки, — сказал бой, осмотрев рубахи. — Не стирая. Да, я уверен, что успеем, сэр.

Как только Джо прикрыл дверь, Джулия спросила:

— Откуда ты знаешь, что новую белую рубаху нельзя одевать, не погладив?

Он ничего не ответил, только пожав плечами.

— О, я совсем забыла, — сказала Джулия. — А женщине это надо знать... Когда вынимаешь их из целлофана, они все в складках.

— Когда я был помоложе, я, бывало, частенько прилично одевался и выходил погулять.

— Каким образом ты узнал, что в гостинице есть служба быта? Я не знала об этом. Ты на самом деле подстригся и перекрасил волосы? Я думаю, у тебя всегда волосы были светлыми и ты носил парик. Разве не так?

Он снова пожил плечами.

— Ты, наверное, из СД, — сказала она. Выдаешь себя за вопа — водителя грузовика. И ты никогда не сражался в Северной Африке, верно? Ты, я так думаю, приехал сюда убить Абендсена.

Разве не так? Я не сомневаюсь в этом. Хотя и понимаю, какая я тупая. — Она чувствовала, что иссякла, выдохлась.

После некоторого раздумья Джо произнес:

— Да, я воевал в Северной Африке. Может быть и не в артиллерийской батарее Парди. С бранденбуржцами. — Он пояснил: — В диверсионных отрядах вермахта. Мы проникали в штаб англичан. Так что я не вижу особой разницы, где я воевал. Нам всюду приходилось много действовать. Я был под Каиром. Там я заработал медаль

и был отмечен в приказе. Я был капралом.

— Эта авторучка — оружие?

Он не ответил.

— Бомба, — вдруг поняла она и выпалили это вслух. — Бомба-ловушка, которая так настроена, что взрывается, когда кто-то к ней прикасается.

— Нет, — сказал он. То, что ты видела, это двухваттный приемопередатчик. Чтобы я мог поддерживать связь по радио. На тот случай, если произойдут какие-либо перемены в планах связи с неопределенностью политического положения в Берлине, которое меняется чуть ли не каждый день.

— Ты сверишься с ними перед тем, как сделать это. Для верности.

Он кивнул.

— Ты не итальянец. Ты — немец.

— Швейцарец.

— Мой муж — еврей, — сказала Джулия.

— Мне все равно, кто твой муж. Все, чего я от тебя хочу, это чтобы ты одела платье и привела себя в порядок, чтобы мы смогли пойти пообедать. Сделай себе прическу. Жаль, что не сходила в парикмахерскую. Может быть, в гостинице салон красоты еще открыт. Ты могла бы сходить туда, пока я буду ждать свои рубашки и прини-

мать душ.

— Как же это ты собираешься убить его?

— Пожалуйста, одень новое платье, Джулия, — сказал Джо. — Я позвоню вниз и спрошу насчет парикмахерши. — Он подошел к телефону.

— Почему это я так тебе нужна?

Набирая номер, Джо сказал:

— У нас заведено досье на Абендсена. Похоже на то, что его особо влечет к определенному типу темноволосых, возбуждающих чувственность женщин. Женщин ближневосточного или средиземноморского типа.

Пока он разговаривал со служащими гостиницы, Джулия подошла к кровати и легла на нее. Она закрыла глаза и положила на лицо ладони.

— У них есть парикмахерша, — сказал Джо, как только положил трубку. — И она сможет позаботиться о тебе хоть сейчас. Для этого тебе надо пройти в салон. Он на антресолях, между первым и вторым этажами. Открыв глаза, она увидела, что это он дает ей купюры Рейхсбанка.

— Дай мне спокойно полежать здесь, — сказала она. — Пожалуйста.

Он посмотрел на нее с явным любопытством и участием.

— Сиэтл стал точно таким же, как Сан-Франсис-

ко, — сказала она, — если бы не большой пожар. Крепкие старые деревянные дома, немного кирпичных, и такой же холмистый, как Сан-Франциско. Японцы там обосновались еще задолго до начала войны. У них там был целый деловой район — дома, магазины и все прочее, все очень старое. Был там и порт. Меня научил дзюдо один маленький старый японец — меня туда привез с собою один моряк торгового флота, и пока я жила там, я начала брать эти уроки. Минору Игуасу. Он носил жилетку и галстук. Такой кругленький, как йо-йо. Он давал уроки на верхнем этаже здания, которое занимала какая-то японская контора, на его двери висела старомодная табличка с золотыми буквами, и приемная, как в кабинете дантиста. С журналами «Нэшнл Джиографик».

Склонившись над Джулией, Джо взял ее за руки и приподнял в сидячее положение, подперев спину руками, чтобы она не упала назад.

— В чем дело? Ты ведешь себя так, будто заболела. — Он заглянул ей в глаза, стал разглядывать черты лица.

— Я умираю, — сказала Джулия.

— Это просто неврастения. У тебя часто бывают такие приступы тревоги? Я могу дать тебе успокаивающее из аптечки в номере. Хочешь фе-

нобарбитал? И мы ничего не ели сегодня с десяти часов утра. Все у тебя будет прекрасно. Когда мы будем у Абендсена, тебе ничего не надо делать, только стоять там со мной. Говорить буду я один. Только улыбайся приятно мне и ему. А потом как-нибудь заведи с ним разговор, чтобы он остался с нами и не ушел куда-нибудь. Когда он тебя увидит, я уверен, он пустит нас внутрь, особенно, когда увидит этот разрез на голубом платье. Я бы и сам тебя пустил, будь я на его месте.

— Пропусти меня в ванную, — взмолилась Джулия. — Меня мутит. Пожалуйста. — Она стала вырываться из его рук. Меня сейчас стошнит — пусти меня.

Он отпустил ее, и она прошла через всю комнату в ванную, закрыв за собой дверь и включив свет.

Я могу это сделать, подумала она. Здесь можно это найти. В аптечке — любезно приготовленная пачка лезвий для безопасной бритвы, мыло зубная паста. Она вскрыла маленькую свежую пачку лезвий. Да, острый только один край. Развернула новенькое, еще в смазке, иссиня-черное лезвие.

Из душа полилась вода. Джулия стала под струю — боже ты мой, да ведь она в одежде. Все пропало. Одежда прилипла к телу. Вода стекала с разме-

тавшихся волос. Ужаснувшись, она споткнулась и едва не упала, стараясь поскорей выскочить из-под струи. Вода насквозь промочила чулки… она начала плакать.

Когда в ванную вошел Джо, Джулия стояла у умывальника. Она сняла с себя испорченный модный костюм и теперь стояла голая, опираясь руками об умывальник, и отдувалась, наклонившись над ним.

— Господи Иисусе, — произнесла она, когда поняла, что он рядом. — Даже не знаю, что делать. Мой вязаный костюм испорчен. Он шерстяной. — Она показала рукой. Он повернулся и увидел на полу груду промокшей одежды.

Очень спокойно — но с искаженным лицом — Джо произнес:

— Ну, все равно он тебе сегодня не нужен. — Пушистым белым гостиничным полотенцем он вытер ее насухо и провел назад в теплую, покрытую коврами комнату. — Одень белье — достань что-нибудь. Я попрошу, чтобы парикмахерша поднялась сюда. Ей положено, в таких гостиницах это заведено. — Он снова поднял телефонную трубку и стал набирать номер.

— Что бы ты посоветовал мне принять из таблеток? — спросила она, когда он перестал говорить

по телефону.

— Совсем забыл. Сейчас позвоню в аптеку. Нет, подожди. У меня самого кое-то есть. Нембутал или какая-то другая дрянь в том же роде. — Он поспешил к своему саквояжу и стал в нем лихорадочно рыться.

Когда он протянул ей две желтые таблетки, она спросила:

— А мне от них не станет плохо? — и как-то неуклюже взяла их.

— Что-произнес он, по его лицу пробежала судорога.

Пропадай пропадом плоть моя, подумала Джулия. До самых костей.

— Я хотела сказать, — осторожно начала она. — Не стану ли я от них еще больше рассеянной?

— Нет, это что-то производства «АГ-Хемие», чем меня снабдили еще дома. Я прибегаю к ним, когда не могу уснуть. Я сейчас дам тебе стакан с водой. — Он поспешил в ванную.

Лезвие, вспомнила Джулия. Я проглотила лезвие. Теперь оно разрезает мне кишки. Вот оно, наказание. За то, что вышла замуж за еврея и сожительствовала с убийцей из гестапо. За все, что я совершила. Все кончено. Она заплакала.

— Пойду-ка, — сказала она, поднимаясь на но-

ги, — в парикмахерскую.

— Ты же совсем раздетая! — он подхватил ее, усадил, стал пытаться натянуть на нее трико, но ему это никак не удавалось.

— Мне нужно, чтобы у тебя прическа была в полном порядке, — отчаявшимся голосом произнес он. — Где же эта «гур», женщина?

— Волос делает медведя, — заговорила она медленно, тщательно выговаривая слова, который снимает пятна с наготы. Прячься, от веревки не спрячешься, повесят за крюк. Крюк, Грюк, Гром, «Гур». — Это все таблетки разъедают плоть. Наверное, в них концентрированная кислота. Все к одному, если не так, то от этого разъедающего мое тело растворителя, который до конца пожрет меня.

Пристально глядя на нее, Джо побелел, как смерть. Должно быть, читает, что творится внутри у меня, подумала она. Читает мои мысли с помощью той своей машинки, хотя мне и не удалось ее найти.

— Это таблетки, — сказала она. — Все перепуталось, все смешалось.

— Ты их даже не приняла, — сказал Джо и показал на ее сжатый кулак. Разжав пальцы, она убедилась, что таблетки все еще у нее в руке. — У

тебя душевное расстройство, — сказал он. Движения его стали тяжелыми, замедленными, он весь стал как какая-то инертная масса. — Ты очень больна. Мы не можем никуда ехать.

— Не надо врача, — сказала Джулия. — Мне станет лучше. — Она попыталась улыбнуться. Следила за его лицом, чтобы понять, удалось ли ей это. Смотрела на него, как на отражение его разума, который улавливает обрывки ее бессвязных мыслей.

— Я не могу тебя такую брать к Абендсену! — вскричал Джо. — Сейчас никак. Завтра. Может быть, тебе станет лучше. Мы попробуем завтра. Мы должны.

— Можно мне пройти снова в ванную?

Он кивнул, выражение его лица непрерывно менялось, он никак не мог совладать с ним, и поэтому едва ее слышал. Она снова вернулась в ванную, закрыла за собой дверь. Вынув из аптечки еще одно лезвие, взяла его в правую руку и вышла из ванной.

— Бай-бай! — произнесла Джулия.

Когда она стала открывать дверь в коридор, он вскрикнул и с яростью бросился к ней.

Короткое, быстрое движение.

— Это ужасно, — сказала она. — Они такие ост-

рые. Мне не следовало забывать об этом.

Всегда готовые к нападению грабители. Со всякими там шатающимися по ночам я определенно в состоянии совладать. Куда же подевался этот? Исполняет какой-то танец, шлепая себя ладонью по горлу.

— Пропусти меня, — сказала она. — Не загораживай мне дорогу, если не хочешь получить урок. И всего-то от женщины.

Держа наготове лезвие, Джулия прошла в открытую дверь. Джо сидел на полу, прижав ладонями одну сторону своего горла. В позе загорающего солнце.

— Гуд-бай, — сказала она и закрыла за собою дверь. В покрытом коврами коридоре было тепло и уютно.

Какая-то женщина в белом халате, что-то неразборчиво себе подпевая, катила, опустив голову, тележку. Тараща глаза на номера на дверях, едва не столкнулась с Джулией. Женщина подняла голову, и глаза ее едва не выскочили из орбит.

— О, какая конфетка! — сказала она. — Ты на самом деле тепленькая. Тебе надо гораздо больше, чем парикмахер — ну-ка, ступай назад в свой номер и одень на себя что-нибудь, пока тебя не вышвырнули из этой гостиницы. Прости

господи. — Она открыла дверь перед Джулией. — Пусть твой мужик протрезвит тебя. Я попрошу горничную принести сюда горячий кофе. Ну, пожалуйста, ступай к себе в номер.

Затолкав Джулию назад в номер, женщина захлопнула за ней дверь, и сразу же не стало слышно звука ее тележки.

Парикмахерша, поняла Джулия. Опустив глаза, она увидела, что на ней действительно ничего нет. Женщина была совершенно права.

— Джо, — пожаловалась она, — меня не выпускают. — Она нашла кровать, нашла свой чемодан, открыла его, вытряхнула из него одежду. Белье, затем кофту и юбку… пару туфель на низком каблуке. — Меня заставили вернуться, — сказала Джулия. Найдя расческу, она быстро расчесала волосы, затем привела их в порядок. — Только погляди, что мне пришлось испытать. Эта женщина в коридоре была права, когда хотела меня отколотить. — Поднявшись, пошла искать зеркало. — Это получше? — Зеркало на внутренней стороне дверцы внутреннего шкафа. Поворачиваясь и так, и этак, нагибаясь, став на носки, внимательно себя осмотрела. — Я в полном замешательстве, — сказала она, ища его глазами. — Я едва соображаю, что я делаю. Ты, должно быть,

вместо того, чтобы мне помочь, дал мне что-то такое, от чего мне стало еще хуже.

Все еще продолжая сидеть на полу, прижимая ладонь к шее, Джо произнес:

— Послушай. Ну и хороша ты. Перерезала мне аорту. Артерию в моей шее.

Прыснув, она прикрыла рот рукой.

— О боже, какой же ты чудак! Я имею в виду, что ты совсем путаешь слова. Аорта находится в груди. Ты хотел сказать — сонную артерию.

— Если я отпущу руку, — сказал он, — я истеку кровью за две минуты. Ты это знаешь. Поэтому окажи мне какую-нибудь помощь. Ты меня понимаешь? Ты это умышленно сделала? Конечно же. О'кей — позвонишь или сама пойдешь?

Подумав немного, она сказала:

— Да, умышленно.

— Ну так все равно пришли их ко мне. Ради меня.

— Иди сам.

— У меня открытая рана. — Она увидела, что кровь просачивалась сквозь его пальцы, стекала по запястью. На полу уже образовалась лужица. — Я не решаюсь пошевелиться. Мне нужно оставаться здесь.

Она накинула свое новое пальто, закрыла

новую кожаную сумочку ручной работы, подхватила чемодан и столько своих пакетов, сколько ей удалось поднять. Особенно последила за тем, чтобы не забыть большую коробку с тщательно уложенным голубым атласным платьем. Открыв дверь в коридор, оглянулась на Джо.

— Может быть, я смогу сказать портье. Там, внизу.

— Да, — сказал он.

— Ладно. Я скажу им. И не вздумай искать меня в Кэнон-Сити, потому что я не собираюсь туда возвращаться. И со мной почти все банкноты Рейхсбанка. Так что я в прекрасной форме, несмотря ни на что. Гуд бай. Прости меня. — Она закрыла дверь и как можно быстрее прошла по коридору, волоча за собой чемодан и пакеты.

Возле лифта ей помогли пожилой, хорошо одетый бизнесмен и его жена. Они взяли у нее пакеты, а внизу, в вестибюле, передали их бою.

— Благодарю вас, — сказала Джулия.

После того, как бой вынес ее чемодан и пакеты на тротуар перед гостиницей, она нашла служащего гостиницей, который ей объяснил, где можно получить назад свою машину. Вскоре она уже стояла на холодном бетонном полу подземного гаража, дожидаясь, пока дежурный

подгонит к рампе ее «студебеккер». В сумке она нашла немало мелочи различного достоинства — она дала на чай дежурному, села в машину и стала подниматься по ярко освещенной рампе к выезду на темную улицу с ее огнями, фарами автомобилей, неоновыми рекламами.

Ливрейный швейцар собственноручно погрузил ее багаж в машину, улыбнувшись с такой искренней добросердечностью, чрезвычайно ободрившей ее, что она дала ему огромные чаевые, прежде чем уехать. Никто не пытался ее остановить, и это удивляло. Никто даже бровью не повел. Наверное, они знают, что он заплатит, решила она. Или, может быть, он это сделал еще при регистрации.

Пока Джулия ждала вместе с другими автомобилями зеленый свет на перекрестке, она вспомнила, что не сказала, что Джо сидит на полу номера, нуждаясь в медицинской помощи, ожидая ее прибытия, ожидая от того самого момента и до конца света или пока не придет в номер завтра утром уборщица.

Лучше все-таки вернуться, решила она, или позвонить по телефону. Остановиться у кабины телефона-автомата.

Это так глупо получилось, подумала Джулия,

проезжая по улицам в поисках места, где можно было бы поставить машину и позвонить по телефону. Кто бы мог подумать об этом всего лишь час тому назад? Когда мы регистрировались в гостинице, когда мы перестали… мы почти что уже поладили, начали одеваться, чтобы отправиться обедать. Мы могли бы даже заглянуть в ночной клуб. Она снова заплакала, обнаружила, что слезы капают с ее носа, падая на блузку от каждого сотрясения машины. Как плохо, что я не посоветовалась с Оракулом, он бы все предусмотрел и предостерег меня. Почему я этого не сделала? Я могла к нему обратиться когда угодно и где угодно, в то время, когда мы ехали в Денвер или еще до нашего отъезда, в Кэнон-Сити. Она непроизвольно начала стонать; никогда раньше она не слышала, чтобы из груди ее исторгались такие хриплые звуки, такое завывание. Это привело ее в ужас, но она не могла сдержать своих рыданий даже несмотря на то, что до боли сжимала зубы. Какое-то страдальческое причитанье, неразборчивое пение, вой, вопли исходили из самой ее глубины через нос.

Когда она наконец поставила машину, то еще долго сидела, не выключая двигатель, вся дрожа, засунув руки глубоко в карманы пальто. Господи,

печально сказала она себе. Неужели даже такое случается на свете? Она выбралась из машины и вытащила из багажника чемодан. Расположившись на заднем сиденье, открыла его и стала копаться в одежде и обуви, пока в руках не оказались два черных тома Оракула. Здесь же, на заднем сиденьи, она стала бросать три мелкие монеты Скалистогорных Штатов, рассматривая, как они падают, при свете из витрины большого универсального магазина. Что мне теперь делать? Такой вопрос задала она Оракулу. Скажи мне, что делать, ПОЖАЛУЙСТА.

Гексаграмма 42. «Приумножение», с подвижными строками на второй, третьей и четвертой позициях, следовательно, переходящая в гексаграмму 43, «Выход». Она с жадностью прочла текст, последовательно постигая в уме значение каждой строки, собирая смысл их в единое целое и анализируя получившееся суждение. Господи, да ведь он точно описывает ситуацию — еще одно чудо. Здесь схематично, крупными мазками разворачивалось перед ее глазами все, что произошло за сегодняшний день.

«Благоприятно иметь, куда выступить.

Благоприятен брод через великую реку».

Продолжать путешествие, двигаться дальше и

совершить нечто важное. Теперь строки. Губы ее неслышно шевелились…

«Десять пар черепах не в состоянии ему противиться. Вечная стойкость — к счастью. Царю надо проникнуть с жертвами к богам».

Теперь шестерка третья. Когда она читала эту строку, у нее кружилась голова.

Если приумножить это, с необходимостью несчастья делу.

Хулы не будет. Обладая правдой, пойдешь верным путем, заявишь князю и поступишь по мановению.

Князь… имеется ввиду Абендсен. Мановение его — это новый экземпляр его книги. Несчастье делу — Оракул узнал, что с ней произошло, весь этот ужас с Джо или как бы еще его не звали. После этого она прочла шестерку четвертую.

Идя верным путем, заявишь князю, то за тобой придут.

Я обязана ехать туда, поняла она, даже если Джо последует за мной. На девятку наверху, последнюю движущуюся строку она набросилась с нескрываемой жадностью.

Никто не приумножит это,
пожалуй, разобьет его.

в воспитании сердец не будь косным.

Иначе несчастья.

О боже, подумала она, здесь имеется ввиду убийца, люди из гестапо — Оракул говорит мне, что Джо или кто-то вроде него, кто-то еще, заберется сюда и убьет Абендсена. Она быстро перевернула страницу, чтобы прочесть суждение гексаграммы 43.

Поднимаешься до царского двора.

Правдиво возглашай, а если и будет опасность,

Говори от своего сердца.

Неблагоприятно браться за оружие.

Благоприятно иметь, куда выступить.

Значит, бесполезно возвращаться в гостиницу и проверять, что же с ним случилось; положение безнадежное, ибо будут посланы другие. Снова Оракул утверждает, притом еще более настойчиво: отправляйся в Шайенн и предупреди Абендсена, как бы это ни было опасно для меня. Я должна довести до его сведения эту истину.

Она закрыла томик Оракула.

Снова сев за руль машины, она тут же влилась в поток машин. Вскоре ей удалось выехать из

центра Денвера на главную автостраду, идущую на север. Джулия ехала с наибольшей скоростью, на которую только была способна ее машина, двигатель при этом издавал сильный пульсирующий гул, его тряска передавалась рулевому колесу и сиденью, вызывала дребезг и грохот всего, что находилось в отделении для перчаток.

Благодаря Бога и доктора Тодта с его автобанами, сказала она самой себе, мчась сквозь темноту, видя впереди только свет от собственных фар и разграничительные линии на дороге.

Из-за необходимости сменить колесо, в десять часов вечера она все еще была довольно далеко от Шайенна, поэтому ей ничего не оставалось другого, как прекратить дальнейший путь и поискать место, где можно было бы заночевать.

На указателе впереди Джулия прочла — Грили, пять миль. Я выеду снова завтра утром, решила она, медленно проезжая по главной улице Грили несколькими минутами позже. Увидев над несколькими мотелями светящиеся надписи о наличии свободных мест, поняла, что проблем с ночевкой не возникнет. Что я должна прежде всего сделать, решила она, это позвонить Абендсену и предупредить о своем приезде.

Поставив машину, она устало выбралась из

кабины и была крайне рада тому, что наконец-то может свободно вытянуть ноги. Целый день на дороге, с восьми часов утра. Невдалеке виднелась открытая всю ночь аптека. Засунув руки в карманы пальто, она сразу же направилась туда и вскоре, оказавшись одна в кабинке междугороднего телефона, попросила дежурную связать ее со справочным бюро Шайенна.

Телефон Абендсена, слава Богу, имелся в телефонной книге. Джулия бросила монету в 25 центов, и дежурная позвонила по названному ею телефону.

— Алло, — раздался вскоре женский голос, энергичный, весьма приятный голос молодой женщины, женщины, без сомнения, примерно того же возраста, что и она.

— Миссис Абендсен? — спросила Джулия. — Разрешите поговорить с мистером Абендсеном.

— Пожалуйста.

— Я читала его книгу, — продолжала Джулия, — я ехала целый день из Кэнон-Сити, Колорадо. Сейчас я в Гриле. Рассчитываю добраться к вам сегодня вечером, но не смогла, поэтому хочу узнать, могла бы я встретиться с ним завтра в любое время.

* * *

После некоторой паузы миссис Абендсен все таким же приятным голосом произнесла:

— Да, сейчас уже довольно поздно. Мы ложимся спать рано. У вас есть… какая-то особая причина, по которой вы хотели бы встретиться с моим мужем? Как раз сейчас он очень много работает.

— Я хотела бы переговорить с ним, — сказала Джулия. Ее собственный голос звучал бесцветно, невыразительно. Она тупо смотрела на стену кабины, не в состоянии придумать, что еще ей надо сказать — у нее ныло все тело, пересохло в горле, рот, казалось, был полон самых неприятных запахов. Через стеклянную дверь кабины был виден аптекарь за стойкой с газированными напитками, который готовил молочные коктейли четверым подросткам. Ей страстно захотелось оказаться там, она уже почти не обращала внимания на то, что ей отвечает миссис Абендсен. Ей хотелось выпить что-нибудь освежающего холодного и съесть что-нибудь вроде сэндвича с салатом и рубленым цыпленком.

— У Готорна нет определенного распорядка рабочего дня, — оживленно отрывисто говорила миссис Абендсен. — Если вы даже и приедете

сюда завтра, я все равно ничего вам не могу обещать, потому что он может быть занят весь день. Ведь вы, разумеется, понимали, отправляясь в такое путешествие, что…

— Да, — вставила Джулия.

— Я знаю, что он был бы рад дружески поговорить с вами несколько минут, если у него будет такая возможность, — продолжала миссис Абендсен, — но, пожалуйста, не огорчайтесь, если по какой-то причине ему не удастся оторваться на время, достаточное, чтобы поговорить с вами или даже просто познакомиться…

— Мы прочли его книгу, и она нам очень понравилась, — сказала Джулия. — Она у меня с собой.

— Понятно, — добродушно произнесла миссис Абендсен.

— Мы сделали остановку в Денвере, чтобы сделать кое-какие покупки, и поэтому потеряли много времени. — Нет, — подумала Джулия. Все изменилось, все теперь иначе. — Пожалуйста, — сказала она, — это Оракул внушил мне мысль поехать в Шайенн.

— Боже ты мой, — воскликнула миссис Абендсен, таким тоном, будто она знала об Оракуле, но тем не менее не воспринимала положение всерьез.

— Я хочу прочесть вам именно те самые строки. — Она не забыла принести с собой в кабину Оракул и теперь, поместив томики его на полочку под телефонным аппаратом, лихорадочно переворачивала страницы. — Одну секунду. — Она нашла нужную страницу и сначала прочла суждение, а затем и строки миссис Абендсен. Когда она дошла до девятки наверху, услышала, как миссис Абендсен слегка вскрикнула. — Простите? — Сделав паузу, спросила Джулия.

— Продолжайте, — произнесла миссис Абендсен. Тон ее голоса, как показалось Джулии, стал каким-то настороженным, в нем появились более резкие нотки.

После того, как Джулия прочла суждение гексаграммы 43, с его словами о грозящей опасности, наступила тишина. Миссис Абендсен ничего не говорила, молчала и Джулия.

— Ну что ж, будем ждать завтрашнего дня, чтобы встретиться с вами, — сказала в конце концов миссис Абендсен. — И, пожалуйста, назовите себя.

— Джулия Фринк. Большое вам спасибо, миссис Абендсен. — В это время дежурная раскричалась, что время закончилось, и Джулия повесила трубку, взяла сумку и оба тома Оракула, вышла из

телефонной кабинки и прошла к стойке.

Заказав себе сэндвич и кока-колу, она закурила сигарету и наконец дала отдых своему уставшему за день телу. И только тогда она вдруг с неожиданно нахлынувшим на нее ужасом поняла, что ничего не сказала миссис Абендсен о человеке то ли из гестапо, то ли из СД или еще откуда-то, об этом Джо Чиннаделла, которого она оставила в гостинице в Денвере. Она просто не в состоянии была даже представить себе такого. Я забыла! Это просто выскочило у меня из головы, поразилась Джулия. Как это могло случиться? Наверное, я немного не в своем уме. Я, должно быть, ужасно больная, глупая и вообще ненормальная!

Несколько секунд она рылась в сумке, пытаясь отыскать мелочь, чтобы еще раз позвонить в Шайенн. Но уже почти поднявшись со стула, переменила свое решение. Не стоит звонить им еще раз сегодня вечером; я лучше воздержусь — просто уже чертовски поздно. Я устала, а они уже, наверное, легли спать.

Джулия съела заказанный ею сэндвич, выпила кока-колу, после чего уехала в ближайший мотель, сняла номер и, падая от усталости, забралась в постель.

14

Здесь ответа не найти, понял Нобусуке Тагоми. Нет понимания случившемуся. Даже в оракуле. А мне, тем не менее, мне надо жить дальше, день за днем.

Не стану гоняться за чем-то большим. Поживу жизнью неприметной, что бы то ни было. Пока когда-нибудь позже, когда…

Так или иначе, но с женой он попрощался и вышел из дома. Но сегодня он не направился, как обычно, в здание «Ниппон Таймс Билдинг». А почему бы не дать себе передышку? Доехать до «Золотых Ворот», зайти в зоосад или другое подобное место и просто побездельничать? Побывать в таких местах, где существа или предметы, которые не могут мыслить, но тем не менее радуются жизни?

Время. Велокэбом туда ехать долго, но это даст мне время для осмысления. Если так можно выразиться.

Деревья и животные не имеют души. Мне надо держаться людей. Не следует позволять себе превращаться в ребенка, хотя это, может быть, не

так уж плохо. Можно сделать так, чтобы это было даже хорошо.

Водитель велокэба вез его по Кэрни-стрит к деловым кварталам Сан-Франциско. Прокатиться в фуникулере, что-ли, вдруг мелькнуло в голове у Тагоми. Испытать счастье этого чистого, едва не вызывающего слезы умиления путешествия — в транспорте, который должен был исчезнуть еще на заре этого века, но по странному стечению обстоятельств сохранился до сегодняшнего дня.

Тагоми отпустил велокэб, прошелся по тротуару к ближайшей остановке.

Возможно, подумал он, я уже никогда не смогу вернуться в здание «Ниппон Таймс Билдинг». Карьера моя завершилась, ну и бог с ней. В Управлении по делам Торговых миссий подберут мне замену. А Тагоми так и останется со своей ношей, будет продолжать существовать, помня каждую подробность. Нет, такое решение ничего не даст.

В любом случае война, «Операция „Одуванчик“» уничтожит нас всех, независимо от того, чем мы будем в это время заниматься. Наш противник, плечом к плечу с которым мы сражались в минувшей войне. Какие блага нам это принесло? Нам, возможно, следовало бы сражаться против него. Или позволить ему потерпеть пора-

жение, помогая его противникам, Соединенным Штатам, Британии, России.

Куда не глянешь — сплошная безысходность.

Да и Оракул заговорил загадками, Наверное, он в своей печали отшатнулся от мира людей. Оставил их без своей мудрости.

Мы вошли в такой момент, когда мы одни. Мы не можем рассчитывать на помощь, как раньше. Что ж, подумал Тагоми, возможно, это не так уж плохо. Из этого еще может возникнуть новое добро. Нужно не прекращать попытки разыскать все же выход.

Он взобрался в вагон в кабельного трамвая — фуникулера на Калифорния-стрит и доехал до самого конца линии. Он даже выскочил наружу, чтобы помочь развернуть кабельный вагончик на его деревянном поворотном круге. Из всех переживаний, что можно было испытать в городе, это, обычно, для него имело наибольший смысл. Сейчас этот эффект ослабел — он еще больше ощущал открывшуюся перед ним бездну благодаря тому, что их всех мест здесь наиболее остро ощущалось завершение чего-то.

Естественно, он поехал назад. Но… уже не испытывал, понял он, как прежде, той необычности ощущений, когда все — улицы, здания, пешеход-

ные переходные мостики — проплывали перед ним в обратном порядке.

Возле Стоктона он поднялся с места, чтобы выйти. Но когда начал спускаться по ступенькам на остановке, его окликнул кондуктор:

— Ваш портфель, сэр.

— Спасибо. — Он забыл его в вагончике. Протянув руку, подхватил его, затем, когда кабельный вагончик с лязгом начал двигаться, поклонился. Было очень ценным содержимое этого портфеля. Бесценный кольт-44, предмет особой гордости коллекционера, лежал внутри. Теперь он держал его под рукой постоянно, на тот случай, если мстительные бандиты из СД попытаются отплатить ему персонально. Никто не знает, что его ждет, понял Тагоми. И тем не менее, он остро ощущал, что эта новая для него привычка, несмотря на все то, что с ним произошло, какого-то невротического свойства, свидетельство его душевной надломленности. Мне не следовало бы слишком уж потворствовать этой привычке, напомнил он себе в который раз, шагая с портфелем в руке и памятуя о зловещей цепи: решение, принятое по нужде — навязчивая идея — фобия, панический страх.

Я крепко сжимаю его ручку, подумал Тагоми,

он столь же крепко держит меня.

Неужели я лишился своего восторженного к нему отношения? Вот таким вопросом неожиданно для самого себя задался Тагоми. И это инстинктивное чувство изменилось на прямо противоположное вследствие памяти о том, что я совершил? Пострадала вся эта моя одержимость коллекционированием, как любимым занятием, а не просто отношением к этому отдельно взятому предмету? Одна из опор моей жизни… сфере, где я, увы, обретался с таким наслаждением.

Окликнув велокэб, он велел водителю отвезти его на Монтегоми-стрит, к магазину Роберта Чилдэна. Нужно решить хотя бы это. Ухватиться за одну оставшуюся нить, сделать то, что я еще в состоянии сделать по своей доброй воле. Может быть, мне еще удастся все-таки справиться с этой тревожной мыслью, вычеркнуть из жизни целую сферу интересов, поменяв с помощью какой-нибудь уловки этот злополучный револьвер на что-либо другое, обладающее не меньшей засвидетельствованной историчностью. Слишком уж сильно переплетается судьба револьвера с моей личной судьбой… притом как-то очень нехорошо. А ведь дело-то здесь только во мне, никто другой не будет испытывать подобных неприятных ощу-

щений, имея дело с этим оружием. Дело только в моем личном душевном мире.

Надо высвободиться их этого плена, взволнованно решил он. Когда не станет револьвера, уйдут и все остальные тревоги, как тучи прошлого. Потому что это не просто в моей психике; это — как всегда говорят об этом, теоретизируя об историчности — в равной мере и в этом револьвере. В связывающем нас уравнении.

Он подъехал к магазину. Здесь я часто бывал, подумал он, расплачиваясь с водителем. Как по сугубо личным вопросам, так и по делам. Он быстро вошел в магазин, не забыв прихватить с собой портфель.

У кассы стоял мистер Чилдэн, протирая тряпкой какое-то изделие.

— Мистер Тагоми, — произнес Чилдэн, поклонившись.

— Мистер Чилдэн, — он тоже поклонился.

— Какой сюрприз, я тронут. — Чилдэн отложил изделие и тряпку. Обошел угол возле кассы, выходя навстречу. Последовал обычный ритуал, дружественные приветствия и все прочее. Да, Тагоми почувствовал, что сегодня этот человек какой-то не такой, как обычно. Какой-то менее суетливый, менее речистый. И это понравилось

ему. Чилдэн всегда был немного шумным, назойливым, возбужденно заискивающим. Но это в такой же степени могло быть и весьма нехорошим признаком.

— Мистер Чилдэн, — начал Тагоми, выложив портфель на прилавок и расстегивая его, — я бы желал вернуть один предмет, купленный мною у вас несколько лет назад. Я это точно помню.

— Пожалуйста, — ответил Чилдэн. — Все зависит от его состояния. — Он напряженно следил за Тагоми.

— Кольт 44-го калибра, — произнес Тагоми.

Они оба долго не решались заговорить, глядя на револьвер, покоившийся в открытом футляре из тикового дерева вместе с частично израсходованными боеприпасами к нему.

Лицо мистера Чилдэна выражало мрачное безразличие.

— Вас, значит, это не заинтересовало? — произнес Тагоми.

— Нет, сэр, — сдавленно вымолвил Чилдэн.

— Не буду настаивать. — Он и не чувствовал в себе должных сил, чтобы настаивать. Я уступаю. «Инь», податливость, уступчивость, боюсь, овладели мною в очередном качании маятника…

— Извините меня, мистер Тагоми.

Тагоми поклонился, аккуратно положил назад в портфель револьвер, боеприпасы, футляр. Судьба. Мне придется не расставаться с ним. — Вы, кажется, несколько разочарованы? — спросил Чилдэн.

— Вы это заметили. — Тагоми был явно расстроен. Позволяя своему внутреннему миру раскрыться для всеобщего обозрения? Определенно, именно так. Он пожал плечами.

— У вас имеется особая причина, по которой вы хотели бы его сдать? — спросил Чилдэн.

— Нет, — ответил он, снова пряча свой личный мир — как и подобало.

Чилдэн, несколько поколебавшись, спросил:

— Мне… захотелось узнать, в самом ли деле этот предмет был продан в моем магазине? Я не держу подобные предметы…

— Я в этом уверен, — ответил Тагоми. — Но это не имеет ровно никакого значения. Я не возражаю против вашего решения. Меня оно нисколько не задело.

— Сэр, — вдруг обратился к нему Чилдэн, — позвольте мне показать новые поступления. У вас есть свободная минута?

Тагоми почувствовал, как что-то прежнее зашевелилось в нем.

— Что-то, представляющее особый интерес?

— Пройдемте, сэр. — Чилдэн провел его через весь магазин.

Внутри запертой прямоугольной стеклянной витрины на плоских дощечках, обитых черным бархатом, лежали маленькие металлические спирали и другие, несколько абстрактные геометрические фигуры, каждая из которых была скорее намеком на нечто, чем чем-то реально существующим. При виде их у Тагоми возникло какое-то странное ощущение, и он приостановился, чтобы лучше их рассмотреть.

— Я показываю их всем, без малейшего исключения своим заказчикам, — сказал Роберт Чилдэн. — Сэр, вы догадываетесь, что это такое?

— Напоминает ювелирные украшения, — произнес Тагоми, заметив булавку.

— Это все, разумеется, американской работы. — Однако, сэр, это не старинные украшения.

Тагоми поднял взор.

— Сэр, все это новое, — обычно бледное, бесцветное лицо Чилдэна сейчас едва ли не пылало энтузиазмом. — Это новая жизнь моей родины, сэр. Начало ее в форме крохотных непереходящих зерен. Красоты.

С подобающим данному случаю интересом

Тагоми осмотрел в руках несколько таких предметов. Да, в них есть что-то такое новое, что одухотворяет их, решил он. Здесь подтверждается главный закон Тао. Когда всюду простирается «инь», вдруг в самых темных глубинах зарождаются первые проблески нарождающегося света… мы все с этим хорошо знакомы, мы уже видели, как это случалось прежде, как я вижу это сейчас здесь. И все же это для меня всего лишь простые капли металла, металлический лом. Я не в состоянии прийти в такой же восторг, которым сейчас охвачен мистер Чилдэн. К превеликому огорчению — для обоих нас. Вот так.

— Весьма прелестны, — пробормотал он, кладя на место украшения.

— Сэр, — произнес чилдэн с уверенностью в голосе, — такое не возникает просто так, сразу.

— Простите?

— Вы обращены в новую веру, — заметил Тагоми. — Я тоже очень бы хотел стать таким же неофитом. Но не могу. — Он склонил голову.

— Как-нибудь в другой раз, — произнес Чилдэн, провожая его к выходу из магазина. От внимания мистера Тагоми не ускользнуло, что он уже больше не пытался, как раньше, демонстрировать перед ним другие предметы взамен отвергну-

тых.

— Ваша уверенность весьма сомнительного свойства, — заметил Тагоми. — Она может завести вас в неблагоприятном направлении.

Чилдэн не проявил при этих словах какого-либо раболепного страха.

— Простите меня, — сказал он, — но правота на моей стороне. Я безошибочно распознаю в этих изделиях сконцентрированные ростки будущего.

— Да будет так, — произнес Тагоми. — Но ваш англо-саксонский фанатизм не находит во мне ответного отклика. — Тем не менее, где-то в глубине души он ощущал возрождение надежды. Его собственной надежды. — До свидания. — Он низко поклонился. — Я непременно встречусь с вами еще в ближайшие же дни. Мы, возможно, тогда и обсудим ваше пророчество.

Чилдэн низко поклонился, ничего не сказав на прощанье.

Забрав свой портфель с кольтом-44 внутри, Тагоми вышел из магазина. Я ухожу с тем же, что и пришел сюда, размышлял он на ходу. Все еще ищу, не располагая тем, в чем я нуждаюсь, если и суждено мне вернуться в мир.

Что, если бы я приобрел один из этих странных, непонятных мне предметов? Подержал бы его у

себя, вновь внимательно бы рассмотрел, поразмышлял… отыскал бы я, в результате этого, свой путь назад? Сомневаюсь.

Такие предметы пригодны для него, но не для меня.

И все же, даже если кто-то один в состоянии найти свою дорогу… это означает, что выход существует. Даже если мне лично не удастся его достичь.

Завидую я ему.

Круто развернувшись, Тагоми направился назад, в покинутый им только что магазин. У дверей стоял Чилдэн, внимательно за ним наблюдая. Он так до сих пор и не вернулся в магазин.

— Сэр, — произнес Тагоми, — я куплю один и этих предметов, любой по вашему усмотрению. Нет у меня веры, но в настоящее время я рад схватиться и за соломинку. — Он прошел вслед за мистером Чилдэном еще раз вглубь магазина, к застекленной витрине. — Я не верю. Но я унесу с собой этот предмет, время от времени стану регулярно на него поглядывать. Например, по разу каждый день. Если через два месяца я так и не увижу…

— Вы сможете всегда мне его вернуть за полную стоимость, — произнес Чилдэн.

— Спасибо, — согласился Тагоми. Теперь он чувствовал себя получше. Иногда нужно попробовать все, что угодно, решил он. В этом нет ничего постыдного. Наоборот, это признак мудрости, распознание ситуации.

— Вот это успокоит вас, — сказал Чилдэн. Он предложил маленький серебряный треугольничек, украшенный полыми капельками. Черными внизу, ярко-сверкающими, наполненными светом вверху.

— Благодарю вас, — ответил Тагоми.

* * *

Наняв велокэб, Тагоми добрался до Портмудсквера, небольшого открытого парка на косогоре над Кэрни-стрит, прямо напротив расположенного по другую сторону улицы полицейского участка, присел на скамейку на солнышке. По мощеным дорожкам в поисках пищи бродили голуби. На других скамейках плохо одетые люди читали газеты или просто дремали. Некоторые лежали прямо на траве, чуть ли не спали.

Вынув из кармана небольшую фирменную картонку магазина Чилдэна, Тагоми сидел какое-то время, держа ее в руках, как бы пытаясь ее отогреть. Затем, вскрыв картонку, он извлек из

нее свое новое приобретение, чтобы пристально изучить его здесь, в уединении небольшого парка, образованного травянистыми газонами и дорожками между ними, места, облюбованного пожилыми людьми.

В руках он держал аккуратную серебряную безделушку. От ее полированных поверхностей ярко отражалось полуденное солнце, как от вогнутого увеличительного зеркала Джека Армстронга, собирающего все попадающие в него лучи. Или — он снова бросил на нее испытующий взгляд — это, как говорят брамины, «ом», то есть то место, куда увлекается все, что имеется вокруг. По крайней мере, размеры и форма безделушки позволяли сделать подобное суждение. После этого, проникнувшись сознанием исполненного долга, тщательно продолжал рассматривать эту штуковину.

Сбудется ли предположение мистера Чилдэна? Прошло пять минут. Десять. Сидеть дальше стало невмоготу. Время, увы, заставляет нас торопиться, тем самым обманывая и себя, и его. Ну что стоит еще подержать в руках эту вещицу немного, а вдруг все-таки удастся проникнуть в ее сокровенный смысл?

Прости меня, подумал Тагоми, обращаясь к

безделушке. Время всегда вынуждает нас в конце концов что-то предпринимать. Вздохнув огорченно, он начал укладывать треугольник в картонку. Один последний, исполненный надежды взгляд — и он еще раз сосредоточил все свое внимание на серебряной безделице. Как ребенок, мелькнуло у него в голове. Изображаю простодушную веру в чудо. Когда загадав что-нибудь, прижимал к уху найденную на берегу моря раковину.

Здесь вместо уха он прибегнул к помощи глаз. Ну, войди же в меня и скажи, что же все-таки произошло, что оно означает, почему так случилось. Открой понимание, сконцентрированное в этой одной конечных размеров штучке.

Слишком много спрашиваешь, оттого ничего и не получаешь в ответ.

— Послушай, — шепотом обратился он к безделушке, — ты же ведь продана с гарантией. Это многое обещает.

Что если я потрясу ее яростно, как старые, не желающие идти часы? Он так и сделал, вверх, вниз, еще раз. Как трясут кости в ладони перед решающим броском. Чтобы разбудить божество внутри, которое, может быть, задремало. Или куда-то отлучилось, гоняясь за кем-то. Сжав серебряный треугольник в кулаке, Тагоми неистово

потряс его; вверх-вниз, вверх-вниз, все громче взывая к этому непослушному божеству. Затем снова тщательно обследовал безделушку.

Да ведь ты пуста, эта крохотная штуковинка, подумал он.

Ну-ка, потрогай ее, сказал он себе. Расшевели. Устраши.

— Моему терпению приходит конец, — сказал он шепотом.

А что потом? Швырнуть в сточную канаву? Давай подышим на тебя, встряхнем, еще раз подышим. Ты принесешь мне выигрыш в этой игре или нет?

Тут он не выдержал и рассмеялся. Он же ведет себя просто как какой-то болван, здесь, на подогретой солнцем скамье. Спектакль для всех проходящих мимо. Он виновато осмотрелся. Нет, никто не видит этого. Старики мирно посапывают. На душе в какой-то мере стало легче.

Я уже испробовал все, подумал Тагоми. Умолял, смиренно созерцал, угрожал, наконец, каких только догадок не строил. Что еще можно сделать?

Ну что, вот так здесь и оставаться? Этого я никак не могу себе позволить. Хотя такая возможность не исключена в будущем. Но, с другой стороны,

подобная благоприятная возможность больше уже просто не может выпасть. Разве не так? Я чувствую, что именно так оно и есть.

Когда я был ребенком, то и мыслил, как ребенок. Но теперь я уже давно расстался со всем, что свойственно детству. И теперь должен искать поддержку совершенно другими способами. К этой вещице нужен совсем иной подход.

Подход научный. Подвергнуть исчерпывающему логическому анализу каждый аспект. Систематически, прибегнув к традиционному исследовательскому методу, опирающемуся на аристотелеву логику.

Он заткнул пальцем правое ухо, чтобы не слышать шума уличного движения и других отвлекающих внимание звуков. Затем плотно приложил серебряный треугольник, как морскую раковину, к своему левому уху.

Никаких звуков. Ни шума воображаемого океана, в действительности внутренних звуков, сопровождающих ток крови в сосудах — ни даже этого.

Тогда какое другое чувство может способствовать постижению тайны, заключенной в этой безделице? От слуха, очевидно, нет ни малейшей пользы. Тагоми закрыл глаза и стал прощупывать

кончиками пальцев каждый кусочек поверхности треугольника. От осязания тоже никакого толка — пальцы ему ни о чем не говорили. Запах. Он поднес серебро как можно ближе к ноздрям и глубоко вдохнул. Слабый, типично металлический запах, ничего собой не выражающий сокровенного. Вкус. Открыв рот, он украдкой притронулся языком к серебряному треугольнику, просунул его между зубами, как бисквит, но, разумеется, не стал жевать. Тоже никакого внутреннего значения обнаружить ему не удалось, только горький привкус холодного, твердого вещества.

Он снова разложил треугольник у себя на ладони.

Вот только теперь наконец можно воспользоваться и зрением. Высшим из всех органов чувств. По шкале главенства, которой придерживались древние греки. Он вертел в руках безделушку, обозревая ее со всех точек.

Что я вижу в результате усердного терпеливого изучения? Спросил он у себя. В чем ключ к истине, которую скрывает от меня этот предмет? Поддайся, раскройся, упрашивал он серебряный треугольник. Поведай мне свою волшебную тайну.

Как лягушка, извлеченная из глубины пруда, подумал он. Зажатая в кулаке. Которой велено назвать то, что лежит внизу, в водной бездне. Зажатая в кулаке. Которой велено назвать то, что лежит внизу, в водяной бездне. Но здесь лягушке не до смеха, здесь ей не оправдать возлагаемых на нее надежд. Она просто задыхается, превращаясь в камень или глину. В нечто неодушевленное. Став снова неподатливой субстанцией: свойственной ее миру безумия.

Металл, извлеченный из земли, рассуждал Тагоми, продолжая внимательно разглядывать серебряный треугольник. Из глубины стихии, что расположена под всеми остальными, что плотнее всех. Из той стихии, где в пещерах обитают тролли, где затхлая сырость и полный мрак. Из мира «иня» в его наиболее темном аспекте. Мира трупов, гниения, мира, куда уходят испражнения. Все, что уже отжило, отмерло, и теперь осаждается там, внизу, и разлагается, один слой под другим. Демонический мир неизменного. Времени — которое было.

Но, тем не менее, при ярком свете солнца серебряный треугольник сверкает всеми красками. Он отражает свет. Огонь, подумал Тагоми. Он вообще совсем не мокрый или темный предмет.

И не тяжелый, как бы уставший, но пульсирующий жизнью. Он скорее присущ высокой стихии, аспекту «яня» — небесам, эфиру. Как и подобает произведению искусства. Да, это работа художника — извлечь кусок инертного вещества из темной, безмолвной земли и придать ему такую форму, чтобы он засверкал, отражая небесный свет, воскрешая к жизни мертвое. Устраивая красочный парад трупов — это прошлое пролагает дорогу будущему.

Тело из «иня», душа из «яня». Сочетание металла и огня. Внешнего и внутреннего. Целый микрокосм у меня на ладони.

И что это за пространство, о котором говорит мне эта вещица? Восхождения ввысь. К небесам. А время? Светлого мира перемен. Да, этот кусочек металла извергнул свой дух — свет. И мое внимание приковано к нему — я не в состоянии отвести взор. Он приворожил меня, гипнотически очертив вокруг себя мерцающую сферу, мне уже неподвластную. И мне уже не отделаться от этой вещицы, как и не избавиться и от гипноза.

А вот скажи мне теперь всю правду, обратился он к вещице. Теперь, когда завлекла меня ты в свою западню. Я хочу услышать твой голос, источающий ослепительно яркий белый свет, такой,

какой мы предполагаем увидеть только в «чистилище» загробного существования на своем пути к нирване. Но я не хочу дожидаться смерти, отторжения своей души от тела, когда она начинает скитаться в поисках нового для себя вместилища. Среди устрашающих и милосердных божеств. Мы пройдем мимо них, так же, как и пройдем мимо дымящихся огней. И совокупляющихся пар. Пройдем мимо всего, кроме этого света. Я готов без всякого страха увидеть этот свет. Ты видишь — я даже и не думаю закрывать глаза.

Я ощущаю, как горячие ветры кармы подхватили меня. И все же я остаюсь здесь. Значит, правильным было мое воспитание и вся подготовка в течение жизни: я не должен в страхе отпрянуть от чистого белого света, ибо если я это сделаю, мне не достигнуть нирваны, я снова попаду в цикл рождения и смерти, никогда не познаю свободы, никогда не получу избавления. Покрывало Майи — богини обольщения и иллюзий индуистов — падет на меня еще раз, если…

Свет пропал.

В руке у него был всего лишь тусклый серебряный треугольник. Чья-то тень отсекла солнце. Тагоми поднял глаза.

Рядом со скамьей стоял, улыбаясь, высокий

полисмен в синем мундире.

— А? — вздрогнув от испуга, спросил Тагоми.

— Я просто смотрю, как вы трудитесь над этой головоломкой. — Полисмен двинулся было дальше.

— Головоломка? — повторил, как эхо, Тагоми. — Нет, это не головоломка.

— Разве это не одна из тех проволочных головоломок, где нужно разъединить отдельные части? У моего парня их целая куча. Некоторые очень трудные, — сказал полисмен и пошел по дорожке прочь.

Все испорчено, подумал Тагоми. Пропал. Мой шанс достичь нирваны. Из-за вмешательства белого варвара, этого неандертальца-«янки». Этот недочеловек предположил, что я убиваю время над пустой детской забавой.

Поднявшись со скамьи, он нетвердо прошел несколько шагов. Надо успокоиться. Ведь это же самый мерзкий расизм, характерный больше для представителей низших классов, этот агрессивно шовинистический выпад, недостойный меня.

Немыслимые, совершенно неизбывные страсти схлестнулись у меня в груди. Он медленно брел через парк. Надо двигаться, не останавливаясь. Очищение в движении.

Парк кончился. Он стоял на тротуаре Кэрни-стрит. Вокруг грохот уличного движения. Тагоми приостановился у бордюра.

Что-то не видно велокэбов. Он побрел по тротуару, слился с потоком пешеходов. Никогда их нельзя поймать, когда остро нуждаешься.

Боже, а что это такое? Он замер, открыв рот от изумления при виде чудовищно уродливого видения на фоне ясного неба. Нечто подобное кошмарным американским горкам, повисшим в воздухе и уничтожившим всю перспективу. Грандиозное сооружение из металла и бетона, вздыбившееся высоко в воздух.

Тагоми обратился к одному из прохожих, худощавому мужчине в мягком костюме.

— Что это? — спросил он, показывая на странное сооружение.

Мужчина ухмыльнулся.

— Жуть, не правда ли? Это портовый путепровод. Очень многие считают, что он испортил пейзаж.

— Я никогда не видел его раньше, — заметил Тагоми.

— Вам повезло, — сказал мужчина и поспешил дальше.

Безумный сон, надо скорее проснуться. И куда

это сегодня подевались велокэбы? Он пошел быстрее. Все вокруг было каким-то унылым, в темно-сизой дымке, будто порождение загробного мира. Запах гари. Тусклые серые здания, такие же тротуары, бешеный ритм толпы куда-то спешащих пешеходов. И до сих пор ни единого велокэба.

— Кэб! — громко крикнул он, пробираясь сквозь толпу дальше. Безнадежно. Одни машины и автобусы. Автомобили, больше напоминающие к кие-то отвратительные огромные машины уничтожения, все какой-то непривычной формы. Он старался не смотреть на них. Это искажение моих зрительных восприятий особо зловещего свойства. Мои тревоги поразили мои чувства восприятия пространства. Горизонт, искривившись, перестал представлять из себя ровную линию. Подобно неизлечимому астигматизму, нагрянувшему без упреждающих симптомов.

Надо обрести передышку. Впереди — грязная забегаловка. Внутри только белые, все что-то пьют. Тагоми толкнул деревянные створки. Запах кофе. Громко надрывается в углу нелепый музыкальный ящик. Он весь съежился и стал проталкиваться к стойке. Все места заняты белыми. Тагоми громко окликнул присутствующих.

Несколько белых подняли голову. Но никто не поднялся с своего места. Никто не уступил ему свой стул. Они просто продолжали пить.

— Я настаиваю! — громко потребовал Тагоми от первого же белого. Он кричал ему прямо в ухо.

Мужчина отложил в сторону чашку кофе и произнес:

— Поосторожнее, Тодзио.

Тагоми посмотрел на других белых. Все наблюдали за происходящим с враждебным выражением на лицах. И никто даже не пошевелился.

Вот оно, царство мертвых, подумал Тагоми. Горячие ветры занесли меня кто знает куда. Это видение — чего? Способна ли душа выдержать это? Да, «Книга Мертвых» готовит нас к этому; после смерти, мы, похоже, увидим многих других, но все они покажутся враждебными нам. Каждый сам по себе. Никто никому не придет на помощь. Ужасное путешествие — и всегда второе рождение сопровождается страданиями, которые готов вынести мятущийся, надломленный дух. Это все иллюзия.

Он поспешил прочь от стойки. Створки дверей захлопнулись за ним — он снова стоял на тротуаре. Где я? Вне моего мира, моего пространства и времени. Это серебряный треугольник завел ме-

ня сюда, выбив из колеи. Порвались мои якорные цепи, и теперь ничто меня не удерживает. Вот расплата за мои попытки. Урок навечно. Почему это так всегда хочется видеть обратное тому, что на самом деле воспринимаешь? Почему не хочешь верить своим органам чувств? В результате чего можно совсем заблудиться и ходить потерянным, без всяких указателей и ориентиров.

Это гипнотическое состояние. Внимание, как способность разума, настолько ослабляется, что наступает сумеречное состояние; мир воспринимается единственно в символическом, обобщенном виде вперемежку с подсознательными, идущими изнутри видениями. Типичное для гипноза — внушенный сомнамбулизм. Нужно прекратить это страшное соскальзывание в царство теней и тем самым обрести снова ощущение своей индивидуальности.

Он стал ощупывать карманы в поисках серебряного треугольника. Исчез. Забыл на скамейке в парке, вместе с портфелем. Катастрофа.

Втянув голову низко в плечи, он побежал по тротуару назад, к парку.

Полудремлющие бездельники с удивлением смотрели на него, когда он бежал по парковым дорожкам. Вот, эта скамья. И все так же присло-

ненный к спинке его портфель. Никаких следов серебряного треугольника. Он стал искать. Вот он. Упал в траву. И лежал там незаметно. Там, куда в ярости он его зашвырнул.

Он сел на скамью, чтобы перевести дух.

Сосредоточься снова на серебряном треугольнике, повелел он себе, когда дыхание успокоилось. Не своди с него глаз и считай. При счете «десять» издай какой-нибудь неожиданный звук. «Проснись!», например.

Дурацкие фантазии эскапистского толка. Подражание скорее более пагубным аспектам юности, чем изначальному наивному простодушию детства. Как раз то, что я так или иначе заслуживаю.

Во всем этом моя собственная вина. Тут не было умысла со стороны мистера Чилдэна или мастеровых, изготовивших эту безделушку. Достойно порицания мое собственное неуемное нетерпение. Понимания нельзя достичь принуждением.

Он сосчитал до десяти, медленно, громко, затем резко вскочил на ноги.

— Проклятая глупость, — раздраженно произнес Тагоми.

Туман прояснился.

Он осторожно осмотрелся. Расплывчатость, как

будто, прошла. Только теперь он по достоинству ценит слова Святого Павла в своем послании к коринфянам о том, что мы смотрим как бы сквозь тусклое стекло. Это не метафора, это проницательный намек на свойственное нам искажение зрения. Астигматизм изначально нам присущ; наше пространство и наше время — это творения нашего собственного душевного мира, и они частенько нас подводят — сродни острому воспалению среднего уха.

Время от времени нас куда-то странным образом кренит, нарушается чувство равновесия.

Он снова опустился на скамью, спрятал серебряную безделицу в карман пальто и так сидел с портфелем на коленях. Что я должен сделать теперь, решил он, пойти и проверить это чудовищное сооружение — как его назвал тот человек — портовый путепровод. Просматривается ли оно все еще?

Но ведь ему боязно это сделать.

Ведь я, подумал он, не могу же так просто сидеть здесь. Мне ведь надо и мешок тащить, как говорит старинная американская народная пословица. Обязанности, которые надо выполнять.

Положение весьма затруднительное.

По дорожке шумно пробежали вприпрыжку два

маленьких китайчонка. Стайка голубей вспорхнула из-под их ног. Мальчики приостановились.

— Эй, молодые люди, — окликнул их Тагоми и стал рыться в кармане. — Подойдите сюда.

Мальчишки осторожно подошли к нему.

— Вот десять центов, — Тагоми швырнул им монету, которую они стали вырывать друг у друга. — Спуститесь-ка к Кэрни-стрит и гляньте, есть ли там велокэбы. Возвращайтесь и скажете мне.

— А вы еще дадите нам десять центов? — спросил один из мальчиков, — когда мы вернемся?

— Да, — ответил Тагоми, — но скажите мне правду.

Мальчики помчались по дорожке.

Если их там не окажется, подумал Тагоми, то это предсказание, что мне остается только удалиться в уединенное место и покончить с собой. Он крепче сжал свой портфель. Оружие у меня есть, с этим затруднений не будет.

К нему стремглав бежали мальчишки.

— Шесть! — вопил один из них. — Я насчитал шесть.

— Я насчитал пять, — тяжело дыша, произнес второй.

— Вы уверены в том, что это велокэбы? — спросил Тагоми. — Вы отчетливо видели, что

водители вертят педали.

— Да, сэр, — хором ответили мальчики.

Он дал каждому из них по десять центов. Они поблагодарили и побежали прочь.

Назад, в контору, к своей работе, решил Тагоми, поднялся, сжимая в пальцах ручку портфеля. Долг зовет. Текущие обязанности очередного рабочего дня.

Он снова прошел по дорожке до края парка, вышел на тротуар.

— Кэб! — позвал он.

Тотчас же из потока транспорта по Кэрни-стрит отделился один велокэб. Водитель остановился у самого бордюра, его худое загорелое лицо лоснилось от пота, тяжело вздымалась грудь.

— Слушаю, сэр.

— Отвези меня к «Ниппон Таймс Билдинг», — приказал Тагоми, опускаясь на сиденье и устроившись поудобнее.

Яростно завертев педалями, водитель велокэба тут же занял место среди других велокэбов и машин.

* * *

Уже был почти полдень, когда Тагоми добрался до «Ниппон Таймс Билдинг». Едва войдя в вести-

бюль, он распорядился, чтобы дежурная по связи соединила его с мистером Рамсэем.

— Это Тагоми, — сказал он, когда связь была налажена.

— Доброе утро, сэр. Пока вас нет, чувствую себя как безработный. Испытывая самые мрачные предчувствия, я позвонил к вам домой в десять часов, но ваша жена сообщила мне, что вы ушли, не сказав ей куда.

— Порядок наведен? — спросил Тагоми.

— Не осталось и следа.

— Точно?

— Даю слово, сэр.

Тагоми положил трубку и направился к лифту.

Наверху, при входе в кабинет, он позволил себе краем глаза провести кратковременную проверку. Действительно, как ему и обещали, ни малейших следов. На душе стало легче. Никто бы и не догадался, если бы не видел собственными глазами. Историчность, вплетенную в нейлоновое покрытие пола.

В кабинете его встретил мистер Рамсэй.

— Ваша храбрость явилась главной темой хвалебной статьи в «Таймс», — начал он. — В ней описывается… — Увидев выражение лица Тагоми, он осекся.

— Отвечайте на вопросы, касающиеся безотлагательных дел, — сказал Тагоми. — Генерал Тедеки? То есть бывший мистер Ятабе?

— Скрытно отбыл в Токио. После нескольких отвлекающих маневров различного рода.

— Расскажите, пожалуйста, подробно обо всем, что касается мистера Бейнса.

— Не могу сказать ничего определенного. Во время вашего отсутствия он появился здесь на короткий период, даже как-то тайком, но ничего не сказал, — Рамсэй замолчал в нерешительности. — Наверное, он возвратился в Германию.

— Для него лучше было бы отправиться на Острова Метрополии, — заметил Тагоми, обращаясь, главным образом, к самому себе. В любом случае, теперь главное беспокойство связано со старым генералом. А это уже за пределами моих возможностей, подумал Тагоми. Моих лично, моего учреждения. Здесь воспользовались мною, что, естественно, было и правильным, и целесообразным. Я был их — как это они считают? Их прикрытием.

Я — маска, за которой скрывается реальность. За мной, спрятанная, продолжается действительность, тщательно оберегаемая от посторонних любопытных глаз.

Появилась очень взволнованная мисс Эфрикян.

— Мистер Тагоми, меня к вам послала дежурная.

— Успокойтесь, мисс, — произнес Тагоми. Течение времени продолжает увлекать нас за собой, подумал он.

— Сэр, здесь германский консул. Он желает поговорить с вами. — Она перевела взор с него на Рамсэя, затем снова на Тагоми, лицо ее стало неестественно бледным. — Говорят, что он был уже в этом здании раньше, но поскольку было известно, что вы…

Тагоми решительным жестом дал ей понять, чтобы она замолчала.

— Мистер Рамсэй, напомните мне, пожалуйста, фамилию консула.

— Фрейгерр Хуго Рейсс, сэр.

— Теперь вспомнил. — Ну что ж, подумал он, по-видимому, мистер Чилдэн удружил мне, отказавшись принять револьвер.

Не выпуская из рук портфель, он покинул кабинет и вышел в коридор.

Здесь стоял хрупкий на вид, хорошо одетый белый. Коротко подстриженные волосы цвета соломы, черные блестящие европейские кожаные

полуботинки, прямая осанка. И, как у женщины, мундштук из слоновой кости. Несомненно, он.

— Герр Хуго Рейсс? — произнес Тагоми.

Немец наклонил голову.

— Так уж сложилось, — сказал Тагоми, — что уже в течение длительного времени вы и я все свои дела улаживаем по почте, телефону и так далее. Но никогда до сих пор не встречались лицом к лицу.

— Большая для меня честь, — произнес Хуго Рейсс, сделав несколько шагов навстречу, — даже несмотря на прискорбно огорчительные обстоятельства…

— Весьма сомневаюсь, — прервал его Тагоми.

Немец удивленно поднял бровь.

— Простите меня, — сказал Тагоми. — Что-то мое восприятие несколько затуманилось из-за указанных вами обстоятельств. Непрочность телесной субстанции — такой можно сделать вывод.

— Это ужасно, — сказал Рейсс, качая головой. — Когда я впервые…

Тагоми снова не дал ему договорить.

— Прежде чем вы начнете свой молебен, позвольте мне сказать несколько слов.

— Конечно.

— Я лично застрелил двух ваших агентов СД, — сказал Тагоми.

— Полицейское управление Сан-Франциско вызвало меня, — начал Рейсс, обволакивая обоих зловонными клубами сигаретного дыма. — Я несколько часов провел в участке на Кэрни-стрит и в морге, а потом мне дали прочесть отчет, который ваши люди передали в следственный отдел полиции. Это, безусловно, ужасно.

Тагоми хранил молчание.

— Тем не менее, — продолжал Рейсс, — утверждение о том, что эти террористы связаны с Рейхом, ничем не подтверждается. Я лично считаю, что весь этот инцидент — какое-то сплошное безумие. Я не сомневаюсь в том, что вы поступили совершенно правильно, мистер Тагори.

— Тагоми.

— Вот вам моя рука, — произнес консул, протягивая руку. — Давайте пожмем друг другу руки в знак джентльменского соглашения больше не возвращаться к этой теме. Она недостойна нашего внимания, особенно в этот переломный период, когда любая неразумная излишняя гласность может только еще больше воспламенить умонастроение толпы во вред интересам обеих наших стран.

— Вина за это, тем не менее, так и остается на моей совести, — сказал Тагоми. — Кровь, герр Рейсс, не смывается столь же легко, как чернила.

Консула, казалось, эти слова повергли в замешательство.

— Я страстно желаю получить прощение, — продолжал Тагоми, — хотя вы и не в состоянии дать мне его. Никто не в состоянии. Я намерен с этой целью прочесть знаменитые записки древнего богослова из Массачусетса преподобного Мэси. В них много говорится, как мне сказали о людской вине, адском пламени и других подобных материях.

Консул пристально смотрел на Тагоми, быстро делая одну затяжку сигареты за другой.

— Позвольте довести до вашего сведения, что ваше государство близко к совершению еще большей подлости, чем прежде. Вам известна гексаграмма «Бездна»? Выступая как частное лицо, не как представитель японских официальных кругов, я публично заявляю: сердце сжимается от ужаса. Грядет кровавая бойня, не имеющая никакого сравнения с прошлыми. И все же даже теперь вы все свои силы тратите на достижение ничтожных эгоистических целей и удовлетворение личных амбиций. Для всех вас самое главное

— взять верх над соперничающей группировкой: например, СД, не так ли? В то время как вы ставите в очень щекотливое положение герра Крауса фон Меера… — продолжать дальше он не мог. Что-то тяжелое навалилось на грудь. Как в детстве, мелькнуло в голове. Приступ удушья, когда он сердился на свою мать.

— Я страдаю, — сказал он Рейссу, уже потушившему свою сигарету, — от болезни, которая развивалась все эти долгие годы, но которая вошла в более опасную стадию в тот день, когда я, человек маленький, услышал, как бахвалятся своими безумными шальными выходками ваши вожди. И что бы вы не делали, вероятность излечения от нее равна нулю. Для вас, сэр, тоже. И если говорить языком преподобного Мэси, насколько верно я запомнил его слова: покайтесь!

Голос германского посла прозвучал хрипло.

— Вы верно запомнили. — Он поклонился и дрожащими пальцами поднес зажигалку к новой сигарете.

Из кабинета вышел Рамсэй. В руках у него была папка с документами. Тагоми, который теперь стоял молча, пытаясь восстановить дыхание, он тихо шепнул:

— Пока он здесь. Текущие дела, относящиеся к

его служебным обязанностям.

Тагоми машинально взял в руки протянутые бумаги. Взглянул на них. Форма 20–50. Запрос правительства Рейха через его представителя в ТША консула фрейгерра Хуго Рейсса с репатриации уголовного преступника, находящегося в настоящее время под стражей в Управлении полиции Сан-Франциско. Еврея по имени Фрэнк Фринк, гражданина — согласно закону от июня 1960 года, имеющего обратную силу — Германии. Подлежащего взятию под стражу согласно законам Рейха и так далее. Тагоми еще раз пробежал глазами содержание запроса.

— Подпишите, сэр, — сказал Рамсэй, — сегодняшней датой. Окончание данного дела по запросу германского правительства. — Он с нескрываемой неприязнью смотрел на консула, протягивая авторучку Тагоми.

— Нет, — не согласился Тагоми и вернул форму 20–50 Рамсэю. Затем он неожиданно выхватил бумаги из рук Рамсэя и быстро написал в самом низу: «Освободить из-под стражи. Высшая торговая миссия, Сан-Франциско. На основании дополнения к военному соглашению 1947 года. Тагоми». Одну копию он вручил германскому консулу, остальные вместе с оригиналом отдал

Рамсэю. — До свидания, герр Рейсс, — сказал он и поклонился.

Германский консул поклонился в ответ, едва взглянув на документ.

— Пожалуйста, в будущем все деловые взаимоотношения со мной проводите с помощью таких промежуточных технических средств, как почта, телеграф, телефон, — сказал Тагоми. — Не появляясь здесь лично.

— Вы налагаете на меня ответственность за общее положение дел, что далеко выходит за пределы моей юрисдикции.

— Дерьмо собачье, — промолвил Тагоми. — Мне с вами не о чем говорить.

— Так не ведут себя цивилизованные индивидуумы, — сказал консул. — Вы так говорите по злобе, чтобы отомстить. Там, где место простой формальности, без вовлечения личностных моментов. — Он швырнул сигарету на пол коридора, затем развернулся и быстро зашагал к лифту.

— Забирайте с собою и вашу дрянную смердящую сигарету, — бросил ему не очень громко вслед Тагоми, но консул уже зашел за угол.

— Сам ведет себя как ребенок, — сказал Тагоми, обращаясь к Рамсэю. — Вы стали свидетелем возмутительного детского поведения. — Он

нетвердой походкой направился к себе в кабинет. Дышать стало нечем. Боль пронзила всю левую руку, и в то же самое время какая-то гигантская открытая ладонь сдавила и расплющила ему ребра. Он только и успел сказать «Уф». И увидел перед своими глазами не ковер на полу, а сноп взметнувшихся во все стороны красных искр.

— Помогите, мистер Рамсэй, — взмолился он. Но сам не услышал этих слов. — Пожалуйста. Он всплеснул руками, споткнулся и, падая, успел схватиться в кармане пальто за серебряный треугольник, вещицу, которую убедил его взять мистер Чилдэн. Не спасла она меня, подумал он. Не помогла. Несмотря на все мои старания.

Тело его ударилось о пол — сначала ладонями и коленями, он стал ловить ртом воздух, затем увидел ковер у своего носа. Рамсэй что-то невразумительно бормотал, стараясь сохранить самообладание.

— У меня небольшой сердечный приступ, — удалось еще сказать Тагоми.

Возле него уже суетилось несколько человек, уложившие его на кушетку в кабинете.

— Не волнуйтесь, сэр, — произнес кто-то из них.

— Сообщите жене, пожалуйста, — попросил

Тагоми.

Вскоре он услышал завывание на улице сирены скорой помощи. Люди входили в кабинет и выходили, создавая вокруг него суматоху. Его укрыли одеялом, сняли галстук, расстегнули воротник рубахи.

— Мне теперь лучше, — произнес Тагоми. Лежать ему было удобно, он даже и не пытался пошевелиться. Все равно, карьере моей конец, решил он. Несомненно, генеральный консул поднимет страшнейший гвалт. Будет жаловаться на неучтивость. И, наверное, правильно сделает, если пожалуется. Все равно, дело сделано. Насколько я был способен, со своей стороны. Остальное — дело Токио и группировок в Германии. Борьба, в любом случае, без моего участия.

А я-то считал, что это всего лишь пластмассы, подумал он. Важный коммерсант в области изготовления пресс-форм. Оракул догадался и дал мне ниточку, но…

— Снимите с него рубаху, — раздался внушительный голос, не терпящий ни малейших возражений. Это несомненно врач миссии, Тагоми улыбнулся. Тон голоса — это самое главное.

Можно вот это, захотелось узнать мистеру Тагоми, быть ответом? И я, мое сознание, должно

этому подчиниться.

Что там последнее сообщил мне Оракул? В ответ на вопрос, заданный ему, когда на полу кабинета лежали двое мертвых или умирающих? Гексаграмма 61. «Внутренняя правда». Звери и птицы не обладают разумом. Не очень-то убедительно. Это я. Книга имеет ввиду меня. Я никогда не приду к полному пониманию — такова природа таких существ. Или… это и есть внутренняя правда, то, что происходит со мной сейчас?

Я подожду. Что же это. Наверное, это и то, и другое.

* * *

В этот вечер сразу же после вечерней раздачи пищи, к камере Фрэнка Фринка подошел служащий полиции, открыл дверь и велел ему забирать свои вещи в дежурном помещении.

Вскоре Фринк был уже на тротуаре перед полицейским участком на Кэрни-стрит, в толпе спешивших мимо него прохожих. Среди громыханью автобусов, сигналов автомобилей, криков водителей велокэбов. Было холодно. Перед каждым зданием пролегли длинные тени. Фрэнк постоял какое-то мгновенье и затем машинально присоединился к группе пешеходов, собравших-

ся, чтобы перейти улицу на перекрестке.

Арестовали меня совершенно без причины, подумал он. Без какой-либо цели. А затем точно таким же образом и выпустили.

Ему ничего не объяснили, просто отдали узел с одеждой, бумажником, часами, очками, личными предметами и занялись приведенным в участок подвыпившим немолодым мужчиной.

То, что меня отпустили — чудо. Какая-то счастливая случайность. По правде говоря, я уже должен был быть на борту самолета, следующего в Германию. Для уничтожения.

Он все никак не мог в это поверить. Как в свой арест, так и в освобождение. Все казалось каким-то нереальным. Он брел мимо закрытых магазинов, наступал на мусор, который гнал по тротуару ветер.

Новая жизнь. Как будто родился во второй раз. Как будто — черт побери, не как будто, а просто родился!

Кого мне благодарить? Помолиться, может быть?

И о чем молить?

Я хочу понять, сказал он себе, проходя по шумным вечерним улицам, мимо неоновых реклам, мимо баров на Грен-авеню, их дверей которых

гремела музыка. Я хочу постичь. Должен.

Но он знал также и то, что это ему никогда не удастся. Где-то в самом углу разума мелькнула мысль — назад, к Эду. Мне надо вернуться в мастерскую, спуститься вниз, в тот самый подвал. Взять в руки инструменты, которые я оставил, и продолжать изготовлять украшения, вот этими своими руками. Работая и не думая, не поднимая головы и не пытаясь понять. Я должен все время быть чем-то занятым. Я должен производить целые груды украшений.

Он быстро шел, квартал за кварталом, по городу, на который все больше опускалась ночная тьма. Стараясь изо всех сил как можно быстрее оказаться в том месте, где все было для него ясно, туда, где он был до сих пор.

Когда Фрэнк спустился по ступенькам в подвал, то увидел, что Маккарти сидит за верстаком и ужинает. Два бутерброда, термос чая, банан, несколько печений. Широко открыв рот от изумления, он задержался на пороге.

Наконец Эд его заметил и повернулся в его сторону.

— А я-то думал, что тебя уже нет в живых, — сказал он и стал жевать дальше, проглотил, откусил еще.

Рядом с верстаком Эда был включен небольшой электрический калорифер. Фрэнк подошел к нему и, нагнувшись, стал отогревать руки.

— Я очень рад, что ты вернулся, — сказал Эд. Он дважды похлопал Фрэнка по спине, затем снова принялся за бутерброды. Больше он ничего не сказал. Только и было слышно жужжание вентилятора калорифера и звуки челюстей Эда.

Положив пальто на стул, Фрэнк набрал горсть незавершенных серебряных сегментов и прошел с ними к полировальному станку. Одел на шпиндель суконный круг, включил двигатель; смазал круг полировочной пастой, одел маску, чтобы защитить глаза, а затем, сев на высокий табурет, стал снимать огненную чешую с сегментов, с одного за другим.

15

Капитан Рудольф Вегенер, путешествующий под фиктивным именем Конрад Гольц, коммерсант в сфере оптовых поставок медикаментов, смотрел в иллюминатор реактивного корабля «Люфтганзы». Впереди — Европа. Как быстро, отметил он про себя. Мы приземлимся на взлетно-посадочном поле аэропорта «Темпельхоф» примерно через семь минут.

Хотел бы знать, чего я достиг, размышлял он, глядя на быстро приближающуюся земную поверхность… Теперь дело за генералом Тедеки. Что ему удастся сделать на Островах метрополии. Но, по крайней мере, мы доставили им информацию. Мы сделали все, что могли.

Но для особого оптимизма причин не было, подумал он. По всей вероятности, японца вряд ли удастся изменить курс германской внутренней политики. У власти правительство Геббельса, и оно, вероятно, устоит, и когда его положение упрочится, снова вернется к идее «Одуванчика». Будет уничтожена другая важная часть планеты вместе с ее населением, во имя доведенного до

абсурда фанатичного идеала.

Предположим, со временем они, наци, уничтожат ее всю, оставив после себя стерильное пепелище. Она на это способны. У них есть водородная бомба. И, безусловно, они так и поступят; их образ мысли ведет к этому «Готтердаммерунгу»[5]. Они, возможно, даже жаждут этого, активно домогаются фатального светопреставления для всех.

И что же тогда будет, после этого безумия Третьего Рейха? Положит ли оно конец всей жизни, любого рода, везде и всюду? Когда наша планета станет мертвым миром, уничтоженная нашими же собственными руками?

В голове все это как-то не укладывалось. Даже если вся жизнь на нашей планете будет уничтожена, должна оставаться жизнь где-нибудь еще, жизнь, о которой нам ничего не известно. Не может быть, чтобы наша планета была единственной; должны существовать еще многие планеты, для нас невидимые, в других областях пространства или даже в других измерениях, которые мы просто не в состоянии постичь.

Даже хотя и не могу доказать это, даже хотя это

---

[5] Примечания: 5
Сумерки богов (*нем.*).

и противоречит логике — я верю в это, сказал он самому себе.

Из громкоговорителя раздалось:

— Майн Даммен унд Геррен, Ахтунг, Битте.

Близок момент приземления, отметил про себя капитан Вегенер. Меня, безусловно, встретят из «Зихерхайтсдинст». Вопрос только вот в чем: какая фракция службы безопасности будет представлена? Геббельса? Или Гейдриха? При условии, что генерал СС Гейдрих еще жив. Пока я находился на борту корабля, его могли окружить и расстрелять. В переходные периоды в жизни тоталитарного общества события происходят быстро. В нацистской Германии никогда не было недостатка в списках с фамилиями, которые сосредоточенно изучались и не всегда уничтожались…

Несколькими минутами позже, когда ракетный корабль приземлился, он медленно двигался к выходу, перекинув через руку пальто. Рядом с ним и впереди него шли взволнованные пассажиры. На этот раз среди них не оказалось, подумал он, молодого нацистского художника. Не было Лотце, который мог бы меня изводить своим идиотским мировоззрением.

Члены экипажа, разодетые, заметил Вегенер,

как сам рейхсмаршал, помогали пассажирам, одному за другим, спуститься по наклонной раме, сопровождая некоторых до самой земли. У главного же входа в здание аэровокзала стояла чуть в стороне небольшая группка чернорубашечников. За мной? Вегенер медленно начал отходить от места стоянки ракетного корабля. Здесь стояла еще одна группа встречающих — состоявшая из мужчины, женщины и даже детей… Они всматривались в лица прибывших, размахивали руками, окликали…

Из группы чернорубашечников отделился плосколицый блондин с немигающими глазами и знаками отличия Ваффен-СС и направился к Вегенеру. Щеголевато щелкнув каблуками ботфортов и отдав честь, он спросил:

— Их битте мих цу енштшульдиген. Зинд зи нихт капитан Рудольф Вегенер, фон дер абвер?[6]

— Вы ошибаетесь. Я — Конрад Гольц. Представитель фирмы «АГ Хемикалиен», выпускающей медикаменты, — ответил Вегенер, стараясь пройти мимо.

Двое чернорубашечников, тоже из Ваффен-СС двинулись с ним рядом. Еще трое пристроились

---

[6] Примечания: 6
Прошу прощения. Это вы — капитан Рудольф Вегенер из абвера?

сзади, так что, хотя он и продолжал идти своим шагом в том направлении, которое сам избрал, он внезапно оказался под их полным и действенным контролем. У двоих эсэсовцев шинели оттопыривались от спрятанных под ними автоматов.

— Вы — Вегенер, — сказал один из них у входа в здание.

Он ничего не ответил.

— У нас машина, — продолжал эсэсовец. — Нам велено встретить ваш ракетный корабль, установить с вами контакт и доставить непосредственно генералу Гейдриху, который сейчас вместе с Зеппом Дитрихом находится в ОКВ Лейбштандарт Дивизьон. Нам, в частности, не разрешено подпускать к вам никого из партии или вермахта.

Значит, меня не пристрелят, успокаивал себя Вегенер. Гейдрих жив и находится в безопасном месте, пытается укрепить свое положение в борьбе с правительством Геббельса.

Может быть, правительство Геббельса все-таки падет, думал он, когда его заталкивали в штабной эсэсовский «Даймлер». Отряд вооруженных эсэсовцев неожиданно произведет смену караула, заменив или разогнав охрану рейхсканцелярии.

Тотчас же все берлинские полицейские участки

начнут внезапно изрыгать во всех направлениях вооруженные команды СД, отключится подача электроэнергии и прекратят свою работу радиостанции. Закроется аэропорт «Темпельхоф». В темноте, опустившейся на центральные улицы Берлина, станут раздаваться очереди из крупнокалиберных пулеметов.

Только какое все это будет иметь значение? Даже если свергнут доктора Геббельса и отменят «Операцию „Одуванчик“»? Они все еще останутся существовать, чернорубашечники, партия, интриги, если не на Востоке, то где-то в других местах. На Марсе или на Венере.

Неудивительно, подумал он, что Тагоми не смог так жить дальше. Суровая дилемма нашего существования. Что бы ни происходило, всегда в выигрыше ни с чем несравнимое зло. К чему тогда борьба? Зачем мучиться выбором? Если все альтернативы совершенно одинаковы…

И все-таки, скорее всего, мы будем жить и дальше, как и всегда жили. Изо дня в день. В данный момент мы боремся с «Операцией „Одуванчик“». Позже, в другое время, станем бороться с полицией. Ведь нельзя всем этим заниматься одновременно — нужна какая-то последовательность, это должно быть непрерывным процессом.

Незаконченный результат мы в состоянии повлиять только в том случае, если будем делать свой выбор перед осуществлением каждого шага.

Мы можем только надеяться. И не оставлять попытки.

В каком-нибудь ином мире все, может быть, совсем иначе. Лучше, чем у нас. Имеются благоприятные и откровенно пагубные альтернативы. Не такие, где все затуманено, так перемешано, как у нас, где мы не располагаем соответствующими инструментами, с помощью которых можно было бы безошибочно отделять добро от зла.

У нас далеко не идеальный мир, мир, в которым нам бы нравилось жить, в котором было бы легко соблюдать нравственные принципы, потому что легко бы распознавалось добро и зло. Где можно каждый раз совершать только правильные поступки, не прилагая особых усилий, ибо можно было бы безошибочно

* * *

Мы можем только надеяться. И не оставлять попытки.

В каком-нибудь другом мире все, может быть, совсем иначе. Лучше, чем у нас. Имеются благоприятные и откровенно пагубные альтернативы.

Не такие, где все так затуманено, так перемешано, как у нас, где мы не располагаем соответствующими инструментами, с помощью которых можно было бы безошибочно отделять добро от зла.

У нас далеко не идеальный мир, мир, в котором нам бы нравилось жить, в котором можно было бы легко соблюдать нравственные принципы, потому что легко бы распознавалось добро и зло. Где можно каждый раз совершать только правильные поступки, не прилагая особых усилий, ибо можно было бы безошибочно определять очевидное…

«Даймлер» тронулся с капитаном Вегенером на заднем сидении между двумя эсэсовцами с автоматами на коленях. С эсэсовцем за рулем.

А вдруг это все ложь, размышлял Вегенер в мчащемся на высокой скорости лимузине по берлинским улицам. Везут они меня не к генералу Гейдриху в ОКВ Лейбштандарт Дивизьон, а в партийную тюрьму, где меня будут пытать и в конце концов прикончат. Но я сделал свой выбор — я вернулся в Германию. Я предпочел рискнуть свободой вместо того, чтобы через людей абвера добиваться его покровительства.

Смерть подстерегает нас каждую минуту, только такая перспектива открыта перед нами, где

бы мы не находились И со временем мы ее выберем сами, несмотря на присущий нам инстинкт самосохранения. Или опустим руки и примем ее, какою бы она не была. Он смотрел на проносящиеся в окне здания. Мой родной народ, подумал он. Ты и я, снова вместе.

Он спросил у эсэсовцев:

— Как обстоят дела? Какие самые недавние изменения политического характера? Меня не было здесь несколько недель, я уехал отсюда еще перед смертью Бормана.

Ему ответил сидящий от него справа.

— Естественно, истерические толпы поддерживают Крошку-доктора. Эта толпа возвела его на трон. Однако, когда поднимут голову более трезвомыслящие элементы, маловероятно, что они захотят поддерживать пройдоху и демагога, который держится только тем, что воспламеняет массы своей ложью и заклинаниями.

— Понятно, — сказал Вегенер.

Все продолжается, подумал он. Междоусобная ненависть. Пожалуй, именно это — залог будущего. Они сожрут в конце концов друг друга и оставят в покое всех остальных — здесь и по всему миру. Нас много, чтобы снова начать строить, надеяться и осуществлять свои скромные замыслы.

* * *

До Шайенна, штат Вайоминг, Джулия Фринк добралась в час дня. В центре города, деловой части, она остановилась напротив огромного здания железнодорожного вокзала у табачного киоска и купила две свежие газеты. Припарковавшись у бордюра, стала быстро их просматривать, пока, наконец, не наткнулась на нужное место.

«ТРАГИЧЕСКИЙ
ФИНАЛ УВЕСЕЛИТЕЛЬНОЙ ПОЕЗДКИ.

Разыскиваемая полицией для расследования по делу об убийстве своего мужа в снятом ими шикарном номере гостиницы „Президент Гарнер“ в Денвере миссис Джо Чиннаделла из Кэнон-сити, согласно утверждениям служащих гостиницы, покинула номер сразу же после того, что, должно быть, стало трагической кульминацией семейной ссоры в номере найдены лезвия для безопасной бритвы, по иронии судьбы предоставляемые в качестве дополнительной услуги администрацией гостиницы своим по-

стояльцам, которыми, по-видимому, и воспользовалась миссис Чиннаделла, чтобы перерезать горло своему мужу. По описаниям она стройная, интересная, хорошо одетая темноволосая женщина примерно 30 лет. Тело было найдено Теодором Феррисом, служащим гостиницы, который получасом ранее взял у Чиннаделла рубахи для глажки и при возвращении их наткнулся на вызывающую сцену. В гостиничном номере, как утверждает полиция, найдены следы борьбы, что наводит на мысль о яростном споре, который…»

Значит, он мертв, подумала Джулия, закрывая газету. И не только об этом узнала она из газеты. У них нет настоящей моей фамилии; они не знают, кто я, и вообще ничего не знают обо мне.

Беспокоясь теперь уже гораздо меньше, она поехала дальше, пока не нашла подходящую гостиницу. Сняв номер и перенеся в него все свое имущество из машины, решила никуда не спешить, подождать до вечера и только тогда отправиться к Абендсенам, одев свое новое платье. В нем не годится показываться днем — к обеду не

одевают вечернее платье.

Теперь можно закончить чтение книги.

Она включила радио, принесла кофе из буфета гостиницы. После этого поудобнее расположилась на аккуратно застеленной постели, обложившись подушками и взяла чистенький, еще нечитанный экземпляр «Саранчи», который она приобрела в книжном киоске гостиницы в Денвере.

В запертом на ключ номере она закончила читать книгу в четверть седьмого вечера. Сомневаюсь, дочитал ли ее до конца Джо, подумала она. В ней гораздо больше, чем он понял. О чем хотел сказать Абендсен? Разве только об этом выдуманном им мире? Неужели я единственная, кто это понимает? Держу пари, что именно так. В действительности не понимает «Саранчу» больше никто, кроме меня — они просто воображают, что понимают.

Все еще чувствуя себя неуверенно, Джулия спрятала книгу в чемодан, затем одела пальто и вышла из мотеля в поисках места, где можно было бы пообедать. Воздух был чистым, рекламы и огни Шайенна казались особенно волнующими. Перед входом в бар две хорошенькие проститутки-индеанки затеяли ссору между собой — она

приостановилась послушать. По улицам проезжало множество автомобилей, лоснящихся, сверкающих, все это зрелище в целом создавало атмосферу яркости и надежды, все, казалось, было устремлено вперед, а не назад… Назад, подумала она, к затхлости и тоске, к использованному и за ненадобностью выброшенного…

В дорогом французском ресторане — где служитель в белом смокинге парковал автомобили посетителей и на каждом столе горела свеча в огромном, цвета красного вина бокале, а сливочное масло подавалось не кубиками, а скатанное в круглые матовые шарики — она пообедала с наслаждением, а затем, имея еще массу свободного времени, медленно прогулялась пешком к мотелю. Купюры рейхсбанка у нее почти закончились, но она совершенно не волновалась, это уже казалось для нее чем-то несущественным.

Абендсен рассказал нам о нашем собственном настоящем мире, думала она, отпирая дверь номера. О том, что вокруг нас сейчас. Снова включила радио. Он хочет, чтобы мы увидели это, как оно есть. И я это вижу с каждым моментом все отчетливее.

Вынув голубое атласное платье из картонной коробки, аккуратно разложила его на кровати.

Оно было в прекрасном состоянии, единственное, что нужно было сделать, — это тщательно вычистить в поверхности остатки ворса. Раскрыв остальные пакеты, обнаружила, что не взяла с собою ни одного из новых полубюстгальтеров, купленных в Денвере. Разозлившись, с размаху плюхнулась в кресло, закурила сигарету и задумалась.

Может быть, одеть платье с обычным бюстгальтером? Она быстренько сбросила блузку и юбку, одела платье, но были видны шлейки и верхняя часть каждой половинки — явно такой бюстгальтер не пригоден. Или, может быть, подумала она, одеть вообще без бюстгальтера… прошло уже немало лет с тех пор, как она такое себе позволяла… ей вспомнились времена, когда она еще была старшеклассницей и у нее был совсем маленький бюст. Тогда это вызывало у нее немалую тревогу. Но теперь, с годами и благодаря занятиям дзюдо у нее стал тридцать восьмой размер. Став на стул в ванной комнате, чтобы видеть себя в зеркале шкафчика для туалетных принадлежностей, попыталась все же одеть новое платье без бюстгальтера.

Платье само по себе сногсшибательное, но, боже праведный, появляться в нем слишком рис-

кованно. Стоило чуть наклониться, чтобы вынуть сигарету или отважиться выпить — и… беда!

Булавка! Можно одеть платье без бюстгальтера и подобрать его впереди. Вывалив содержимое коробочки с украшениями на кровать, она стала выуживать булавки, сувениры, которые хранила многие годы, подарки Фрэнка или других мужчин еще до их женитьбы, и ту, новую, что купил ей Джо в Денвере. Да, небольшая серебряная булавка в виде лошадиной головы из Мексики как раз подойдет. Так что ей удалось в конце концов одеть платье.

Я рада, что достала что-то новенькое, отметила она про себя. Так много получилось не так, как хотелось, так мало осталось от еще недавно замечательных планов.

Усердно потрудившись над своими волосами, чтобы они потрескивали и блестели, подобрала туфли и серьги. Затем одела пальто, взяла новую кожаную сумочку ручной работы и вышли из номера.

Чтобы не ехать на своем старом «Студебеккере», Джулия попросила хозяина мотеля вызвать по телефону такси. Пока она ждала его в коридоре мотеля, у нее мелькнула мысль позвонить Фрэнку. Откуда взялась такая мысль, она и сама

не могла никак понять, но все больше думала об этом. А почему бы и нет? Он будет поражен, услышав ее, и с радостью оплатит разговор.

Стоя позади конторки, Джулия держала телефонную трубку у уха и восхищенно слушала, как переговариваются телефонистки междугородней связи между собой, пытаясь установить для нее связь. Она слышала, как телефонистка в Сан-Франциско, очень далеко отсюда, запрашивала номер в справочном бюро Сан-Франциско, затем множество отрывистых звуков и тресков и наконец продолжительные сигналы… Ожидая ответа, она внимательно следила за такси — оно может появиться теперь с минуты на минуту. Но водитель, разумеется, не станет возражать, если ему придется подождать немного, он такое обычно предполагает.

— Ваш абонент не отвечает, — сказал телефонистка из Шайенна в конце концов. — Мы повторим вызов через некоторое время позже…

— Не надо, — ответила Джулия, покачав головой. Все равно, это был лишь мимолетный каприз. — Меня здесь не будет. Большое спасибо. — Она положила трубку и быстро вышла из конторы на прохладный, темный тротуар и стала ждать.

Из потока машин к тротуару подъехало новенькое, так и светящееся такси и остановилось. Дверца открылась, и водитель вприпрыжку поспешил вокруг, чтобы открыть дверцу перед клиенткой.

Мгновением позже она уже наслаждалась роскошью заднего сиденья такси, везшего ее через весь Шайенн к Абендсенам.

* * *

Дом Абендсена был ярко освещен, слышались громкие голоса и музыка. Это был одноэтажный оштукатуренный дом, окруженный кустарниками, в основном из вьющихся роз. Ступив на вымощенную плитами дорожку, которая вела к крыльцу, она удивленно подумала, а где все-таки я нахожусь? Неужели это и есть «Высокий Замок»? А как же слухи и рассказы? Дом был самым обыкновенным, только хорошо ухоженным, так же, как и участок вокруг него. На заасфальтированном выезде из гаража виднелся детский трехколесный велосипед.

Может быть, это не тот Абендсен? Адрес она узнала из шайеннской телефонной книги, но телефонный номер совпадал с тем номером, по которому она звонила вчера из Грили.

Джулия поднялась на крыльцо по лесенке с коваными перилами и позвонила. Через полуоткрытую дверь была видна просторная гостиная, довольно большое число людей в ней, венецианские жалюзи на окнах, фортепиано, камин, книжные шкафы… Изыскано обставлено, подумала она. Прием, что ли? Но гости были не в приличествующих такому случаю вечерних туалетах.

Дверь резко распахнул взъерошенный мальчишка лет тринадцати в футболке и джинсах.

— Да?

— Это… дом мистера Абендсена? — спросила Джулия. — Он свободен?

Обращаясь к кому-то позади себя, внутри дома, мальчишка крикнул:

— Мам, она хочет видеть Пап.

Рядом с мальчишкой появилась женщина с темно-каштановыми волосами, лет примерно тридцати пяти, с решительным взглядом немигающих серых глаз и улыбкой столь все понимающей и столь же безжалостной, что Джулия тут же догадалась, что перед нею Кэролайн Абендсен.

— Это я звонила вчера вечером…

— О, да, конечно же. — Ее улыбка стала еще

более доброжелательной. Зубы у нее были ровные, белые. Ирландка, решила Джулия. Только благодаря ирландской крови может быть такой женственной линия подбородка. — Позвольте взять у вас сумку и пальто. Вам очень повезло. У нас собрались друзья. Какое прелестное платье… по-видимому, из Дома Моделей Керубини, верно? — Она повела Джулия через гостиную в спальню, где присоединила ее вещи к другим, лежащим на кровати. — Мой муж где-то здесь. Ищите высокого мужчину в очках, который по-старомодному тянет коктейль из фужера.

Из ее умных глаз прямо-таки струился свет на Джулию, а трепещущие губы как бы говорили: мы так хорошо понимаем друг друга, разве это не изумительно?

— Я проделала далекий путь сюда, — произнесла Джулия.

— Да, я понимаю. А вот я его теперь вижу. — Кэролайн Абендсен повела ее назад в гостиную, к группе мужчин.

— Дорогой, — позвала она, — подойди сюда. Это одна из твоих читательниц, которой очень хочется сказать тебе несколько слов.

От группы отделился мужчина и направился к ней с фужером в руках. Джулия увидела перед

собой непомерно высокого мужчину с черными курчавыми волосами. Кожа лица была смуглая, а глаза казались фиолетовыми или красно-коричневыми за стеклами очков, очень мягкого оттенка. На нем был дорогой костюм, пошитый на заказ, из натурального материала, скорее всего, из английской шерсти. Костюм делал шире и без того огромные плечи, но на нем не образовывалось ни единой складки. За всю свою жизнь ей не доводилось видеть такого костюма, как этот — она, словно завороженная, смотрела на него.

Первой заговорила Кэролайн.

— Миссис Фринк проделала на автомашине путь из Кэнон-сити в Колорадо, только для того, чтобы поговорить с тобой о «Саранче».

— Я думала, вы живете в крепости, — сказала Джулия.

Наклонившись слегка, чтобы получше ее рассмотреть, Готорн Абендсен задумчиво улыбнулся.

Да, мы жили. Но нам приходилось подниматься туда в лифте, и у меня развилась паническая боязнь. Правда, насколько я припоминаю, страх этот возник у меня, когда я был изрядно навеселе, и как мне потом рассказывали, я отказывался войти в кабину, потому что трос ее наверх тянет

сам Иисус Христос, и мы пойдем в этом случае по его же пути от начала и до конца. А я решительно этому противился.

Она ничего не поняла.

— Готорн, — пояснила Кэролайн, — сказал, что, насколько я его знаю, если он и увидит в конце концов Христа, то намерен сесть. Он не собирается стоять.

Церковный гимн, вспомнила Джулия.

— Поэтому вы оставили «Высокий Замок» и переехали назад, в город, — сказала она.

— Мне хочется вас чем-нибудь угостить, — сказал Готорн.

— Спасибо, — согласилась Джулия. — Но не коктейль. — Она мельком заприметила буфет с несколькими бутылками виски самых изысканных сортов, бокалами, льдом, миксером, соками и ломтиками лимона. Сопровождаемая Абендсеном, она направилась к буфету.

— Только «Харпер» со льдом, — попросила она. — Мне всегда нравится именно так. Вам знаком Оракул?

— Нет, — ответил Готорн, приготавливая ей напиток.

Его ответ поразил ее.

— «Книга Перемен»?

— Нет, не знаком с ней, — повторил он, передавая ей бокал.

— Не дразни ее, — заметила Кэролайн Абендсен.

— Я прочла вашу книгу, — сказала Джулия. — Фактически, я закончила ее сегодня вечером. Каким образом вы узнали о том, другом мире, который вы описываете?

Он ничего не ответил. Стал потирать костяшкой пальца верхнюю губу, глядя куда-то мимо нее и хмурясь.

— Вы пользовались Оракулом? — продолжала Джулия.

Готорн скользнул по ней взглядом.

— Я не хочу, чтобы вы отделались от моего вопроса смешками или шуткой, — сказала Джулия. — Скажите мне об этом прямо, не превращая в предмет для острот.

Закусив губу, Готорн вперил взгляд в пол. Обхватив себя руками за плечи, он стал раскачиваться вперед-назад на пятках. Другие гости, находившиеся в гостиной, поблизости от них, притихли, и от Джулии не ускользнула перемена в их поведении. Казалось, их покинуло веселье после ее вопросов. Но она и не пыталась вернуть или сгладить впечатление, произведенное ее сло-

вами. Она была совершенно искренней. Слишком важным это было. И она проделала такой большой путь и такое совершила, что теперь просто не в состоянии была требовать от него ничего другого, кроме чистейшей правды.

— Это… тяжелый для меня вопрос, — наконец произнес Абендсен.

— Нет, это вовсе не так, — настаивала Джулия.

Теперь притихли все, кто находился в комнате. Взгляды гостей были прикованы к Джулии, стоявшей вместе с Кэролайн и Готорн Абендсеном.

— Извините меня, — произнес Абендсен, но я не в состоянии ответить вот так, запросто. Вы должны это понимать.

— Тогда почему же вы написали эту книгу, — спросила Джулия.

Посмотрев не нее внимательно, Абендсен спросил:

— Что это за булавка на вашем платье? Чтобы отвратить опасных для вас злых духов из потустороннего мира? Или просто, чтобы все держалось вместе?

— Почему вы сменили тему? — не унималась Джулия. — Уклоняетесь от ответа на мой вопрос и делаете вот такое бессмысленное замечание. Это же несерьезно.

— У каждого, — произнес Готорн Абендсен, — есть свои особые секреты ремесла. У вас свои, у меня — мои. От вас требовалось прочесть эту книгу, воспринимая все, что в ней написано, за чистую монету, так, как воспринимаю я то, что вижу… — он сделал жест в ее сторону. — Не задаваясь, есть ли в вашей булавке подтекст, не пытаясь разобраться, что там внутри, какие там проволочки и прутики и как все подбито резинкой. Разве такого рода доверие не является частью человеческой натуры, не проявляется ли оно вообще в нашем отношении к окружающему? — То, что он сейчас раздражен и сильно волнуется, подумала Джулия, он уже не такой вежливый, уже не изображает из себя гостеприимного хозяина. И у Кэролайн, заметила она краем глаза, такое выражение лица, будто едва сдерживает охвативший ее гнев. Она плотно сомкнула губы и перестала улыбаться.

— В своей книге, — сказала Джулия, — вы ясно указали на то, что выход есть. Разве не это вы имели ввиду?

— Выход? — иронически повторил он.

— Вы очень сильно повлияли на меня, — сказала Джулия. — Теперь я вижу, что ничего не надо бояться, ничего не надо желать или ненавидеть,

избегать или опасаться. И что преследовать.

Он заглянул ей в лицо, продолжая смотреть в фужер, будто стараясь отыскать в нем что-то.

— А по-моему, в вашем мире есть очень много такого, за что можно было бы не пожалеть свечки.

— Я понимаю, что происходит у вас в душе, — сказала Джулия. Для нее это было старое, привычное выражение на лице мужчины, но сейчас, здесь, ее совсем не тронуло, когда она распознала его. Она сейчас ощущала себя уже совершенно другой по сравнению с тем, какой была раньше. — В досье гестапо говорится, что вас влечет к таким женщинам, как я.

Выражение лица Абендсена почти не изменилось.

— Гестапо не существует с 1947 года.

— Тогда СД или чего-то еще такого же.

— Извольте объяснить, — резко спросила Кэролайн.

— Давно хочу, — сказал Джулия. — Я доехала до Денвера с одним таким же. Они намерены здесь показаться в самом ближайшем времени. Вам нужно уехать в такое место, где они бы не могли вас найти, нельзя держать дом вот так, нараспашку, пуская у себе кого угодно, как пустили меня.

Рядом со следующим, кто будет сюда пробираться, может не оказаться кого-то воде меня, кто бы мог остановить его.

— Вы говорите — следующий, — произнес после некоторой паузы Абендсен. — А что стало с тем, с кем вы ехали до Денвера?

— Я перерезала ему горло, — ответила она.

— Это уже что-то, — сказал Готорн. — Когда тебе говорит такое женщина, женщина, которой ты никогда в своей жизни не видел раньше.

— Вы мне не верите?

Он кивнул.

— Что вы! — Он улыбнулся ей робко, нежно, даже как-то безнадежно. По-видимому, ему даже и в голову не пришло не верить ей. — Спасибо, — сказал он.

— Пожалуйста, спрячьтесь от них.

— Ну, — произнес он, — мы пытались это делать, это вам известно. Вы могли об этом прочесть на обложке книги… обо всем этом арсенале и проволокой под током. И мы написали это для того, чтобы сложилось впечатление, что мы все еще принимаем необходимые меры предосторожности. — Голос его звучал устало, вымучено.

— Ты, по крайней мере, мог бы носить при себе оружие, — сказал его жена. — Я знаю, что в один

прекрасный день кто-то из тех, кого ты приглашаешь, пристрелит тебя, прямо во время разговора, какой-нибудь специалист из наци в отместку. И ты будешь так же с ним философствовать, как сейчас с нами. Я это предвижу.

— Они в состоянии убрать, кого им надо, — сказал Готорн, — если захотят, независимо от того, будет ли он прятаться в «Высоком Замке» или за проволокой под током.

Он фаталист, отметила про себя Джулия. Равнодушие к собственной жизни. Неужели он узнал об этом таким же образом, как и о мире, описанном в его книге?

— Это Оракул написал вашу книгу, разве не так? — спросила Джулия.

— Вы хотите знать правду? — спросил Готорн.

— Хочу и имею на это право, — ответила она, — понимая, что я совершила. Разве это не так? Вы же знаете, что это так.

— Оракул, — произнес Абендсен, спал крепким сном все то время, что я писал книгу. Крепко спал в углу моего кабинета. — Во взгляде его не было ни малейшей тени озорства. Напротив, лицо его казалось вытянулось, стало еще более серьезным, чем когда бы то ни было.

— Скажи ей, — вмешалась Кэролайн. — Она

права. Она имеет право знать об этом, за все то, что она сделала ради тебя.

Повернувшись к Джулии, она произнесла:

— Тогда я скажу, миссис Фринк. Одну за другой Готорн перебирал альтернативы. Тысячи их. С помощью линий Оракула. Эпохи. Темы. Персонажи. Сюжет. На это ушли годы. Готорн даже спросил у Оракула, будет ли иметь успех его книга. И он ответил, что успех будет полным, по сути первым настоящим за всю его писательскую карьеру. Так что вы оказались правы. Вы, должно быть, сами очень часто обращались к Оракулу, чтобы догадаться об этом.

— Я хотела бы узнать, спросила Джулия, — для чего это Оракулу понадобилось писать роман? Спрашивали ли вы у него об этом? И почему роман именно о том, что немцы и японцы потерпели поражение в войне? Почему именно такой сюжет и никакой другой? Почему он не мог нам сказать об этом прямо, как обычно раньше? Здесь кроется какой-то глубинный смысл, вы так не думаете?

Ни Готорн, ни Кэролайн ничего не отвечали.

— Он и я, — в конце концов нарушил молчание Готорн, — давным-давно заключили соглашение, как делить гонорар. Если я спрошу у него, если я

спрошу у него, почему он пишет «Саранчу», то, чтобы не портить с ним отношения, я передаю ему свою долю. Вопрос этот подразумевает то, что я ничего не делаю, только печатаю на машинке, а это и не соответствует действительности, и просто непорядочно.

— Тогда я спрошу, — сказала Кэролайн. — Если ты отказываешься.

— Это не твой вопрос, чтобы ты могла его задавать, — сказал Готорн. — Пусть лучше она спросит. — Он указал на Джулию. — У вас какое-то неестественное, странное мышление. Вы об этом догадываетесь?

— Где ваш экземпляр? — спросила Джулия. — Мой остался в машине, в мотеле. Я сбегаю за ним, если вы не позволите воспользоваться вашим.

Повернувшись, Готорн направился к одной из дверей в гостиную. Она и Кэролайн последовали за ним, через всю, полную гостей, комнату. У двери он их оставил. Когда он вышел, все увидели в его руках два черных тома.

— Я не пользуюсь стеблями тысячелистника, — сказал он Джулии. — Никак не могу сохранить их полный комплект, все время теряю.

Джулия уселась за журнальный столик в углу гостиной.

— Мне нужна бумага и карандаш, чтобы записать вопрос.

Кто-то из гостей подал ей бумагу и карандаш. Все, кто был в комнате, образовали вокруг нее и Абендсенов круг, внимательно следя за происходящим и стараясь не пропустить не единого слова.

— Можете задавать вопрос вслух, — сказал Готорн. — У нас здесь нет секретов друг от друга.

— Оракул, — сказала Джулия, — почему ты написал «И легла саранча в великом множестве»? Что, как ты предполагал, мы должны были узнать из этой книги?

— У вас какой-то не очень связный, суеверный метод формулировки вопроса, — заметил Готорн, однако присел на корточки, чтобы видеть, как падают монеты.

— Начали, — сказал он и вручил ей три китайские медные монеты с отверстием посередине. — Я обычно пользуюсь ими.

Джулия начала бросать монеты. Чувствовала она себя очень спокойно и испытывала какую-то особенную уверенность. Он записал выпадающие линии. Когда она бросила монету шесть раз, глянула вниз, на бумагу, и сказала:

— «Сюнь» наверху, «Дуй» — внизу. В центре

ничего. Вы знаете, что это за гексаграмма? — спросила она. — Не прибегая к таблице?

— Да, — ответил Готорн.

— Это «Чжун Фу» — «Внутренняя правда». Я знаю это без таблицы. И я знаю, что она означает.

Подняв голову, Готорн пристально смотрел на нее. Выражение его лица стало почти свирепым.

— Она означает; вы это имеете ввиду, что моя книга правдива?

— Да, — ответила Джулия.

— И что Германия и Япония проиграли войну? — раздраженно произнес он.

— Да.

Тогда Готорн закрыл оба тома Оракула и выпрямился. Долго стоял молча.

— Даже вы не в состоянии признать этого, — сказала Джулия.

Какое-то время он, казалось, размышлял. Взгляд его, она это заметила, стал каким-то отрешенным. Он весь ушел в себя. Поглощен собственными мыслями… А затем взгляд его снова прояснился.

— Я ни в чем не могу быть уверен, — признался он.

— Поверьте, — сказала Джулия.

Он отрицательно покачал головой.

— Не можете? — сказала она. — В самом деле?

В ответ на это Готорн Абендсен произнес:

— Хотите, я поставлю вам автограф на вашем экземпляре?

Она тоже встала.

— Похоже на то, что пора мне уходить, — сказала она. — Большое вам спасибо. Простите меня, если я испортила вам вечер. С вашей стороны было так любезно, что вы приняли меня.

Она прошла мимо него к Кэролайн, прошла мимо окруживших ее гостей и зашла в спальню, где находились ее пальто и сумка.

Когда она одевала пальто, рядом с нею появился Готорн.

— Вы хотя бы понимаете, кто вы? — Он повернулся к Кэролайн, которая стояла рядом с ним. — Эта женщина — какой-то демон. Маленький хтонический дух из подземного царства, который… — он поднял руку и потер бровь, слегка сместив вниз для этого очки. — …который как неприкаянный скитается по поверхности земли. — Он вернул очки на место. — Она делает то, что подсказывает ей инстинкт, просто выражая то, что существует на свете. Она совсем не собиралась появляться здесь или причинить кому-то вред; просто так уж случилось с нею, она этого

не выбирала, как мы не выбираем погоду, когда выходим из дому. Я рад, что она пришла. Я вовсе не огорчен, узнав об этом, об этом откровении, которое к ней пришло из книги. Она ведь не знала, что собирается делать и что ей выпадет понять. Я думаю, что всем нам повезло. Поэтому давайте не будем сердиться на нее за это. Договорились?

— Она несет в себе ужасный, ужасный разрушительный дух, — сказала Кэролайн.

— Такова и наша реальность, — сказал Готорн. Он протянул свою руку Джулии. — Спасибо за то, что вы сделали в Денвере.

Она пожала его руку.

— Спокойной ночи, — сказала она. — Слушайтесь советов своей жены. Держите при себе хотя бы личное оружие.

— Нет, — ответил он. — Я так решил уже давным-давно. Я не намерен позволить этому себя тревожить. Я могу полагаться и впредь на Оракула, если станет невмоготу, особенно поздно ночью. Это не так уж плохо в данной ситуации. — Он слегка улыбнулся. — Фактически, что меня беспокоит гораздо больше, это то, я в этом нисколько не сомневаюсь, что пока мы здесь разговариваем, эти лоботрясы, которые здесь вокруг стоят, развесив уши и всему веря, выпьют

все спиртное, что есть в доме. — Повернувшись, он решительно зашагал к буфету, чтобы добавить свежего льда в свой стакан.

— Куда же вы теперь собираетесь, после того, как уйдете от нас? — спросила Кэролайн.

— Не знаю. — Это как-то совсем не беспокоило Джулию. Я должно быть, в чем-то похожа на него, подумала она. Я не позволяю некоторым вещам беспокоить меня, независимо от того, насколько они важны. — Я, пожалуй, вернусь к своему мужу, Фрэнку. Я пыталась с ним созвониться сегодня вечером. Попробую еще. Все зависит от того, какое у меня будет настроение позже.

— Несмотря на все, что вы сделали для нас, или, что, как вы говорите, сделали…

— Вы желали бы, чтобы я лучше не появлялась в этом доме, — сказала Джулия.

— Если вы спасли Готорну жизнь, то это просто ужасно с моей стороны, но… я так расстроена, я не в состоянии переварить все, так сразу, то, что вы сказали, и то, что говорил Готорн.

— Как странно, — произнесла Джулия. — Я бы никогда не подумала, что правда может так вас рассердить. — Истина, подумала она. Такая же страшная, как смерть. Но ее немного труднее найти. Мне в этом повезло. — Я считала, что вам

это будет так же приятно и интересно, как мне. Ведь это просо недоразумение, не так ли? — она улыбнулась, а через некоторое время и миссис Абендсен удалось улыбнуться ей в ответ. — Ну что ж, все равно, спокойной вам ночи.

Мгновением позже Джулия уже повторяла в обратном порядке весь свой путь по вымощенной плитками дорожке, пересекла полосы света из окон гостиной и растворилась в темноте газона перед домом и дальше во мраке тротуара.

Она шла, не оглядываясь на дом Абендсена, и искала глазами такси или что-нибудь другое, движущееся, ярко освещенное, живое — что могло бы подвезти ее в мотель.

Приложение

Символ Дао — всеобщего закона Вселенной… — готовые перейти одна в другую, равные, вечно враждующие и неотделимые космические силы янь (белая) и инь (черная). Белая точка на черной половине и черная на белой — признаки их непременного взаимопроникновения…

Древние оставили нам множество памятников-загадок, который мы сегодня не в силах разгадать даже с помощью компьютерной техники.

Они были первопроходцами философской, этической, эстетической мысли. Еще не зная бумаги и имея значительно меньше материала для обобщений, чем мы, творили вечные эталоны и здесь.

Они с успехом лечили людей практически без лекарств и делали сложнейшие, даже по современным понятиям, операции, вплоть о нейрохирургических…

Наши древние предки многое понимали порою лучше нас, многое предвосхитили. Но не предполагали, что настанет время, когда техника созданная человеком, окажется в состоянии

соперничать с силами самой планеты, и когда из бесчисленных творений природы на плечи одного только человека ляжет ответственность за все живущее на Земле. Что научно-технический прогресс в XX веке окажется куда более бурным, чем прогресс в понимании человеком природы. Что стремление к большему, нежели может охватить разум, когда-нибудь станет опасным. Что слабость перед соблазном делать что-то просто потому, что это возможно сделать, станет разрушительной силой. Что на высшей стадии эволюции угрожать человеку будет горе не от ума, от недоумия.

Конечно, три-четыре тысячи лет назад представить подобное было трудно. Представлений в те времена вообще бытовало меньше. Зато все они были ясные и недвусмысленные, хотя всегда проверялись по двум пробным камням, камням-силам — вечно враждующим и навеки неразделимым — добра и зла. И это гораздо позже.